

Международный научный
и общественно-политический журнал

ОБЩЕСТВО И ЭКОНОМИКА SOCIETY AND ECONOMY

№ 7, 2020

Журнал учрежден академиями наук – участниками
Международной ассоциации академий наук

Выходит 12 раз в год.

**Главный редактор – член-корреспондент РАН
К. Микульский**

Редакционная коллегия: д. э. н. **А. Алирзаев**, академик НАН Беларуси **Е. Бабосов**, академик НАН Республики Армения **Г. Брутян**, академик НАН Украины, иностранный член РАН **В. Геец**, д.э.н. **Р. Джабиев**, член-корр. НАН Кыргызской Республики **Д. Джунушалиев**, академик АН Республики Таджикистан **М. Диноршоев**, академик РАН **В. Журкин**, член-корр. РАН **И. Иванов**, д.э.н. **С. Калашников**, академик АН Республики Таджикистан **Н. Каюмов**, академик НАН Кыргызской Республики **Т. Койчуев**, д.э.н. **П. Кохно** – зам. гл. редактора, академик НАН Республики Казахстан **А. Кошанов** д. филос. н., иностранный член РАН **Нгуен Зуй Куи**, академик РАН **А. Некипелов**, академик НАН Беларуси **П. Никитенко**, д. филос. н. **Ш. Нурыев**, академик НАН Грузии **В. Папава**, академик РАН **Б. Порфирьев**, д. ю. н. **Я. Путкарадзе**, д. э. н. **А. Расулев**, академик АН Молдовы **А. Рошка**, академик НИА Республики Казахстан **О. Сабден**, академик АН Азербайджана **З. Самедзаде**, академик РАН **Н. Симония**, **В. Соколин**, д. филос. н. **О. Тогусаков**, академик АН Республики Узбекистан **Р. Убайдуллаева**, академик НАН Украины **Ю. Шемшученко**, д. э. н. **Е. Ясин**.

СОДЕРЖАНИЕ

Поль Савченко. Феномен Системы как способ развития российской цивилизации	5
Сергей Капканщиков. Структура государственных расходов и экономический рост	16
Олег Сухарев. Технологическая индустриализация: современность и новые возможности	32
Нигора Талипова, Жасур Ниязалиев. Моделирование внешнеэкономических процессов стран Центральной Азии	52
Владимир Третьяк. Безусловный основной доход как зародышевая форма оценки деятельности в свободное время	64
Алишер Расулев, Сергей Воронин, Зиёдулла Мухитдинов. Реформа налогообложения в Республике Узбекистан: используемые подходы и их соответствие положениям ведущих научных школ	75
Борис Хейфец, Вероника Чернова. Влияние пандемии COVID-19 на глобальную продовольственную безопасность	86
<i>ОБЗОР</i>	
Нина Пусенкова. Опыт реформирования национальных нефтяных компаний	99

CONTENTS

P. Savchenko. System phenomenon as a way of development of Russian civilization	5
S. Kapkanschikov. Economic growth and the composition of government spending	16
O. Sukharev. Technological industrialization: modern and new opportunities	32
N. Talipova, Ja. Niyazaliev. The modeling of transborder economic processes in Central Asia	52
V. Tretyak. Basic income as a germ form of the assessment of free-time activities	64
A. Rassulev, S. Voronin, Z. Muhitdinov. Tax reform in the Republic of Uzbekistan: the approaches used and their compliance with the criteria developed by leading schools of economic thought	75
B. Kheyfets, V. Chernova. COVID-19 pandemic influence on global food security	86
<i>A SURVEY</i>	
N. Poussenkova. Reforming national oil companies: successes and failures	99

Журнал «Общество и экономика» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук по специальностям: 08.00.00 – экономические науки; 22.00.00 – социологические науки.

Научно-организационная работа по изданию журнала
осуществляется при поддержке
Международного научно-исследовательского института
социального развития

© 2020

Поль Савченко

доктор экономических наук, профессор,
главный научный сотрудник

Института экономики Российской академии наук

(e-mail: pol@inecon.ru)

ФЕНОМЕН СИСТЕМЫ КАК СПОСОБ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

В статье раскрывается понятие Системы как тип и способ развития российской цивилизации. Рассматривается проблематика сбалансированности целого и частей на макро-, мезо- и микроуровне. Ключевое значение имеет анализ роли человека как фактора производства и человеческий капитал.

Ключевые слова: Система, цивилизация, типы Систем, модель Системы, человеческий капитал, конвергенция, устойчивое и динамичное развитие России.

DOI: 10.31857/S020736760010585-2

Феномен Системы позволяет исследовать взаимодействие целого и частей, вертикальных и горизонтальных структур, развитие социально-экономических связей между людьми, социальными группами и хозяйственными субъектами российской цивилизации в постиндустриальный период. «Россия — это не просто страна, — отметил Президент РФ В. Путин — это отдельная цивилизация: это многонациональная страна с большим количеством традиций, культур, вероисповеданий»¹.

Система как способ развития цивилизации, с одной стороны, раскрывает воздействие развития одного звена на многообразное целое, а с другой стороны, развитие целого создает условия для развития его частей. Система как целое объединяет вертикальные и горизонтальные отношения на макро-, мезо- и микроуровне — формальные и неформальные, экономические, социальные, административные, корпоративные, культурные и т.д. В Системе есть механизмы и институты, обеспечивающие ее целостность, — единый рынок, государство, институты гражданского общества и т.д.

Система интегрирует экономическую, социальную, политическую, нравственно-духовную и семейно-бытовую подсистемы, поэтому они действуют как части единого целого. Каждая из них имеет свой коридор, свои институты, систему управления, субъекты и объекты². Фундаментальной основой Системы является экономическая подсистема.

¹ Выступление Президента РФ В. Путина на телеканале «Россия 1» 17.05.2020. www.iz.ru

² Система страны является сложной, открытой и нелинейной. Как сложная система, она состоит из большого числа взаимосвязанных и взаимозависящих объектов и субъектов. Как открытая система она взаимодействует с глобальным миром. Как у нелинейной системы у нее могут быть устойчивые и неустойчивые состояния. (См.: Садовский В.Н., Людвиг фон Бергаланфи. Развитие системных исследований в XX веке / Системный подход в современной науке // М.: Прогресс-Традиция. 2004. С. 10–11.)

В Системе особое место занимает человек, его интеллект и творческий потенциал. Функции человека в Системе развиваются по мере того, как он перестает быть придатком машины и становится главным фактором нового качества экономического роста. Функции человека как субъекта социально-экономических отношений в Системе становятся многообразными по мере усложнения механизма функционирования социально-экономических отношений и возрастания социальных факторов экономического роста в Системе.

Система как способ развития цивилизации прошла путь от формального к реальному этапу развития. Эмбриональный, формальный этап начался в доиндустриальном обществе, получил развитие при переходе к индустриальному этапу, когда в экономике сложился комплекс, охватывающий корпорации и государство, и появилась новая система управления. Реальный этап развития Системы сформировался при переходе от индустриального к постиндустриальному этапу развития общественно-го характера процесса производства, когда происходят качественные и количественные изменения целого и его частей – в экономическом росте, технологическом укладе и социальном тренде развития общества. Усложняются институциональные отношения, состав и содержание форм собственности, социальная структура общества, происходит интеграция рыночных и нерыночных начал, государства и гражданских форм политической деятельности и т.д.³

Реальная, сформированная Система становится фактором роста, дает большой мультипликативный эффект. Интеллект и творческий потенциал человека становятся главными факторами экономического роста.

В условиях турбулентности и преодоления последствий пандемии коронавируса в исследовании феномена Системы особое место занимает проблема ее устойчивости.

Устойчивость развития становится требованием не только количественного роста, но и отражением адекватности этому росту сложившейся многослойной структуры Системы. Если структура устарела или находится в состоянии неопределенности, то устойчивого развития не получится. Отсюда вытекает необходимость сбалансированного экономического роста.

Системе нужна устойчивость действующей конструкции, но в то же время необходимо совершенствовать механизмы развития. Иногда они противоречат друг другу (например, свобода и справедливость, план и рынок, монополия и конкуренция, прибыль и вознаграждение за труд и т.д.), но нужно их сбалансировать. В этом сложность поиска институциональных норм регулирования, адекватных решению этих задач развития Системы.

Устойчивость развития Системы всегда относительна, ее условием является сбалансированность вертикальных и горизонтальных отношений во всех подсистемах. В Послании Президента РФ Федеральному

³ См.: Смешанное общество. Российский вариант / под ред. Л. Никифорова // М.: Наука, 1999. С. 71–73.

собранию 15.01.2020 отмечается: «Мы должны создать систему прочную, надежную, неуязвимую и по внешнему контуру абсолютно стабильную, безусловно, гарантирующую России независимость и суверенитет. В то же время систему внутри себя живую, гибкую, легко и своевременно, главное, меняющуюся в связи с тем, что происходит в мире вокруг нас, а главное, в связи с развитием самого российского общества»⁴.

В исследовании Системы как способа развития цивилизации особое место занимает человек, который, с одной стороны, выступает как главная производительная сила, а с другой стороны, – как субъект социально-экономических отношений, как фактор производства и человеческий капитал, как субъект экономики и общества, как эгоист и альтруист.

Человек – это своего рода микросистема, в которой, как в зародыше, представлены все сегменты, все аспекты развития Системы⁵. Человек, находясь на пересечении сил взаимодействия между подсистемами и Системой в целом, выступает как ядро Системы. Известно, что в ядре всякой системы концентрируется энергия ее развития, осуществляются функции обобщения, интеграции и управления. Все подсистемы в Системе рассматриваются как сферы деятельности человека как субъекта экономических, социальных, политических, нравственно-духовных и семейно-бытовых отношений⁶.

Исследование человека как ядра Системы раскрывает перспективы развития цивилизации на этапе перехода от потребительского общества к гуманитарному обществу, где культура и интеллект становятся основой развития потребностей человека⁷. Потребности человека будут все время возрастать по мере того, как его интеллект, знания и творческий потенциал станут главными факторами развития общества. Система как способ развития цивилизации, в известной мере, дает ответ на вопрос о будущем развитии общества.

⁴ <http://www.kremlin.ru>

⁵ Проблемы человека рассматриваются в работах: Автономов В.С. Модели человека в экономической науке // СПб.: Эконом. школа, 1998; Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я. Индивидуум & государство: экономическая дилемма // М.: Изд-во «Весь мир», 2013; Капелюшников Р.И. Экономические очерки: методология, институты, человеческий капитал // М.: Изд. дом ВШЭ, 2016; Ольсевич Ю.Я. Психологические основы экономического поведения // М.: ИНФРА-М, 2009; Российское общество и вызовы времени. Книга пятая / Под ред. Горшкова М.К., Петухова В.В. // М.: Изд-во «Весь Мир», 2017; Савченко П.В. Очерки о социально-экономической Системе России: человек как вектор развития // М.: ИНФРА-М, 2016; Фролов И.Т. О человеке и гуманизме / работы разных лет // М.: Политиздат, 1989 и др.

⁶ Существуют различные трактовки человека. В неолиберальной трактовке интересы человека – это D-T-D'. В этих условиях человек рассматривается как «изобретательный, испытывающий ограничения, имеющий ожидания, оценивающий, максимизирующий человек». (См.: Автономов В.С. Модели человека в экономической науке // СПб.: Эконом. школа, 1998. С. 42.) В соответствии с либеральной трактовкой человек в рыночной экономике рассматривается как человеческий капитал. «Страна, которая сможет сформировать современную эффективную модель развития человеческого капитала, – отмечает В. Мау, – получит мощное преимущество в современном мире». (См.: Мау В.А. Кризисы и уроки. Экономика России в эпоху турбулентности // М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. С. 372.)

⁷ См.: Бодрунов С.Д. К вопросу о ноономике // Экономическое возрождение России, 2019, № 1. С. 7–8.

Система как способ развития цивилизации раскрывает развитие социально-экономических отношений в постиндустриальный период в условиях формирования нового технологического уклада, связанного с инновационной и цифровой экономикой, роботизацией и искусственным интеллектом.

Теоретические аспекты исследования феномена Системы неразрывно связаны с методологией исследования особенностей российской цивилизации. Методология исследования дает возможность разграничить общие и идентичные особенности российской Системы, позволяет сделать вывод, что тип Системы устойчив. Тип Системы определяет ее внутреннюю структуру с разной степенью зависимости ее элементов от центра и многообразием связей между элементами, с разной степенью их автономности.

Исторически сложились два типа Системы в развитии цивилизации – с превалированием вертикальных или горизонтальных методов управления. Особенностью первого типа Систем является преобладание централизованных, административных методов управления, а второго типа – преобладание рыночных, демократических методов управления. В Системах первого типа превалируют вертикальные отношения, а в Системах второго типа – горизонтальные отношения. Объединение целого и частей в Системах первого типа осуществляет, преимущественно, государство, а в Системах второго типа – преимущественно, свободный рынок. В каждой суверенной стране складывается модель Системы с учетом ее идентичных особенностей. Формы и системы управления модели Системы могут изменяться с течением времени.

Российская Система исторически сложилась как модель первого типа Системы, с превалированием вертикальных отношений, с авторитарными методами управления, что связано с историей российской цивилизации, самодержавия и особенностями развития капитализма после отмены крепостного права. Авторитарная Система сохранялась на протяжении длительного исторического периода.

После свержения самодержавия в феврале 1917 г. появилась возможность замены вертикального типа Системы на горизонтальный, демократический тип. Легитимно решить вопрос об изменении формы правления могло Учредительное собрание, избранное на основе демократических принципов (многопартийной системы, всеобщих, прямых и равных выборов). Но после свержения Временного правительства в октябре 1917 г. Учредительное собрание было разогнано. В результате предоставленный историей для России шанс изменения типа Системы не был реализован. Вертикальная, авторитарная Система сохранилась в иной форме: вместо самодержавия – диктатура пролетариата, советская власть. Она существовала до периода развала Советского Союза, ликвидации советской социалистической модели развития Системы.

После развала Советского Союза и советской социалистической модели Системы в результате рыночных реформ и социально-экономической политики, проведенных по либеральным лекалам, в России появилось смешанное общество. Оно возникло не путем естественного развития –

обобществления производства, концентрации и централизации капитала, а вследствие «шоковой терапии», передела общенародной собственности на основе ваучерной приватизации и залоговых аукционов, появления новой элиты в обществе — олигархов и элиты государственного управления. В результате в России сложился государственно-олигархический капитализм. Возможно, это дает ответ на вопросы, почему в России существует противоречие между интересами финансовой олигархии и развитием реального сектора экономики, почему в системе управления не адаптируются стратегическое планирование и равная оплата за равный труд.

Все это оказало влияние на особенности развития смешанного общества в России, на интеграцию рыночных форм экономических укладов и институциональных норм их развития и оставшихся укладов и институциональных норм советского периода. Варианты этой интеграции во многом будут связаны с тенденцией развития Системы, ее вертикальных и горизонтальных структур. Существуют два варианта изменения структуры Системы — на основе усиления вертикальных или горизонтальных отношений. Неолиберальный вариант связывает его с усилением горизонтальных отношений Системы⁸. Альтернативный вариант предполагает усиление вертикальных отношений. Для России с учетом исторических идентичных особенностей ее цивилизации адекватно сохранение и укрепление вертикальных отношений Системы.

В этой связи сложились две противоположных точки зрения. Одна из них состоит в том, что действующая Система, и прежде всего политическая подсистема, изжила себя, поэтому требуются радикальные, революционные изменения. Так, Г. Явлинский считает, что необходимо ликвидировать сложившуюся Систему, поскольку она исчерпала свои возможности и поставила Россию на край пропасти. По его мнению, «нынешняя система неререформируема», поскольку «у нее нет по-настоящему законных процедур»⁹. Согласно другой точке зрения совершенствование Системы надо осуществлять эволюционно, с помощью реформ, создания новых институтов, модернизации экономической и социальной политики. На наш взгляд, наиболее оправданно стремление к эволюционному развитию путем укрепления гражданского общества.

Эволюционное развитие возможно в смешанном обществе в России, поскольку оно не исключает конвергенцию позитивных сторон социализма и капитализма, свободы и справедливости¹⁰, функций человека как фактора производства и человеческого капитала. Создается интегрированная система управления, включающая государственное и рыночное регулирование.

Дж. К. Гэлбрейт выделял общее в системе управления государства в СССР и США в постиндустриальный период: «Экономическая система,

⁸ В современном обществе, как отмечает Дж. Стиглиц, важную роль играет укрепление горизонтальных отношений. В противном случае возможны социальные потрясения. (См.: Российская газета, 27.11.2019.)

⁹ Выступление Г. Явлинского на радио «Свобода» 06.04.2011.

¹⁰ См.: Гринберг Р.С. Свобода и справедливость: российские соблазны ложного выбора // М.: Магистр, ИНФРА-М, 2012.

под какой бы формальной идеологической вывеской она ни скрывалась, в существенной своей части представляет собой плановую экономику». Он связывал с конвергенцией будущее развитие экономики – формирование «крупного комплекса, охватывающего корпорации и государство»¹¹.

В России, как отмечал Е. Примаков, «формируется основа конвергентной модели общественного развития, объединяющей ценности социализма и либерализма. В центре этой модели – государство, которое своей деятельностью придает социальную ориентацию рыночной экономике»¹². Эти идеи легли в основу успешной деятельности Е. Примакова на посту Председателя Правительства РФ по выводу страны из кризиса в 1998 г. Конвергенция не подрывает интересы национальной экономики России и ее суверенитет.

В российской Системе доминирующее место занимает государство.

Известно, что существуют различные оценки доли государства в российской экономике. Например, по данным МВФ, вклад государства и госкомпаний в ВВП РФ достигает 70%¹³. По данным Министерства экономического развития РФ доля государства в ВВП приближается к 50%¹⁴. По различным экспертным оценкам, доля государства в ВВП России находится в диапазоне 26–41%¹⁵.

Роль государства в Системе необходимо исследовать не только с количественной, но и с качественной стороны. Государство выполняет централизованные, авторитарные, властные функции в экономической, социальной и политической подсистемах. Государство как субъект рынка и субъект социальных отношений является организатором экономического, правового и социально-политического пространства для рыночных структур¹⁶.

В российской Системе государство выступает как субъект экономики, как партнер бизнеса. Государство гарантирует соблюдение институциональных норм хозяйственной деятельности, зафиксированных в Конституции РФ, Гражданском кодексе РФ, Трудовом кодексе РФ, Налоговом кодексе РФ, законах и подзаконных актах. Они создают общие правовые предпосылки для взаимодействия государства и бизнес-сообщества в достижении общих целей.

Взаимодействие государства и бизнес-сообщества во многом зависит от модели, формы сотрудничества. При разработке этой модели в России можно использовать позитивный опыт КНР в осуществлении стратегического планирования. Например, контрактная система в КНР – это интегрированная форма стратегического планирования, которое осуществляет государство, и рыночного регулирования. Контрактная система

¹¹ См.: Гэлбрейт Дж. К. Новое индустриальное общество / в кн. Мировая экономическая мысль сквозь призму веков. Том IV. // М.: Мысль, 2004. С. 376–377, 381.

¹² См.: Примаков Е.М. Мысли вслух // М.: Российская газета, 2011. С. 45.

¹³ См.: www.rbc.ruleconomics.

¹⁴ См.: <https://rueconomics.ru>; www.economy.gov.ru.

¹⁵ См.: Хубиев К. О роли государства в экономическом развитии // Экономист, 2017, № 2. С. 26.

¹⁶ См.: Смешанное общество. Российский вариант / под ред. Л.В. Никифорова // М.: Наука, 1999. С. 85.

обеспечивает баланс интересов и доверие субъектов государства и бизнеса при сохранении функций государства как гаранта устойчивого развития. В контрактной системе в КНР институты государства работают как гарант правовых, юридических норм функционирования частной собственности, эффективной деятельности бизнеса на внутреннем и внешнем рынках (получения прибыли), осуществления инвестиционных проектов, развития приоритетных секторов экономики, привлечения иностранных инвестиций.

Контрактная система сочетает позитивные стороны стратегического планирования и рыночного регулирования деятельности бизнес-сообщества. Это гибрид государственных и рыночных институтов, который создает комфортные условия для бизнеса на рынке и для функций государства в успешном развитии национальной экономики (банки развития, инвестиционные дотации, специальные фонды, налоговые и таможенные льготы).

Стратегическое планирование – важное условие устойчивого и динамичного развития экономики России. Но для этого нужно, чтобы оно заняло достойное место в системе государственного управления и были созданы институты его функционирования. Первые шаги в этом направлении предпринимаются, о чем свидетельствуют Федеральный закон «О стратегическом планировании в РФ» от 28.06.2014 № 172-ФЗ, национальные проекты, поддержка системообразующих предприятий, малого и среднего бизнеса, Федеральный закон «О защите и поощрении капиталовложений в РФ» № 69-ФЗ от 01.04.2020.

В соответствии с Федеральным законом «О защите и поощрении капиталовложений в РФ» № 69-ФЗ от 01.04.2020 государство выступает гарантом шестилетнего моратория на изменение ставок налогов и регуляторных условий для инвестпроектов до 5 млрд руб., пятнадцатилетнего – для инвестпроектов от 5 до 10 млрд руб., двадцатилетнего – для инвестпроектов свыше 10 млрд руб. Для инвестпроектов свыше 10 млрд руб. предусмотрено заключение индивидуальных соглашений, в которых, кроме налогового моратория, гарантируется также установление специальных тарифов на услуги естественных монополий, вывозных пошлин на срок от шести до 20 лет, квот на различные ресурсы, возмещение потерь инвесторам из госбюджета в случае изменения регулирования¹⁷. Предполагается, что механизм этого закона увеличит объем инвестиций до 30 трлн руб. преимущественно за счет средств бизнеса, находящихся на депозитах в банках¹⁸. Реализация этого закона будет во многом зависеть от преодоления противоречия между интересами финансовой олигархии и реального сектора экономики. В этом аспекте следует также рассматривать снижение ключевой ставки ЦБ, которое приводит к снижению ставок по кредитам для бизнес-сообщества.

Система как способ развития цивилизации раскрывает место и роль социальных функций государства. Эти функции зафиксированы

¹⁷ www.kremlin.ru

¹⁸ Как отмечал на Московском финансовом форуме министр финансов РФ А. Силуанов, российский бизнес хранит на депозитах около 28 трлн руб. (Российская газета. 2019. 13 сент. С. 3.)

в Конституции РФ¹⁹. Исследование показывает, что социальные функции государства играют важную роль в развитии социального тренда.

Социальный тренд Системы выступает неизменным условием нового качества экономического роста. Социальные аспекты не только поглощают плоды экономического развития, но и сами являются факторами экономического роста.

Развитие социального тренда в Системе непосредственно связано со сбалансированностью закона возмещения затрат на рабочую силу и закона распределения по труду, в соответствии с количеством и качеством труда человека. Сбалансированность этих законов, в конечном счете, влияет на повышение роли заработной платы как формы вознаграждения за труд и цены рабочей силы, обеспечение равной оплаты за равный труд, преодоление стагнации реальных располагаемых доходов населения, чрезмерной дифференциации доходов населения²⁰, бедности.

Система как способ развития цивилизации имеет особое значение для исследования регионов России как частей целого, принимая во внимание огромную территорию, многонациональный и многоконфессиональный состав населения России и сложившийся разрыв в социально-экономическом развитии регионов.

85 российских регионов различаются по валовому региональному продукту на душу населения в 16,5 раз, а по фактическому конечному потреблению домашних хозяйств на душу населения – в 4,3 раза²¹.

Межрегиональная дифференциация среднедушевых денежных доходов по субъектам РФ достигает почти 5,3 раза, среднемесячной начисленной заработной платы – 3,9 раза, доли населения с доходами ниже прожиточного минимума – более 5 раз²².

В России сложилась значительная межрегиональная дифференциация в обеспечении населения социальными благами. Из 85 регионов 72 – дотационные. Уровень бюджетного обеспечения госуслуг в десяти самых богатых регионах в 2017 г. был в 6,9 раза выше, чем в десяти самых бедных. Дотации из федерального бюджета частично сокращают этот разрыв, но он все равно остается значительным – в 3,1 раза²³.

¹⁹ В соответствии со статьей 7 Конституции РФ Россия – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. В РФ охраняется труд и здоровье людей, устанавливается гарантированный минимальный размер оплаты труда не ниже прожиточного минимума, обеспечивается поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, развитие системы социальных служб, устанавливаются государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты.

²⁰ По данным аналитиков банка *Swiss*, владельцами более 1/3 богатства всех российских домохозяйств являются 110 человек (См.: Российская газета, 11.10.2013.) В результате сложилось вопиющее неравенство в доходах населения. В России на долю 20% наименее обеспеченных в 2018 г. приходилось 5,3% доходов, а на долю 20% наиболее обеспеченных – 46,9%. (Россия в цифрах. 2019 / Стат. сб. // М.: Росстат, 2019. С. 115, 126.)

²¹ Рассчитано по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019 / Стат. сб. // М.: Росстат, 2019. С. 476–479, 494–495.

²² Рассчитано по: Российский статистический ежегодник. 2017. // М.: Росстат, 2017. С. 141–142.

²³ URL: www.gks.ru

Все это свидетельствует, что не работают механизмы, призванные обеспечивать развитие регионов как частей целого. Без этого нельзя решить проблемы равной оплаты за равный труд, обеспечения равнодоступности образования и здравоохранения для всего населения России, независимо от того, в каком регионе живет человек.

Состояние многих объектов здравоохранения, как отметил директор НИИ неотложной детской хирургии и травматологии Л. Рошаль, «ниже плинтуса». Каждая седьмая детская поликлиника находится в аварийном состоянии, у 50% отсутствует горячее водоснабжение, у 40% – отопление, у 35% – канализация²⁴.

Это же отметил Председатель Правительства РФ М. Мишустин при посещении областной больницы скорой помощи 25.02.2020 г. в Кургане. Осмотрев это медицинское учреждение, он сказал, что ему стало стыдно за то, в каком состоянии находится больница²⁵.

Эта ситуация проявилась особенно остро, когда страна оказалась перед лицом борьбы с пандемией коронавируса.

Аналогичные проблемы имеются в системе образования. Так, по данным обследования материально-технического состояния школ в 72-х регионах, проведенного в 2018 г. активистами ОНФ, только в 22% школ нет существенных проблем. Более чем в половине школ внутренние помещения находятся в плачевном состоянии (протечки, грибок, грязь и т.д.), в 1/3 школ не соблюдаются требования безопасности, нет спортзалов, спортивных площадок и стадионов, в 25% школ в туалетах неисправная сантехника, текут трубы, нет водоснабжения, а в 5000 школ, по данным Министерства образования, туалеты на улице. Многие здания требуют капитального ремонта²⁶.

В развитии региона как части целого особое место занимает принцип равной оплаты за равный труд. В образовании и здравоохранении этот принцип длительное время отсутствовал, что, в конечном счете, привело к снижению качества работы государственных организаций образования и здравоохранения, текучести и дефициту кадров, усилило дифференциацию в развитии социальной сферы в регионах. Решение проблемы равнодоступности образования и здравоохранения непосредственно связано с восстановлением принципа равной оплаты за равный труд учителей и врачей.

В исследовании Системы как способа развития цивилизации особое место занимают проблемы экономической и социальной безопасности, связанные с теневой экономикой и коррупцией.

Основы коррупции связаны с бюрократизмом и монополией рабочего места в вертикали структуры государственного и муниципального управления²⁷, где иерархия и цена рабочих мест может быть источником

²⁴ См.: Независимая газета, 28.02.2020. С. 4.

²⁵ См.: <https://www.rbk.ru>

²⁶ См.: <https://www.ucheba.ru>

²⁷ См.: Шубкин В. Бюрократия. Точка зрения социолога // «Знамя», 1987, № 4; Попов Г.Х. О коррупции в постиндустриальном обществе // «Наука и жизнь», 2010, № 3.

нелегитимных рентных доходов, взяток в зависимости от решения вопросов распределения бюджетных средств, госзаказов, земельных участков, осуществления контрольных функций и т.д.²⁸. В числе коррупционеров — министры, губернаторы, ответственные работники правоохранительных органов, ректоры вузов и рядовые чиновники. Коррупция не только наносит экономический ущерб, но и разрушает нравственно-духовные основы Системы, подрывает доверие человека к Системе. Коррупция, как ржа, разъедает Систему.

Коррупция остается сложной нерешенной проблемой. Индекс восприятия коррупции (ИВК)²⁹ в России вырос с 27 в конце 1980-х гг. до 137 в 2019 г., в то время как в КНР он составляет 80, а в Сингапуре — 4³⁰.

В России принят Национальный план противодействия коррупции³¹, но пока он работает недостаточно эффективно. По оценке председателя Счетной палаты РФ А. Кудрина, ежегодно расхищается 2–3 млрд руб. из федерального бюджета³².

Коррупция будет уменьшаться по мере повышения качества и совершенствования структуры государственного управления, повышения гражданской ответственности на каждом рабочем месте, усиления правовых и нравственных мер борьбы с коррупцией, о чем свидетельствует опыт успешной борьбы с ней в КНР, Сингапуре и др. странах.

Итак, феномен Системы как способ развития российской цивилизации раскрывает взаимодействие Системы в целом и ее частей — экономических, социальных, политических, нравственно-духовных и семейно-бытовых отношений на макро-, мезо- и микроуровне в постиндустриальный период в пространстве России как суверенной страны, обладающей идентичными особенностями. Актуальной проблемой является разработка программы развития России после преодоления пандемии коронавируса. Огромный ущерб от пандемии уже очевиден. Это сложная проблема. Важное значение в ее решении будет иметь системный подход.

²⁸ См.: Савченко П.В., Федорова М.Н. Монополия рабочего места в Системе социально-экономических отношений // М.: ИЭ РАН, 2012.

²⁹ Расчет этого показателя для 180 стран осуществляет неправительственная международная организация *Transparency International*.

³⁰ См.: Андрианов В.Д. Коррупция как глобальная проблема: история и современность // М.: Экономика, 2011. С. 114–115. URL: <http://gmarket.ru>; <http://transparency.org>

³¹ См. Указ Президента РФ «О национальном плане противодействия коррупции на 2018–2020 гг.» № 378 от 28.06.2018 г.

³² См.: www.rbk.ru; www.ria.ru

P. Savchenko (e-mail: pol@inecon.ru)

doctor habilitatus in economics, professor,
chief researcher of the Institute of economics of the Russian academy
of sciences, Moscow, Russia

SYSTEM PHENOMENON AS A WAY OF DEVELOPMENT OF RUSSIAN CIVILIZATION

The article reveals the concept of the System as a type and a method of development of Russian civilization. The problems of balancing the whole and the parts at the macro-, meso- and micro-levels are considered.

Of key importance is the analysis of the role of individual as a factor of production and a reservoir of human capital.

Keywords: system, civilization, types of systems, model of the system, human capital, convergence, sustainable and dynamic development of Russia.

DOI: 10.31857/S020736760010585-2

© 2020

Сергей Капканщиков

доктор экономических наук, профессор,
зав. кафедрой Ульяновского государственного университета
(e-mail: kapkansv@mail.ru)

СТРУКТУРА ГОСУДАРСТВЕННЫХ РАСХОДОВ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ

В статье раскрывается прямая, обосновываемая через закон Вагнера, и обратная, с привлечением кривой Арми-Рана, связь между экономическим ростом и государственными расходами. Приводятся аргументы в пользу неизбежности замедления экономической динамики при переходе доли государственных расходов в ВВП из нормальной в запретную зону на этой кривой. Раскрывая закономерности приватизационных циклов в мировой экономике, автор отстаивает тезис о решающем влиянии на их развертывание внутренней структуры государственных расходов. Нахождение специфически-российской точки Скалли в обстановке хозяйственной рецессии связывается не с сокращением, а, напротив, с расширением расходов государственного бюджета, но при условии оптимизации соотношения их компонентов.

Ключевые слова: закон Вагнера, кривая Арми-Рана, точка Скалли; эффект Лаффера, производительные и непроизводительные государственные расходы.

DOI: 10.31857/S020736760010586-3

Резкое ухудшение состояния мировой экономики в 2020 г. и реальная угроза ее дальнейшего погружения в глубокий спад резко актуализировали научную проблему соотношения экономического роста и государственных расходов, с наращиванием которых многие ученые и политики связывают перспективы успешного антикризисного регулирования. Принципиальный вопрос о взаимосвязи расходной части государственного бюджета с изменением национального продукта остается чрезвычайно дискуссионным и в отечественной экономической науке, пока не нашедшей действенного «лекарства» против затянувшейся более чем на десятилетие хозяйственной рецессии. И по сей день исследователи до конца не определились даже в принципиальном вопросе, что является причиной, а что — следствием: то ли рост ВВП через неуклонное расширение налогооблагаемой базы с определенным лагом становится ускорителем наращивания бюджетных расходов, то ли последнее через накачивание совокупного спроса рано или поздно способствует увеличению ВВП. Не вполне понятен и сам характер связи (линейной или нелинейной, прямой или обратной) между динамикой национального продукта и размером правительственных расходов. Неразрешенность этих методологических проблем диктует необходимость дальнейшей интенсификации исследований в указанном направлении.

Известно, до XX века в мире не наблюдалось нарастания доли государственных расходов в ВВП, их абсолютный размер (в качестве следствия) изменялся в целом прямо пропорционально национальному продукту (как причине), а размер относительный варьировался в узком

диапазоне 10–13% от величины последнего. Однако Первая мировая война поставила под сомнение господствовавший стереотип мышления политиков – их убежденность в преимущественно негативном обратном влиянии дополнительного налогообложения и финансируемых посредством него правительственных расходов на экономический рост. Острая необходимость всемерного укрепления национальной безопасности спровоцировала в тот период заметное усиление (считавшееся, впрочем, временным) налоговой нагрузки на национальную экономику. Но завершение активных военных действий не сопровождалось, как это было прежде, возвратом налогового пресса на заниженные довоенные отметки. Впрочем, такой разворот событий еще в конце XIX века предсказывался немецким ученым А. Вагнером, который подчеркивал неотвратимость опережающего роста государственных расходов сравнительно с увеличением национального продукта. Закон Вагнера аргументировался неизбежным увеличением финансовых затрат властей на все более усложняющееся государственное управление, здравоохранение и образование, стимулирование научно-технического прогресса, старением населения и, соответственно, расширением расходов социальной направленности, ростом государственного долга и необходимостью его адекватного обслуживания.

И надо признать, что в немалой степени его прогностическая гипотеза, состоящая в том, что эластичность государственных расходов по ВВП (национальному доходу) в долгосрочном периоде станет выше единицы, в дальнейшем подтвердилась. Постепенное повышение удельного веса расходов правительства в ВВП с 10% до 40–50% и даже выше сопровождало процесс прохождения человечества через рекордно разрушительную Великую депрессию, ужасы Второй мировой войны и послевоенное восстановление разрушенного хозяйства. Экономическое соревнование двух систем, нарастание социальной конфликтности в странах с рыночной экономикой, потребность во всемерной поддержке прогрессивных структурных сдвигов в части опережающего роста наукоемких отраслей порождали все новые функции государства, реализация которых требовала дополнительных финансовых затрат. «Правительство способно управлять ростом, а расходы бюджета обладают выраженным эффектом для экономического роста» [12. С. 25]. Не случайно власти многих относительно бедных стран с догоняющим типом развития и по сей день продолжают активно использовать закон Вагнера, наращивая долю ВВП, перераспределяемого через бюджетную систему.

Но, признавая неизбежность относительного наращивания государственных расходов по мере прогресса смешанной экономики, роста уровня жизни населения, ученым приходилось осознавать и неотвратимость наступления некоего предела их дальнейшего расширения и, соответственно, вытеснения частного сектора государственным. Коль скоро удельный вес негосударственного сегмента в рыночном хозяйстве заведомо не может сузиться за пределами в рамках эффекта, названного Е. Балацким «эффектом коммунизма» [3. С. 87], то принципиально

невозможно неуклонно приближающееся к 100% изъятие дохода фирм в государственный бюджет с его последующим направлением на финансирование госрасходов. Поэтому в ходе поступательного развития рыночного хозяйства, природа которого отвергает тотальное огосударствление финансов, неизбежно должен был наступить момент, когда господствующая тенденция к повышению доли правительственных затрат в ВВП вынужденно поменяется на противоположную тенденцию — постепенного вытеснения частными расходами государственных. Новый режим функционирования бюджетной системы, опровергающий тезис об универсальном характере закона Вагнера и спровоцированный попаданием мировой экономики в стагфляционную ловушку, отчетливо обозначился в конце 1970-х — начале 1980-х гг. (а в скандинавских странах еще за десятилетие до этого) в русле характерного для рейганомии и тэтчеризма неоконсервативного сдвига в экономической политике. В столь переломный период развития всемирного хозяйства различные неоклассические школы экономической теории (особенно теория экономики предложения во главе с А. Лаффером) в противовес доминировавшему с периода Великой депрессии кейнсианству активно отстаивали необходимость серьезного урезания государственных расходов в наиболее развитых индустриальных странах, расценивая его в качестве метода нейтрализации хронического бюджетного неравновесия, борьбы с неконтролируемым раздуванием госдолга и стимулирования через последовательную дезинфляцию инвестиционной активности частных компаний. Как следствие в ведущих странах закон Вагнера перестал проявляться, завершился длительный период усиления финансовых позиций государства в экономике, а доля госсектора в ней начала неуклонно сокращаться.

Однако в конце XX — начале XXI вв. казавшееся совсем недавно незыблемым преобладание неоконсерваторов в коридорах власти многих современных государств, неуклонно движущихся к постиндустриализму, вновь было поставлено под сомнение. Благодный либеральный миф о безальтернативности свободного рынка, не сдерживаемого сколько-нибудь высокой долей ВВП, перераспределяемого через бюджет, развенчивается в последние годы под влиянием событий, подобных рецессии 2007–2009 гг., Брекзиту в Великобритании, миграционному кризису в Европе, массовым волнениями во Франции, широким распространением по всей планете коронавирусной инфекции. Много шума в 2011 г. наделал протест студентов Гарвардского университета, решительно отказавшихся слушать лекции Г. Мэню, где обосновывался вред дополнительных государственных расходов и были представлены «формализованные неоклассические модели несуществующей экономики, которые подавались как вечные истины» — и это после того, как «экономическая теория, преподаваемая студентам, была столь далека от реальности, что даже не среагировала на приближение кризиса 2007–2009-х годов» [13. С. 16]. Все эти разнородные события закономерно вновь усилили позиции кейнсианцев, которые, как, например,

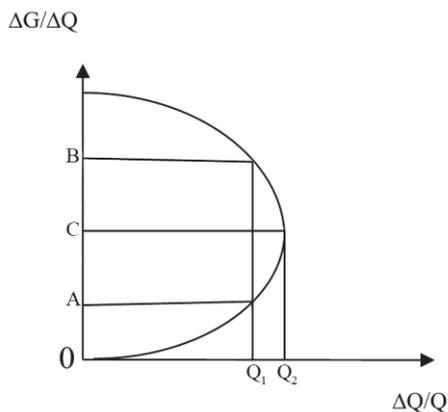
Нобелевский лауреат П. Кругман, усматривают в качестве наиболее результативного инструмента преодоления стагнации американской экономики серьезное расширение государственных закупок, способное привести к повышению емкости внутреннего рынка, хотя и ценой нарастания циклического бюджетного дефицита. Нобелевский лауреат Дж. Стиглиц отстаивает необходимость решительного сокращения за счет целевых государственных расходов неравномерности распределения доходов и богатства, присущего Соединенным Штатам, которое становится неодолимой угрозой экономического роста этой страны. Активно возрождая тезис Дж. Кейнса о целесообразности железнодорожного строительства в нелегкие времена, власти другого явного лидера мировой экономики — Китая для подстегивания экономического роста делают ставку на масштабное правительственное финансирование строительства высокоскоростных дорог.

И, напротив, проведенное в Греции под диктовку Международного валютного фонда урезание расходной части бюджета привело вовсе не к всплеску частных инвестиций, а, наоборот, к уходу этой страны в состояние еще более глубокого кризиса, при котором крайне трудно всерьез рассчитывать на прирост вложений в реальный сектор национальной экономики. Во многом аналогичная ситуация в последнее десятилетие складывалась и в России, где, по резонному замечанию В. Рязанова, «предпринимаемые попытки сокращения госрасходов не приводили к адекватной реакции в сфере инвестиционной активности бизнеса как в прошлом, так и в текущем периоде» [11. С. 13]. Теоретической основой бюджетной рестрикции явился тезис о том, что к настоящему времени «в России отсутствуют долгосрочные резервы наращивания госрасходов» [8. С. 49]. В бюджетно-налоговом регулировании российской экономики, отмечает О. Дмитриева, «была уникальная ситуация, когда можно было использовать позитивные элементы либеральной и социальной моделей. Вместо этого мы получили недостатки обеих моделей» [7. С. 50]. Стратегический дефект кейнсианской модели фискальной политики, связанный с запредельно высокой, зачастую подрывающей предпринимательскую активность налоговой нагрузкой на экономику, дополнен в этом взрывоопасном «коктейле» откровенными слабостями ее неоклассической модели, состоящими в игнорировании позитивного мультипликативного эффекта от наращивания государственных расходов в условиях неполной занятости.

Под влиянием дискуссии неоклассиков с кейнсианцами по вопросу о роли государства в обеспечении устойчивого экономического роста и отражения этой оживленной полемики в практике бюджетно-налогового регулирования наиболее успешных стран мира соотношение правительственных расходов с ВВП перестало монотонно увеличиваться или уменьшаться, перейдя в некий колебательный режим в более или менее строгом соответствии с динамикой общемировой экономической конъюнктуры. При этом стали довольно отчетливо проявляться так называемые приватизационные циклы: в кризис доля государственного

сектора становится выше, а на подъеме, наоборот, в структуре отношений собственности в результате интенсивных приватизационных процессов нарастает удельный вес частного сектора. Причем подобные флуктуации становятся в постиндустриальных странах все менее выраженными. Так, развертывание мирового кризиса 2007–2009 гг. во многих государствах (например, США), вопреки ожиданиям, уже не сопровождалось сколько-нибудь масштабной национализацией промышленных предприятий.

Анализируемая в настоящей работе зависимость темпов хозяйственного прогресса от масштабов государства (она получила в литературе название кривой Арми-Рана) имеет вид параболической функции с присущей ей точкой оптимума. Если закон Вагнера характеризует прямую связь между динамикой национального продукта и уровнем правительственных затрат, то кривая, обоснованная Р. Арми и Р. Раном, выражает обратную зависимость темпов экономического роста ($\Delta Q/Q$) от доли государственных расходов в ВВП ($\Delta G/\Delta Q$).



Причем связь эта выглядит весьма противоречиво: в нормальной зоне (от нуля до точки С) бюджетная экспансия государства, проводимая на этапе выхода национальной экономики из состояния спада, сопровождается неуклонным, хотя и неуклонно замедляющимся в диапазоне от Q_1 к Q_2 ростом ВВП — в связи с позитивным результатом расширяющихся правительственных вложений в образование, здравоохранение, культуру и другие сферы формирования человеческого капитала, а также в результате положительных последствий запуска в обстановке неполной занятости эффекта мультипликатора государственных расходов. Но после точки С (обоснованной Д. Скалли) и вхождения уровня государственных расходов ($\Delta G/\Delta Q$) в запретную зону в результате избыточного расширения государственного сектора наступает радикальный перелом в динамике национального продукта. При запредельном раздувании масштаба государства темпы расширения последнего ($\Delta Q/Q$) начинают отчетливо затухать: вначале (между Q_2 и Q_1) довольно

плавно, а затем после прохождения точки В все более стремительно. Как видим, влияние производительных расходов государства на экономический рост заведомо не выглядит однонаправленным: «до определенного предела увеличение таких расходов ускоряет рост, а после достижения этого предела начинает его замедлять» [10. С. 10]. Подобное замедление, по нашему мнению, обусловлено следующими двумя комплексами причин.

Первый комплекс обусловлен неуклонным нарастанием налоговой нагрузки на национальную экономику, требующуюся для расширения государственных социальных и инвестиционных программ, и ее усиливающимся негативным влиянием на хозяйственную динамику. Этот отрицательный эффект, обоснованный А. Лаффером, связан, прежде всего, с расширением теневой экономики, препятствующей по причине своей непрозрачности адекватному учету созданных в стране товаров и услуг в официальной макроэкономической статистике; масштабным оттоком капитала и рабочей силы за границу и, соответственно, их острым дефицитом в стране; снижением инвестиционной активности отечественного бизнеса, испытывающего запредельный налоговый пресс; сокращением мотивации к труду со стороны наемных работников, все более отчетливым предпочтением ими труду досуга. К тому же раздувание системы государственного социального обеспечения, обретающее реальность по мере повышения налоговой нагрузки, ослабляет стремление безработных к неустанному поиску рабочих мест, а также кардинально изменяет соотношение потребляемой и сберегаемой частей располагаемого дохода домохозяйств. В структуре последнего неотвратно увеличивается доля потребления, коль скоро лица наемного труда всерьез рассчитывают на масштабную правительственную поддержку в случае утраты рабочего места, болезни, скатывания в нищету. Падение же доли сбережений в ВВП, по мнению неоклассиков, неизбежно влечет за собой сокращение финансовых источников инвестиций, замедляющее экономический рост. Да и фирмы, чрезмерно уверенные в правительственной поддержке, при распределении чистой прибыли начинают отчетливо делать акцент вовсе не на наращивание дополнительных капиталовложений, а на выплату дивидендов своим акционерам и погашение корпоративных долгов.

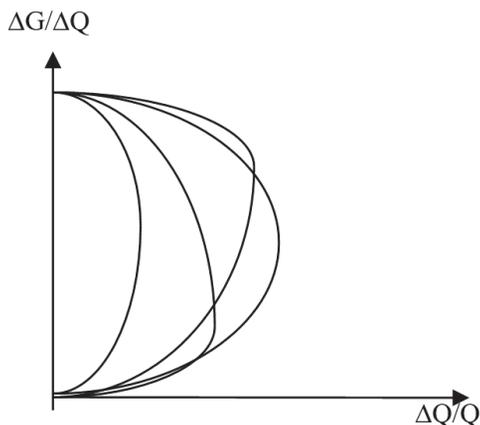
Вторая комбинация причин связана с неуклонно нарастающей по мере расширения государственной активности угрозой увеличения структурного бюджетного дефицита, а значит, появления того или иного сочетания наращивания государственного долга и ускорения инфляционных процессов в стране. Конечно, тормозящий эффект этих негативных явлений может трактоваться по-разному. Если инфляция через механизм нарастающих инфляционных ожиданий неотвратно влечет за собой перемещение капиталов из реального сектора национальной экономики в сектор финансовый, а также побуждает монетарные власти взвинчивать процентные ставки с адекватными неблагоприятными последствиями для динамики национального продукта, то усиление долговой нагрузки отрицательно сказывается на последнем в зависимости от соотношения внешних и внутренних заимствований. В случае, когда

финансовые власти для покрытия дефицита бюджета предпочитают наращивать свой внутренний долг, действие эффекта вытеснения частных инвестиций государственными ценными бумагами (из-за неизбежного повышения процентных ставок) неотвратимо скажется на инвестиционной привлекательности страны, что лишит ее видимых перспектив ускорения экономического роста. При акценте же на заимствованиях у нерезидентов торможение динамики ВВП может произойти, например, в результате постепенной утраты суверенитета страны и стремления стран-заемщиков через кабальную долговую политику повлиять в негативном ключе на конкурентоспособность национального хозяйства. Несомненный ущерб для экономического роста может в этом случае вызвать и резкое удорожание обслуживания накопившейся внешней задолженности в результате ослабления национальной валюты, что неизбежно отразится на недофинансировании правительственных программ, обеспечивающих экономическое развитие.

В тот момент, когда в экономике страны достигается критическое значение показателя $\Delta G/\Delta Q$, понимание фискальными властями указанных выше многочисленных факторов должно приводить их к осознанному выбору в пользу сокращения государственных расходов, которое в данной ситуации выглядит вполне обоснованным в плане противодействия реальной угрозы дальнейшего торможения хозяйственной динамики. Причем подобное торможение оказывается куда более резким в периферийных странах, лишенных возможностей масштабного финансирования возникающего бюджетного дефицита за счет внешних займов и малоинфляционной денежной эмиссии, и намного менее заметным в государствах центра мировой экономики, обладающих правом выпуска резервных валют и потенциалом построения долговых пирамид за счет перетягивания финансовых ресурсов с периферии. Но во всяком случае достаточно точная идентификация переломной точки Скалли в любой стране, находящейся на том или ином этапе ее развития, выступает неперенным условием своевременного разрешения диалектического противоречия между размером государственного присутствия в экономике и динамикой ВВП.

Наилучшая пропорция между расходами правительства и ВВП и, соответственно, предельный уровень этих расходов, конечно же, не могут быть идентичными для всех стран, а также различных этапов их хозяйственного развития. Прежде всего, их соотношение, проявляя эффект асимметрии, варьируется по фазам делового цикла: если в кризис государство за счет нарастания бюджетных расходов неуклонно расширяет свои полномочия и вторгается в сферы, которые прежде не входили в его компетенцию, то на подъеме его относительные траты обычно сокращаются в антиинфляционных целях, правда, зачастую не столь заметно, поскольку подобному сокращению вполне могут воспротивиться известные закономерности электорального цикла деловой активности. Во многом такая цикличность сопровождается переходом власти в финансовом блоке правительства (совсем не случайным, конечно же,

а вполне закономерным) в руки государственников или либералов. К тому же даже при сходном состоянии экономической конъюнктуры в различных странах точка Скалли имеет самые различные количественные очертания, а кривая Арми-Рана может стать «худенькой», «толстенькой», «присевшей» и «привставшей».



Тогда как в странах с либеральной экономикой даже небольшое повышение $\Delta G/\Delta Q$ способно превысить некий «лимит терпимости» общества, чем мгновенно «убивает» восходящую динамику ВВП, в странах с социально ориентированной экономикой даже существенное завышение этого индикатора вполне может сопровождаться дальнейшим ускорением хозяйственного развития. В «гиперкейнсианской» бюджетной системе СССР наблюдалась чудовищно завышенная налоговая нагрузка на национальную экономику параллельно с запредельными государственными расходами. Свидетельствуя о превышении специфически-советской точки Скалли, такая комбинация уже с середины 1970-х гг. обрекала отечественную экономику на неуклонное торможение хозяйственной динамики и предопределяла неизбежность ее вхождения в череду неких приватизационных циклов. Впрочем, обозначившиеся в 1990-е гг. шоковые преобразования в бюджетно-налоговой политике российского государства опять-таки не сопровождались нахождением оптимальной доли ВВП, перераспределяемого через бюджет: эта доля оказалась, наоборот, сильно зауженной, погружая нашу страну на запредельную глубину трансформационного спада.

Как видим, оптимальный размер государства, который заведомо не является универсальным, серьезно варьируется по странам мира, будучи в немалой степени предопределенным, по мнению Е. Гайдара, структурой народонаселения страны и фактором ее федеративного (или же унитарного) государственного устройства [5. С. 23]. В социально ориентированных странах Северной Европы, в которых ведущими макроэкономическими целями выступают полная занятость и справедливость в распределении доходов, «лимит терпимости» их экономики к чрезмерному удельному весу государственных расходов в национальном

продукте оказывается заметно более высоким сравнительно со странами с федеративным устройством государственного организма, в которых расширение правительственных затрат вполне может породить международные конфликты. При таком подходе для России как многонациональной страны может показаться невозможным совмещение завышенных расходов властей с устойчивым экономическим ростом.

По нашему же мнению, научное объяснение существенно различающегося по своему направлению воздействия государственных расходов на экономический рост следует искать не столько в демографических и институциональных факторах и обстоятельствах, сколько в самой укрупненной структуре этих финансовых трат. Обеспечение устойчивого хозяйственного развития предполагает нахождение финансовыми властями такого соотношения между различными компонентами государственных расходов, которое близко к оптимуму. Решение этой задачи требует максимизации производительных расходов казны (прежде всего, вложений в производственную и социальную инфраструктуру), оказывающих прямое позитивное воздействие на рост совокупного предложения. В кризисный период не менее значимыми являются и трансфертные бюджетные траты, нацеленные на наращивание совокупного спроса. А вот непроизводительных расходов, к которым относится использование бюджетных средств на реализацию управленческих, полицейских, а в ряде случаев и оборонных функций, должно быть минимально необходимое (определяемое, например, соображениями оборонной достаточности) количество.

При таком подходе априори неудачными, особо подчеркивал В. Тамбовцев, являлись бы «попытки надежно связать бесструктурные размеры госрасходов с параметрами экономического роста» [14. С. 120]. Решающее воздействие на восходящую (или, напротив, нисходящую) хозяйственную динамику оказывает не сам по себе совокупный объем бюджетных расходов, а прежде всего, соотношение их частей. «Влияние бюджетных расходов на экономику в целом, — полагают Н. Акиндинова, А. Чернявский и А. Чепель, — определяется их долей в ВВП, структурой и эффективностью» [1. С. 37]. Трудно не замечать настойчивого стремления правительств многих стран после кризиса 2007–2009 гг. активно корректировать структуру своих финансовых вложений в национальную экономику. И это далеко не случайно, коль скоро при одной и той же относительной величине государственных расходов темп экономического роста может отличаться даже не на несколько процентных пунктов, а, как говорится, в разы. Мы склонны связывать подобные расхождения, выражающиеся либо в «худенькой», либо, напротив, в «толстенькой» форме кривой Арми-Рана, прежде всего, с преобладанием в структуре государственных расходов производительных либо отчетливо непроизводительных статей затрат.

Более недопустимо игнорировать очевидный факт, что сходные по своей величине финансовые ресурсы, которые тратятся государственным бюджетом, например, на расширение производственной

и социальной инфраструктуры и на обслуживание государственного долга, на фундаментальные исследования и на обеспечение правопорядка, оказывают далеко не тождественное воздействие на прирост ВВП по причине своего разнонаправленного влияния на динамику общественной производительности труда как в кратко-, так и в долгосрочной перспективе. В то время как наращивание производительных расходов в сферы здравоохранения, образования, науки гарантирует посткризисный восстановительный рост, увеличение расходов непроизводительных (например, на государственное управление) и неминуемое в этом случае увеличение структурного бюджетного дефицита не способно привести ни к чему, кроме ускоряющейся инфляции. К тому же если управленческие расходы и расходы на национальную безопасность, правопорядок все же взвинчивают совокупный спрос, то во многом на импортные товары и услуги (например, в сфере зарубежного туризма или приобретения зарубежной техники для спасения людей). Согласно результатам моделирования, проведенного А. Балаевым, увеличение государственных расходов на национальную экономику на 1% ВВП при сохранении общей суммы этих расходов на неизменном уровне приводит к росту российского ВВП на 1,1 п.п., а аналогичных расходов на образование — на 0,8 п.п., в то время как сходный прирост расходов на национальную оборону и социальную политику порождает сокращение национального продукта на 2,1 и 0,7 п.п. соответственно [2. С. 8]. В случае превалирования производительных расходов над непроизводительными даже заметный циклический бюджетный дефицит, связанный с проведением кейнсианской бюджетной экспансии, становится не только мощным антикризисным фактором, но и надежным способом восстановления долгосрочной сбалансированности бюджетной системы страны.

Заметно улучшает показатель $\Delta Q/Q$ использование государственных средств (например, в форме субсидий) на поддержку не добывающих, а обрабатывающих отраслей отечественной экономики, создающих продукцию с высокой долей добавленной стоимости. Будучи намного менее капиталоемкими и характеризуясь относительно непродолжительным сроком окупаемости капитальных вложений, эти отрасли имеют к тому же сильную межотраслевую сцепку, поощряя ускоренное развитие все более отдаленных от них в производственно-технологических цепочках смежных промежуточных отраслей. По данным С. Толкачева, мультипликатор добавленной стоимости продукции обрабатывающей промышленности США составляет 3,6. Это означает, что каждый доллар, потраченный внутри страны на производство конечной продукции обрабатывающих производств, создает спрос на дополнительную продукцию, необходимую для производства конечной, в размере 3,6 долл. [15. С. 22]. Думается, что в современной России, особенно с учетом довольно высокой материалоемкости выпускаемых конечных благ, значение подобного мультипликатора ничуть не ниже. В обрабатывающих отраслях существенно выше и производительность труда сравнительно с добывающими. Они характеризуются также высоким мультипликатором

занятости: каждое дополнительное рабочее место в них создает 3–4 рабочих места в сопряженных звеньях народнохозяйственного организма. Поэтому сознательное формирование через мощный инструмент государственного заказа многозвенных цепочек создания конкурентоспособной конечной продукции выступает сегодня решающим фактором превращения вялотекущего оживления российской экономики в ее бурный подъем. При этом крайне важно для наращивания конечного результата от использования централизованных финансовых ресурсов максимальное приближение цен госзаказа к ценам рыночным. Свидетельствуя о сокращении масштабов коррупции в стране, сближение этих цен повлечет за собой ускорение темпов экономического роста без наращивания совокупного объема государственных расходов, а лишь за счет оптимизации их внутренней структуры, например, посредством переброски сэкономленных в ходе антикоррупционной деятельности финансовых средств на социальные цели.

Поскольку величина мультипликатора государственных расходов находится, как известно, в прямой зависимости от предельной склонности к потреблению, постольку скорость нарастания национального продукта в немалой степени зависит от поступления бюджетных ресурсов через трансферты в распоряжение наименее состоятельной части населения, не склонной к их сбережению. Впрочем, позитивный эффект таких социальных расходов государства обычно является краткосрочным, поднимая ВВП лишь текущего года и со временем «съедаясь» негативным эффектом усиления иждивенчества, а также налогового пресса на экономику. А вот расходы на образование, т.е. социально-инфраструктурные вложения в человеческий капитал, могут сравниться (и даже при определенных условиях превысить) эффект от инвестиционных вложений бюджета в капитал физический, например, в объекты производственной инфраструктуры. Повышение зарплат бюджетников, конечно, существенно поднимает покупательную способность населения (причем занятого далеко не только в государственном секторе), что крайне полезно в кризисный период. Однако параллельно оно оказывает давление на частный сектор, вынуждая предпринимателей тоже поднимать номинальную заработную плату, что влечет за собой рост издержек производства, сокращает спрос на труд и, напротив, увеличивает его предложение. Одновременно фирмам приходится сталкиваться и с повышением налоговой нагрузки или отрицательными макроэкономическими последствиями наращивания государственного долга (например, с удорожанием кредита). Естественными результатами подобных процессов вполне могут стать всплеск безработицы и сдерживание хозяйственного развития.

Определяющее влияние на величину мультипликатора оказывает не только величина предельной склонности к потреблению, но и пропорция, в которой свои дополнительные доходы население направляет на приобретение импортных и отечественных товаров. В этом плане экономия бюджетных средств на выплату стипендий студенчеству, пенсий ветеранам, пособий малоимущим семьям, которые выступают главными

потребителями продукции с маркой «Сделано в России», не только замедляет экономическое развитие нашей страны, но и всемерно тормозит реализацию программ импортозамещения. Если средства, полученные из государственного бюджета, будут использованы населением на покупку продукции, произведенной, допустим, в Китае, то такое расширение емкости рынка приведет не к росту российского ВВП и не к созданию новых рабочих мест, а скорее к вытеснению отечественного производителя дешевым китайским ширпотребом и, соответственно, к резкому сокращению положительного сальдо внешней торговли. Нечто подобное в недавнем прошлом наблюдалось в США, где скачкообразное наращивание денежной массы со стороны ФРС в рамках трех этапов «количественного смягчения» привело не к сколько-нибудь заметному ускорению роста национальной экономики, а вызвало всего лишь рекордный всплеск импорта товаров из крупных развивающихся стран, чья значительно более дешевая продукция хлынула на ставший более емким открытый американский рынок. Поэтому эффект мультипликатора государственных расходов (и это хорошо понимает сегодня Д. Трамп, запуская гибридные механизмы «торговых войн») оказывается при прочих равных условиях куда более сильным в относительно закрытой экономике, в которой меньшая доля выделенных населению бюджетных средств фактически перетекает за рубеж.

Выходит, сам по себе анализ соотношения правительственных расходов с ВВП не способен стать основой макроэкономического прогноза вне детального исследования внутренней структуры таких затрат. Бесспорно, что расширяющийся гособоронзаказ при сокращении текущих затрат на содержание войск способен плодотворно повлиять на темпы роста российской экономики, в том числе через мультипликативное расширение неразрывно связанных с оборонно-промышленным комплексом гражданских отраслей, в которых в результате этого начинает нарастать занятость. Но и этот инструмент бюджетной политики оказывается не без греха, коль скоро неминуемо отвлекает ограниченные производственные ресурсы из гражданского сектора (особенно специалистов высшей квалификации) и тем самым усиливает уже существующие структурные перекосы в народнохозяйственном организме. Нынешнее сокращение расходов на пенсионное обеспечение россиян в рамках курса на адаптацию пенсионного возраста к продолжительности их ожидаемой жизни теоретически способно ускорить экономический рост, в том числе за счет расширения предложения труда в целом ряде сегментов нашего острodefицитного рынка. Однако краткосрочный спад потребительской активности резко расширяющейся группы лиц предпенсионного возраста вполне может переломить господствующий тренд последствий пенсионной реформы. Так что детальный поиск разумного баланса выгод и потерь должен предварять любое сколько-нибудь крупное решение по изменению структуры государственных расходов. В ходе такого неустанного поиска власти должны к тому же просчитывать продолжительность лагов воздействия тех или иных бюджетных

трат, которые короче в одних случаях (например, при выдаче натуральных и денежных трансфертов населению) и длиннее в других (допустим, расходов на укрепление национальной безопасности). В противном случае запоздалые дискреционные решения по наращиванию (урезанию) государственных расходов будут не сглаживать циклические колебания экономической конъюнктуры, а, напротив, выступать в роли мощных проциклических инструментов.

Надо признать, что в ходе рыночной трансформации в России сложилась крайне нерациональная структура расходов государственного бюджета, приоритет в котором был отдан непроизводительным тратам (на государственное управление, правоохранительную деятельность, оборону страну) в ущерб производительным расходам на централизованные инвестиции, развитие человеческого капитала (здравоохранение, образование, культура), фундаментальную науку. С 1992 г. российское правительство осознанно вступило на пролиберальный путь тотального урезания абсолютной и относительной величины государственных инвестиций, закупок, трансфертных программ. Иногда считают подобную политику «оправданной, если сокращение государственных расходов сопровождается замещающим ростом частных инвестиций» [11. С. 23]. Однако на это сложно надеяться в условиях, когда инвестиционная активность частных компаний жестко ограничивается бедностью потенциальных покупателей их продукции. В результате серьезного сокращения доли государственных расходов в ВВП ($\Delta G/\Delta Q$) с точки С до точки А и даже ниже, темпы экономического роста в России ($\Delta Q/Q$) стали отчетливо отрицательными, а российский национальный продукт сократился в 1990-е гг. более чем на 40%.

В начале XXI века в результате притока в страну нескольких триллионов нефтегазодолларов абсолютный и относительный размер государственных расходов, безусловно, возрос, однако параллельно с этим неуклонно происходило их перетягивание в пользу тех ведомств, которые имели возможность активно продвигать свои интересы в коридорах власти. Приходится признавать, что в структуре бюджетных трат российской финансовой системы в последние годы поистине запредельный удельный вес занимают именно нерациональные компоненты. Так, по расчетам А. Балаева, в 2017 г. доля непроизводительных расходов в структуре расходов бюджетной системы России находилась возле отметки в 70%, в то время как уровень расходов производительных в течение последнего десятилетия составлял лишь 10,5–11% ВВП, т.е. всего 28–30% общих расходов [2. С. 33]. В подобной ситуации баланс между расходной частью бюджета его налоговыми и неналоговыми доходами (и даже достижение бюджетного профицита) достигнутый путем секвестирования правительственных затрат, скажем, на инвестиции в человеческий капитал или транспортную инфраструктуру, заведомо не может служить гарантией скорейшего преодоления продолжающейся рецессии и достижения бюджетного равновесия в обозримой перспективе. В этом случае национальная экономика неотвратимо попадает в порочный круг,

«налоговую ловушку»: неизбежное сжатие налогооблагаемой базы уже в самом ближайшем будущем побуждает власти в очередной раз урезать свои расходы. Поэтому только опережающее наращивание производительных бюджетных расходов параллельно с сокращением расходов непроизводительных было бы способно существенно ускорить хозяйственный прогресс нашей страны на длительном временном интервале.

Огромные средства и по сей день тратятся на содержание раздутого и неэффективного государственного аппарата, расширение правоохранительной системы, служащей в большей мере не безопасности граждан, а защите нынешней системы общественных отношений с ее дефектами, строительство не столь значимых объектов инфраструктуры по откровенно завышенным ценам. И протекает все это под аккомпанемент заявлений о приоритетности социальных расходов казны, о неприменном финансировании всех принятых властями на себя социальных обязательств. Между тем структура государственного бюджета и особенности его исполнения нередко не соответствуют официальным заявлениям о приоритетности социальных расходов казны и принятым властями на себя социальным обязательствам.

Специфика современной России состоит в том, что большие масштабы подготовки врачей (42 специалиста на 10 тыс. россиян, это 5 место в мире) наблюдаются на фоне сокращения числа больниц и поликлиник (за 2000–2010 гг. первых стало меньше на 40%, а вторых — на 20%). Подготовленные медики с высшим образованием предпочитали трудиться не по специальности из-за низкой заработной платы, абсолютно не соответствующей мировым тенденциям.

В немалой степени асоциальная структура расходов государственного бюджета обусловлена разгулом коррупции. Известно, что «при высоком уровне коррупции снижается доля государственных ассигнований на образование и здравоохранение и увеличивается доля военных расходов» [4. С. 78], очевидно, и вследствие высокой коррупционности в сфере этих расходов. Формально реализация указов Президента от 7 мая 2012 г. должна была привести к повышению заработной платы 12 категорий работников социальной сферы и науки до среднего уровня по региону. Однако подавляющая доля затрат на их реализацию предполагалась из хронически дефицитных региональных бюджетов (доля федерального бюджета на эти цели снизилась с 30% в 2013–2014 гг. до 17% в 2015 г.). В результате необходимым условием выполнения назревших президентских указов стало резкое сокращение численности работников социальной сферы. Так, численность врачей за 2011–2015 гг. сократилось на 6%, а преподавателей вузов — на 18,5% [1. С. 37]. А последующее ускорение инфляции нередко вело к возвращению реальных заработков до уровня, предшествующего майским указам. Несмотря на масштабы обновленных национальных проектов, реальные правительственные расходы на образование и здравоохранение и в 2020–2022 гг. сохраняются, по сути, на прежнем уровне.

Поиск оптимального соотношения государственных расходов и ВВП неразрывно связан с решением задачи повышения эффективности государственных затрат: чем выше последняя, тем масштабнее могут стать инициированные властями национальные проекты. И, наоборот, в случае низкой эффективности этих затрат полезным может быть признано серьезное урезание перечня государственных программ.

Мы считаем, безусловно, необходимым наращивание в обозримой перспективе бюджетных средств на развитие экономики и социальной сферы, но при одном неперемennom условии — оптимизации структуры государственных расходов и повышения их эффективности. Поиск количественных параметров этой оптимизации и методов повышения эффективности государственных затрат стал бы очень важным вкладом в обеспечение устойчивого инновационного роста отечественной экономики.

Литература

1. *Акиндинова Н., Чернявский А., Чепель А.* Региональные бюджеты в условиях кризиса: можно ли достичь сбалансированности? // Вопросы экономики. 2016. № 10. С. 31–48.
2. *Балаев А.* Влияние структуры бюджетных расходов на экономический рост в России // Экономическая политика. 2018. Т. 13. № 6. С. 8–35.
3. *Балацкий Е.В.* Закон Вагнера, кривая Арми-Рана и парадокс богатства // Общество и экономика. 2010. № 9. С. 80–97.
4. *Буклемишев О.* Фискальное стимулирование и российские бюджетные фонды // Вопросы экономики. 2013. № 12. С. 74–85.
5. *Гайдар Е.* Государственная нагрузка на экономику // Вопросы экономики. 2004. № 9. С. 4–24.
6. *Делягин М.Г.* Деструктивный либералистский дискурс бюджетной трехлетки 2018–2020 // Российский экономический журнал. 2018. № 2. С. 3–15.
7. *Дмитриева О.* Экономические кругообороты и финансовые «пылесосы» // Вопросы экономики. 2013. № 7. С. 49–62.
8. *Идрисов Г., Синельников-Мурылев С.* Бюджетная политика и экономический рост // Вопросы экономики. 2013. № 8. С. 35–59.
9. *Идрисов Г., Синельников-Мурылев С.* Формирование предпосылок долгосрочного роста: как их понимать? // Вопросы экономики. 2014. № 3. С. 4–20.
10. *Кудрин А., Соколов И.* Бюджетный маневр и структурная перестройка российской экономики // Вопросы экономики. 2017. № 9. С. 5–27.
11. *Рязанов В.Т.* Кейнсианская экономическая теория и политики: возможности и ограничения на современном этапе // Вестник СПбГУ. Сер. 5. Экономика. 2016. Вып. 2. С. 3–26.
12. *Скрыпник Д.В.* Бюджетные правила, эффективность правительства и экономический рост // Журнал Новой экономической ассоциации. 2016. № 2. С. 25.
13. *Сидорович А.* Новая экономика и политическая экономия // Общество и экономика. 2018. № 9. С. 5–20.
14. *Тамбовцев В.* Об экономическом росте и размерах государства // Вопросы экономики. 2003. № 6. С. 119–121.
15. *Толкачев С.* Еще один шаг, американский, к реальной оценке вклада обрабатывающей индустрии // Экономист. 2016. № 4. С.20–23.

S. Kapkanschikov (e-mail: kapkansv@mail.ru)

Doctor of Economic Sciences, Professor,
Head of the Department of Economics
of Ulyanovsk State University, Ulyanovsk

ECONOMIC GROWTH AND THE COMPOSITION OF GOVERNMENT SPENDING

The article uncovers a direct and an inverse relationship between government spending and economic growth. The direct relationship is explained by Wagner's law, while the inverse one is outlined using the Armey-Rahn curve. The author argues that a slowdown of the economic growth is inevitable when a share of government spending in GDP shifts from the normal to the off-limits area of this curve.

Outlining the patterns of the privatization cycles of the global economy the author defends the thesis that a composition of the government spending is a decisive factor determining such patterns. In times of recession, finding the optimal point on the Scully curve specific to Russia's economy could be helped not by cutting the spending but, on the contrary, by the expansion of the government spending, conditional on the optimization of its components.

Keywords: Wagner's law, Armey-Rahn curve, Scully curve; Laffer curve, productive and non-productive government spending.

DOI: 10.31857/S020736760010586-3

© 2020

Олег Сухарев

доктор экономических наук, профессор,
главный научный сотрудник Института экономики
Российской академии наук
(e-mail: o_sukharev@list.ru)

ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ: СОВРЕМЕННОСТЬ И НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

В статье проводится сопоставительный анализ особенностей реализации доктрины «Индустрия 4.0.» в странах лидерах технологического развития с целью выявления характерных особенностей – общих и отличающихся по этим странам, что позволяет выделить технологическую компоненту изменений в современной промышленности и экономики как центральное звено происходящих изменений. Этот опыт и проводимые исследования в рамках «индустрии 4.0.» полезны для российской экономики, где остра проблема преодоления технологического отставания и создания нового режима инновационной динамики, обеспечивающей экономический рост нового качества. Применение компаративных методов сравнения по вводимым критериям, а также анализ предварительных результатов многочисленных исследований, посвящённых развёртыванию «индустрии 4.0.», совместно с элементами эконометрического моделирования и регрессионного анализа позволили установить, что технологические изменения в российской экономике происходили при сокращении числа агентов-новаторов и фирм-новаторов, характеризовались относительно невысоким и неустойчивым уровнем технологичности по базисным секторам экономики.

Ключевые слова: технологичность, индустриализация, новые и старые технологии, экономический рост, новаторы, консерваторы, инновационная динамика.

DOI: 10.31857/S020736760010587-4

Экономическая динамика в наиболее развитых странах во многом определяется интенсивностью внедрения новых технологий. Это относится и к индустрии, но также и к другим экономическим секторам – транзакционным и сырьевым, эффективность которых определяется уровнем их технологичности. Однако индустрия, создающая средства производства, приборы, аппаратную базу, информационно-коммуникационные системы в значительной степени предопределяет возможности повышения уровня технологичности всех видов деятельности и свой собственный технологический уровень. Технологичность определяется сочетанием уже применяемых (старых) и вновь созданных технологий. Фактически, соотношение производства на новых и старых технологиях определяет технологический уровень экономики.

Современная индустриализация: старые и новые технологии. Сегодня в наиболее развитых странах сформировалась парадигма развития под общим названием «Индустрия 4.0.», которая обозначает интенсивное развитие новых технологий, включая цифровые технологии. Новые технологии внедряются неравномерно в различных экономиках и, более того, создают неравные конкурентные преимущества. Они по-разному взаимодействуют с уже сложившимся в конкретной экономике технологическим базисом. Рядом исследователей предпринимаются попытки

измерить факторы сопротивления внедрению новых технологий «индустрии 4.0.», относимых к классу цифровых технологий¹, причём утверждается, что информации по продвижению «индустрии 4.0.» на текущий момент недостаточно, чтобы реализовать стратегию создания единого цифрового рынка, например, для стран Европейского Союза. Оцениваются барьеры при внедрении новых технологий в производстве² для разных групп стран – развитых и развивающихся. При этом как дефицит ресурсов для внедрения технологий, так и отсутствие стратегического плана выступают наиболее релевантными барьерами на пути внедрения новых технологий. Для развивающихся стран стимулирование внедрения новых технологий предполагает государственное регулирование и создание институтов (включая стандарты). Для развитых стран – эффективную технологическую инфраструктуру, слабость которой ограничивает возможности даже этих стран. Обратим внимание, что наличие стратегии в развитых странах (см. табл. 1) может не перевесить данный барьер, значимость которого обычно особо подчёркивается.

Учитывая, что информация об изменении факторов сопротивления внедрению новых технологий изменяется, соразмерно с самими факторами, предложить единые способы их преодоления с тем, чтобы стимулировать новые технологии не представляется возможным для разных стран. Это создаёт специфику и уникальность развёртывания парадигмы «Индустрия 4.0.» в различных странах. Одновременно, следует отметить, что доля индустрии в объёме ВВП обычно снижается, а уровень технологичности экономики в целом возрастает, что и говорит о технологической индустриализации, составляя её основное содержание на современном этапе.

Таблица 1

Сравнительная характеристика стратегий индустриального развития

Параметр	«Индустрия 4.0.» (Германия) (Stockab T., Seligerab G., 2016; Santos K. et al., 2017)	Консорциум промышленного интернета (США)	«Интернет плюс» и «Произведено в Китае – 2025» (Китай) (Zhao J., Tang J., 2018)
Субъекты управления стратегией – агенты спроса и предложения	Федеральное правительство, научные круги, частный сектор	Федеральное правительство, научные круги, частный сектор	Федеральное правительство, научные круги, частный сектор
Модель стимулирования и регулирования	Государственная промышленная политика	Частные компании и некоммерческие организации	Государственная промышленная политика

¹ Castelo-Branco, I., F. Cruz-Jesus, T. Oliveira. Assessing Industry 4.0 readiness in manufacturing: Evidence for the European Union// Computers in Industry, 2019. Vol. 107, pp. 22–32.

² Raj, A., G. Dwivedi, A. Sharma, A.B.S. Jabbour, and S. Rajak. Barriers to the adoption of industry 4.0 technologies in the manufacturing sector: An inter-country comparative perspective// International Journal of Production Economics, 2019 In press.

Отраслевая направленность	Производственные системы, машиностроение	Промышленный Интернет	Интернет, производство, электронные системы розничной торговли
Технологические приоритеты	Встроенные системы, автоматизация, робототехника	Создание новых сфер и практических приложений	Технологическая модернизация традиционных отраслей, разработка и внедрение новых технологий для роста экономики
Индустриальные приоритеты	Развитие аппаратных средств (роботы, производственное оборудование, автоматизация)	Расширение доступа к базам данных и создание цифровой среды (интеграция с физической средой)	Структурная трансформация промышленности (акцент на человеческий потенциал, методы управления)
Эффективность	Снижение трудоёмкости, материалоёмкости и энергоёмкости производств, управление поставками и качеством	Рост доходности активов	Выполнение всех нормативов эффективности по труду, капиталу, ресурсам, информации
Стандартизация (Jiang H., Zhao S., 2017) и бизнес-подход	Направлена на организацию труда, упорядочение операций и функций, обеспечение доступа к продукции, посредством цифровизации промышленности	Разработка нормативов (платформ) – будущих стандартов, использование интернет-приложений	Унификация (Jiang H. et al., 2017) показательных промышленных установок, передача передового опыта, интернет как способ продвижения товаров на разных рынках, обеспечение конкурентоспособности

Источник: Сухарев О.С., Ворончихина Е.Н. Факторы экономического роста: эмпирический анализ индустриализации и инвестиции в технологическое обновление // Вопросы экономики, 2018, № 6; Сухарев О.С., Ворончихина Е.Н. Стратегия индустриализации экономики // М.: Ленанд, 2019. С. 51–52.

Таким образом, современная модель индустриальных изменений выражается в снижении доли промышленности в ВВП, однако роль технологий резко возрастает. При этом реализуется программный принцип развития цифровых технологий – основного блока в «Индустрии 4.0.»³. Поэтому данный процесс и обозначают как «технологическую индустриализацию», полагая, что это особый тип индустриального развития, требующий изменений и в инновационной политике каждой страны. Акценты этой политики (на образование, экологию, либо государственное регулирование и предоставление услуг, науку и научно-технические

³ Kuo, C-C, Shyu J.Z., K. Ding. Industrial revitalization via industry 4.0. /A comparative policy analysis among China, Germany and the USA // Global Transitions, 2019. № 1, pp. 3–14.

факторы) могут определить тот или иной результат реализации указанных программ. Кроме того инновации требуют ещё и соответствующей подготовки кадров, причём, перемещение трудового ресурса во многом, помимо состояния фондовой базы, определяет инновационную динамику.

Тем самым здесь соревнуются два процесса – отвлечение кадров, занятых в старых производствах и соответственно обслуживающих старые технологии, и подготовка новых кадров для новых производств и технологий. Первый процесс следует обозначить как отвечающий принципу «созидательного разрушения», когда ресурс отвлекается от старого в пользу нового, но применительно к кадрам требуется переобучение. Второй процесс – это подготовка сразу новых кадров. Его можно обозначить как «комбинаторное наращивание», когда технологические знания суммируются, и отвлечения ресурсов в значительном объёме не требуется. Конечно, оба процесса некоторым образом соседствуют и влияют друг на друга, зависят от многих параметров: состояния фондов, научной и технической базы, уровня образования и состояния образовательной системы и проведения исследовательских и опытно-конструкторских разработок, инвестиций, спроса на новые технологии и кадры, и т.д. При «комбинаторном наращивании», когда по идее должны готовиться кадры под новые технологии, возможны два варианта. Во-первых, кадры готовятся под уже известные новые технологии. Во-вторых, идёт подготовка кадров, которые способны сами создавать новые технологии. Это два принципиально разных вектора ориентации образовательной и научной системы, конечно, они присутствуют оба в реальной жизни, но значение имеет соотношение между ними и качество подготовки новых кадров. Вместе с тем, следует отметить, что будущее, особенно технологическое, несмотря на известность канонов развития науки и техники и определённую инерцию в этой сфере, тем не менее, зачастую неизвестно тем, кто обучает. Да и научить будущему знанию невозможно, если это знание не открыто, неизвестно. В связи с чем, не более чем риторическим приёмом необходимо считать требование обучения будущему знанию. В таком случае может быть провалена текущая подготовка, потеряны компетенции по освоению знаний как таковых. Поэтому процесс обучения и подготовки будет всецело определять итоговый результат в рамках данного аспекта проблемы.

Таким образом, перемещение кадров от старых производств и технологий к новым производствам и технологиям, создание кадров под новые типы производств и современные технологии определяют процесс технологического обновления и развития.

Модная терминология типа конвергенции и дивергенции технологий, на мой взгляд, копирует методы конвергенции, дивергенции, трансформации, используемые при решении проектировочных задач⁴. Аналогом выступают и NBIC-технологии, где в самом термине предполагается конвергенция. Однако конвергенция в виде взаимодействия и связи технологий – это не то же самое, что принцип «комбинаторного

⁴ Джонс Дж. К. Методы проектирования // М.: Мир, 1986. 326 с.

наращивания», когда формируется принципиально новый усиленный эффект при одновременном использовании или дополнении технологий. К тому же обозначение данного эффекта в определённом смысле противопоставляется эффекту «созидательного разрушения», согласно которому технологическая эволюция описывается посредством отвлечения ресурса (и не только труда) от старых технологических возможностей в пользу новых.

Однако, подобное представление уже не отражает реальности, когда без добавочного ресурса в условиях значительной «технологической аккумуляции» становится возможным технологический прорыв, если верно определить технологическое усиление — взаимодействие, то есть связать технологии. Нужно отметить, что такое «технологическое решение» может не потребовать значительного инвестиционного ресурса, добавочного капитала или трудового ресурса, однако оно может состояться только при соответствующей подготовке и квалификации труда, то есть за счёт накопленного и развитого так называемого интерспецифического ресурса.

Следовательно, фирмы и экономика в целом должны обладать таким ресурсом, то есть интеллектуальным потенциалом, с помощью которого реализовать принцип «комбинаторного наращивания». Таким образом, технологическое развитие привязывается не только к капиталу (инвестициям), но и к исходному интеллектуальному ресурсу, который должен быть накоплен и без которого вряд ли возможно реализовать принцип «комбинаторного наращивания» в области технологического развития.

При этом возникает проблема, сводимая к тому, какое отвлечение возможно и какую величину финансового ресурса оно потребует. От способности обучить новому зависит итоговый результат. Однако оценка величины потребности в этих вновь подготавливаемых кадрах также является актуальной. Она связана с масштабом развития новых производств и технологий, причём последние зависят от новых знаний и новых кадров, а также от накопленного ранее и до сего момента невостребованного по разным причинам технологического задела.

Именно эти новые кадры вместе с теми, кто проходит переобучение, по идее должны освоить этот накопленный задел и предпринять усилия по его наращиванию — развитию. В этом состоит технологическая индустриализация, которую без соответствующих кадров представить невозможно, поскольку только люди являются носителем технологического знания и создателем этого знания. Может изменяться как доля промышленности в ВВП, так и технологический уровень производства, тем самым, задавая два базовых параметра индустриализации — общий (по величине доли и уровню доминирования промышленности в экономике страны) и специальный — по уровню технологичности.

Технологичность в техническом смысле означает получение некоего результата — увеличения объема одного и того же (продукта, услуги) с использованием меньшего объёма материальных ресурсов (материалов, энергии) либо большего результата при той же величине ресурсов. Такое представление о технологичности используется в экономике, так

как оно исходит из задачи экономии (но и в технике при выборе технических решений используют принцип экономичности изделия). Однако возможны варианты оценки, например, по числу новых технологий в общем объёме применяемых технологий, либо по соотношению объёма производства на новых технологиях и объёма производства на старых технологиях.

Учитывая, что новые технологии появляются на базе НИОКР, возможна оценка величины затрат на НИОКР в общем объёме производственных расходов или добавленной стоимости либо расходов на технологические инновации, что также может служить делу оценки сложившегося режима инновационной динамики и технологического обновления. Когда речь заходит о новых и старых технологиях, необходимой становится классификация технологий, то есть, разделение их на новые и старые технологии — уже используемые. Обычно вновь созданные передовые технологии относят к новым технологиям, а уже используемые более двух лет — к старым технологиям.

Данные подтверждают необходимость оценки уровня индустриализации не только с точки зрения величины доли индустрии в ВВП, но и её технологичности. В частности, в Европейском Союзе около 17% ВВП создаёт промышленность, в которой занято порядка 32 миллионов человек⁵. Значительная доля производств расположена в развивающихся странах, что своеобразно вытесняет производства из передовых стран⁶. Однако, важно отметить, что, если страны БРИКС, а именно Китай, Индия и Бразилия, повысили долю своего производства, то страны Европейского Союза за период 1990–2000 гг. понизили долю промышленности в ВВП с 36 до 25%⁷, одновременно повышая скорость ввода новых технологий, то есть, увеличивая интенсивность процесса технологического обновления⁸.

Тем самым сокращение доли производства в ВВП происходило для многих стран одновременно с повышением уровня технологичности, причём различных секторов экономики. Это расширяло возможности промышленности по насыщению рынка товарами, при относительном уменьшении доли по причине опережающего роста иных секторов. В ряде стран были приняты программы «Индустрия 4.0.», причём неверно сводить их только к цифровизации промышленности и экономики. Они много шире и затрагивают коренную основу технологического обновления этих стран.

Лидируют в реализации программ «Индустрия 4.0.» Германия, США, Китай, Япония, где приоритетны такие технологические направления

⁵ Tsai, D.A. The effects of dynamic industrial transition on sustainable development // *Structural Change and Economic Dynamics*, 2017.

⁶ Andergassen, R., F. Nardini and M. Ricottilli. Innovation diffusion, general purpose technologies and economic growth // *Structural Change and Economic Dynamics*. 2017. Vol. 40, pp. 72–80.

⁷ Fu, X., C. Pietrobelli, and L. Soete. 2011. The Role of Foreign Technology and Indigenous Innovation in the Emerging Economies: Technological Change and Catching-up. // *World Development*, 2011. Vol. 39, pp. 1204–1212.

⁸ Сухарев О.С., Ворончихина Е.Н. Факторы экономического роста: эмпирический анализ индустриализации и инвестиции в технологическое обновление // *Вопросы экономики*, 2018. № 6.

как нанотехнологии, робототехника, биоинженерия, искусственный интеллект и др.⁹.

Вместе с тем, стратегия цифровизации является стержневой программой в рамках реализации доктрины «Индустрия 4.0.», притом, что эта доктрина не ограничивается только переходом на цифровые технологии. Так, в Германии «Индустрия 4.0.»¹⁰ охватывает почти все секторы средств производства, в США – создан консорциум промышленного интернета, а в Китае – программа «Интернет плюс»¹¹ и программа «Произведено в Китае – 2025».

Таким образом, вопросы внедрения цифровых технологий рассматриваются совместно с развёртыванием новых средств производства в этих странах. Тем самым они в определённом смысле подчинены более значимым задачам развития производства, содержательной его стороны, а не только совершенствованию или развёртыванию информационной и коммуникационной инфраструктуры, которые, безусловно, также важны и состояние которых определяют конкурентные преимущества для производителей этих стран.

Конечно, в стратегии «Индустрия 4.0.» в ряде передовых стран общим местом является цифровизация производства (табл. 1). Причём приведенные в таблице 1 страны оказывают сильное влияние на распространение цифровых технологий в мире, а характеристика их программ развития цифровых технологий дана по следующим параметрам: субъекты управления, модель регулирования, отраслевые, технологические и промышленные приоритеты, эффективность и разработка нормативов.

Наличие различий в реализации доктрины «Индустрии 4.0.» обусловлено, по всей видимости, не только тем, что отличаются сложившиеся модели экономического роста и технологических изменений по этим странам, но и отличиями в исходных условиях функционирования индустриально-технологической базы – институтах, ресурсах, системе образования и науки, экономических структурах и т.д.

Более того, отсутствие должной координации национальных политик, учитывая эффекты глобального распространения технологий, будет в определённой степени тормозить это распространение. Сравнительные исследования, например, китайского и немецкого подхода в рамках доктрины «Индустрия 4.0.» подтверждают, что возможности решения поставленных в программах задач (увеличения промышленно-технологического потенциала) упираются в быстро изменяющуюся реальность, когда китайский труд уже не является самым дешёвым, а в мире появляются

⁹ Luo, J., A.L. Olechowski, C.L. Magee. Technology-based design and sustainable economic growth // *Technovation*, 2014. Vol. 34, pp. 663–677; Carvalho, N., Omar, C., Edson, C., and G. Mateus. Manufacturing in the fourth industrial revolution: A positive prospect in Sustainable Manufacturing // *Procedia Manufacturing*. 2018. Vol. 21, pp. 671–678.

¹⁰ Lu, Ya. *Industry 4.0: A survey on technologies, applications and open research issues* // *Journal of Industrial Information Integration*. 2017. № 6, pp. 1–10.

¹¹ Liu, S.M., Yu. Kim. Special issue on internet plus government: New opportunities to solve public problems? // *Government Information Quarterly*. 2018. Vol. 35, pp. 88–97.

новые конкуренты по этому направлению¹². Относительно цифровых технологий лидерство обеспечивают США, Германия и Япония, прибегая, в том числе, к нестандартным методам борьбы в виде торговых противодействий и сдерживания развития (эффект санкций).

«Индустрия 4.0.» сводится к таким направлениям как «интернет вещей»¹³, информационно-коммуникационные технологии, промышленный интернет, облачные производства¹⁴, затрагивает архитектуру предприятий и процессы интеграции производства. Новые технологии делают производство высокоинтеллектуальным, и создают аппарат управления именно такой промышленностью. Однако, новые технологии внедряются на разных уровнях организации и синхронность ввода обеспечить проблематично, что порождает эффект нестыковки, с увеличением затрат и сопротивлением внедрению этих технологий. Использование значительного объёма новой информации и данных предполагает развитие аналитических центров предприятий и особые требования к аналитической работе и принятию решений, причём не только имеющих стратегическую, так и тактическую перспективу. Таким образом, речь идёт о возникновении «умных фирм»¹⁵, которые могут возникнуть только при соответствующей величине открытости вводу новых технологий, что увеличит их производительность. Остаётся без ответа проблема устаревания инноваций, технологий и перевода занятых в их обслуживании работников на новые виды производства, переходящего на новые технологии. Этот процесс характеризуется как созидательным разрушением, но и одновременно «комбинаторным наращиванием» — эффектом, в рамках которого создаётся новый персонал под новые технологии, что снижает издержки на переподготовку кадров.

Измерение не только факторов развития индустрии 4.0. или барьеров, но и степени готовности к внедрению новых технологий¹⁶ составляет ещё одно направление анализа. Таким образом, речь идёт о следующих направлениях исследований:

— измерение уровня индустриализации экономики в общем (по доле индустриальных секторов в ВВП) и специальном смысле — по технологической структуре, что позволяет получить оценку исходного уровня индустриализации 4.0. и текущей динамики развития, а также осуществить страновые сопоставления;

— измерение факторов развития «индустрии 4.0»;

¹² Li, L. China's manufacturing locus in 2025: With a comparison of «Made-in-China 2025» and «Industry 4.0. // *Technological Forecasting & Social Change*. 2018. Vol. 135, pp. 66–74.

¹³ Имеются исследования, в которых отмечается, что данные термины являются синонимами (Kamble, et al., 2018).

¹⁴ Franka, A.G., L.S. Dalenogareb, and N.F. Ayala. Industry 4.0 technologies: Implementation patterns in manufacturing companies // *International Journal of Production Economics*. 2019. Vol. 210, pp. 15–26.

¹⁵ G. Büchi, M. Cugno and R. Castagnoli. Smart factory performance and Industry 4.0. // *Technological Forecasting & Social Change*, 2020. Vol. 150. In press.

¹⁶ Pacchini, A.P.T., W.C., Lucato, F. Facchini, and G. Mummolo. The degree of readiness for the implementation of Industry 4.0. // *Computers in Industry*. 2019. Vol. 113.

- измерение барьеров и механизмов сопротивления вводу новых технологий по программам «Индустрия 4.0.»;
- оценка готовности к вводу новых технологий;
- расчёт чувствительности уровня технологичности компании или страны к инвестициям в новые технологии и в старые технологии, что даёт дополнительную информацию о готовности к технологическому обновлению и реакции на него, а также может корректировать методы инвестиционной и инновационной политики;
- оценка эффективности новых технологий («Индустрии 4.0.»), например, на основе расчёта и сопоставления отраслевых параметров¹⁷, сводимых к агрегированному индексу эффективности (большие данные, безопасность коммуникации и компьютеров, киберфизические системы).

Четвёртую промышленную революцию можно связывать с новыми технологиями получения знаний¹⁸, затем их переработки и применения на практике. Расширение такой сферы деятельности и применяемых в ней новых технологий приводит к тому, что фактически возникает новая социальная ценность, связанная с продлением жизни, постоянным совершенствованием человеческих знаний и возможностей и т.д. Экология, информация, знание, занятость образованного населения — это и составляет тематику и направления четвёртой промышленной революции. Если экологические проблемы, горизонтальные связи, энергетика составляли тематику третьей революции, то эти акценты преобразовались, технологически усилились и по-новому предстают в рамках четвёртой промышленной революции.

Однако сложность развёртываемых процессов и всеохватность настолько высока, что научно-аналитические усилия по измерению, оценке, выявлению закономерностей и связей между наблюдаемыми явлениями сохраняют высокую актуальность и перспективу научных исследований в рамках экономического анализа условий и движущих факторов четвёртой индустриальной революции.

Некоторые аспекты оценки уровня технологичности и инновационной динамики. Уровень индустриализации экономики и сложившаяся модель технологического развития создают возможности расширения инноваций по всем направлениям и определяют вклад инноваций в темп экономического роста. Инновационная динамика зависит от изменения числа новаторов, поскольку именно они реализуют новые комбинации (создают новые продукты, технологии, организационные формы, осваивают новые рынки, реорганизуют производство,

¹⁷ H. Atika and F. Ünlü. The Measurement of Industry 4.0 Performance through Industry Index: An Empirical Investigation for Turkey and European Countries. // 3rd World Conference on Technology, Innovation and Entrepreneurship, Procedia Computer Science? 2019. Vol, 158, pp. 852–860.

¹⁸ S. Vaidya, P. Ambad, and S. Bhosle. Industry 4.0 – A Glimpse. // 2nd International Conference on Materials Manufacturing and Design Engineering, Procedia Manufacturing. 2018, Vol. 20, pp. 233–238; Su, H.-N., and I.M. Moaniba. Investigating the dynamics of interdisciplinary evolution in technology developments // Technological Forecasting and Social Change. 2017. Vol. 122, pp. 12–23; Pereira, A.C., and F. Romero. A review of the meanings and the implications of the Industry 4.0 concept // Procedia Manufacturing. 2017. Vol.13, pp. 1206–1214.

открывают новые ресурсы развития) в отличие от агентов-консерваторов, ориентирующихся на сохранении своих позиций на рынке, в производстве каких-то продуктов и услуг, поддерживающих уже освоенные технологии в рамках сложившихся организационных форм. При этом они, как правило, не имеют сильных мотивов для реорганизации производства. Это две принципиально полярные модели агентского поведения. Причём новаторы генерируют новизну и соответственно новую экономическую динамику, связанную с отвлечением ресурсов от существующих комбинаций (технологий) в пользу новых комбинаций. Кроме этого, они также создают новые ресурсы под новые генерируемые возможности развития. Следовательно, появление новизны связано с деятельностью исследователей-новаторов. Согласно Всемирному банку, исследователи – это агенты, занимающиеся профессиональной деятельностью в сфере разработки концепции или создания новых знаний, продуктов, процессов, методов и систем, а также управления проектами¹⁹. Безусловно, такой вид деятельности является новаторским. Будем считать таких агентов новаторами, разницу между общей величиной занятых и числом новаторов будем считать агентами-консерваторами. Можно определить фирму-новатора как такое инновационное предприятие, продукты (услуги) которого являются новыми, по меньшей мере, для некоторых потребителей и данные продукты (услуги) не производятся (не предоставляются) другими фирмами, либо крайне небольшим количеством фирм²⁰. Фирмы-консерваторы можно определить как разницу между общим числом фирм и фирм-новаторов.

Как видим, в отличие от учёта инноваций в российской системе статистического учёта (форма 4–4а), тиражированию инноваций придаётся меньшее значение, если не сказать, что подобный учёт старается исключить тиражирование. Тем самым удаётся дать оценку условно чистого влияния фирм-новаторов на экономическое развитие. Исследование этой проблемы требует развёртывания изысканий по определению следующих возможных связей и взаимного влияния между такими параметрами:

- числом агентов новаторов (фирм-новаторов) и числом новых технологий²¹, а также числом агентов-консерваторов (фирм-консерваторов) и числом старых технологий;
- технологичностью экономики, под которой можно понимать отношение объёма производства на новых к объёму производства на старых технологиях, числом новаторов, консерваторов, а также числом новых и старых технологий;
- технологичностью и инвестициями в новые и старые технологии, что позволит установить модель технологического развития экономики

¹⁹ Источник: Всемирный банк <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD>

²⁰ Данное представление даётся согласно Мировому атласу данных: <https://knoema.ru/GEMAP2019/global-entrepreneurial-behaviour-monitor?country=1000240&indicator=1000250> и Глобальному мониторингу, предпринимательства (Global Entrepreneurship Monitor), Всемирному банку: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG?view=chart>

²¹ Под новыми технологиями понимаются вновь созданные передовые технологии, под старыми технологиями – уже используемые технологии.

по параметру чувствительности технологичности к инвестициям в различные виды технологий;

– инвестициями в новые и старые технологии и риском осуществления деятельности в области новых и старых технологий, что позволит в дальнейшем построить модели риска и, влияя на него, изменять соотношение в структуре инвестиций, распределяемых на новые и старые технологии;

– числа новаторов, консерваторов (фирм-новаторов и консерваторов) от инвестиций в новые и старые технологии, а также вновь подготовленных в области новых технологий кадров и персонала, перемещаемого из производств на старых технологиях в производства на новых технологиях за счёт переобучения от величины вложений в новые и старые технологии.

Можно представить создаваемый в экономике продукт как сумму продукта, созданного на новых и старых технологиях. Темп роста производства на новых технологиях, можно предположить, наверняка зависит от темпа роста числа новаторов, а темп роста производства на старых технологиях – от темпа роста числа консерваторов. Тогда, определяя связь числа новаторов и консерваторов в экономике, а также, моделируя процесс отвлечения трудового ресурса от старых производств, в пользу новых производств и подготовку кадров под новые производства, можно установить влияние процесса «созидательного разрушения» и «комбинаторного наращивания» на темп экономического роста.

Темп роста экономики ($g = (1/Y) dY/dt$), состоящей из производства на новых (Y_n) и старых (Y_s) технологиях ($Y = Y_n + Y_s$), будет равен $g = dn g_{Y_n} + ds g_{Y_s}$, где: $dn = Y_n/Y$, $ds = Y_s/Y$, $g_{Y_n} = (1/Y_n) dY_n/dt$, $g_{Y_s} = (1/Y_s) dY_s/dt$. Если темп роста новаторов g_{L_n} , консерваторов g_{L_s} , тогда, предполагая, что $g_{Y_n} = f_1(g_{L_n})$, $g_{L_s} = f_2(g_{L_s})$, получим: $g = dn f_1(g_{L_n}) + ds f_2(g_{L_s})$. Имея связь $L_n = a L_s + b L_n$ или $L_n = a L_s / (1 - b)$, где a – доля отвлечения трудового ресурса, занятого в старых производствах (на старых технологиях), в пользу новых производств (на новых технологиях); b – доля созданных новых кадров от величины занятых в новых производствах, подготовленных специально для этих производств (вновь созданный ресурс), удастся оценить влияние процесса отвлечения и создания ресурса на динамику экономической системы. Более того, возможно исследовать то, как именно переобучение влияет на рост и развитие новых технологий и как система образования, готовящая новые кадры под новые производства, влияет на экономическую динамику и модель технологического обновления.

Данный подход позволяет исследовать влияние технологической структуры (старые-новые технологи) на темп экономического роста. Если предположить, что структура инвестиций $I = I_n + I_s$ и ввести эту структуру в формулу для расчёта темпа роста ВВП $g = g_C c + g_I n + g_G u + g_{N_x} n_x$ ²², не сложно получить: $g = h g_{I_n} i_s + g_{I_s} i_s + g_C c + g_G u + g_{N_x} n_x$, где: $h = I_n/I_s$, $i_s = I_s/Y$, g_{I_n} , g_{I_s} – темп роста инвестиций

²² Структурная формула для оценки темпа экономического роста по компонентам ВВП по расходам ($Y = C + I + G + N_x$) подробно даёт: Сухарев О.С. Экономический рост в России: проблема управления // Экономист. 2016. № 7.

в новые и старые технологии соответственно. Таким образом, первое слагаемое – вклад новых технологий в общий темп роста, второе – вклад старых технологий в темп экономического роста.

Темп роста новаторов и консерваторов связан через соотношение числа новаторов и консерваторов, записанное через параметры отвлечения (а) и ввода (b) вновь подготовленных кадров. На появление новаторов и консерваторов влияет структура, источники инвестирования – из собственных средств, привлечённых ресурсов кредитного и фондового рынка. Снижение ключевой ставки процента (рост монетизации экономики) при прочих равных действует в направлении увеличения капитализации фондового рынка, следовательно, действует не только в направлении понижения риска инвестиций в новые технологии, но и увеличивает возможности по источнику инвестиций – за счёт роста биржевых котировок акций компаний. При этом и кредитные возможности обеспечения инвестиций явно возрастут. Ограничителем может стать отсутствие мотивов инвестирования, перекапитализация фирм, либо, наоборот значительная доля свободных производственных мощностей, либо зависимое их состояние от внешних центров принятия решений. Кроме того, осуществляемые институциональные коррекции, а также созданная система институтов в стране могут не мотивировать к появлению новаторов, так как блокировать новизну, её появление, восприятие и тиражирование. Монетизация будет способствовать росту инфляции, что в условиях неэффективных олигопольных структур будет действовать в виде торможения инновационной динамики.

Показав в теоретическом плане возможности и алгоритм исследования, дадим оценку на основе доступных эмпирических данных сложившемуся режиму технологического развития и инновационной динамики в российской экономике.

Эмпирический анализ технологичности и инновационной динамики российской экономики. Уровень технологичности, измеряемый отношением объёма производства на новых технологиях к объёму производства на старых технологиях (берётся объём отгруженной инновационной продукции к объёму отгруженной неинновационной продукции), показан на рисунках 1–2 для экономики России в целом, а также отдельно для машиностроения и сырьевого сектора²³ и как вариант для обрабатывающего и транзакционно-сырьевого сектора²⁴.

²³ Сектор машиностроения включает производство машин и оборудования, производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования, производство транспортных средств и оборудования; Сырьевой сектор включает добычу топливно-энергетических полезных ископаемых и производство кокса и нефтепродуктов по ОКВЭД.

²⁴ Обрабатывающий сектор охватывают следующие виды деятельности (по ОКВЭД): раздел D – Обрабатывающие производства; раздел F – Строительство. Транзакционно-сырьевой сектор представлен такими видами деятельности (по ОКВЭД): раздел A – Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство; раздел В – Рыболовство, рыбоводство; раздел С – Добыча полезных ископаемых; раздел E – Производство и распределение электроэнергии, газа и воды; раздел G – Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования; раздел H – Гостиницы и рестораны; раздел I – Транспорт

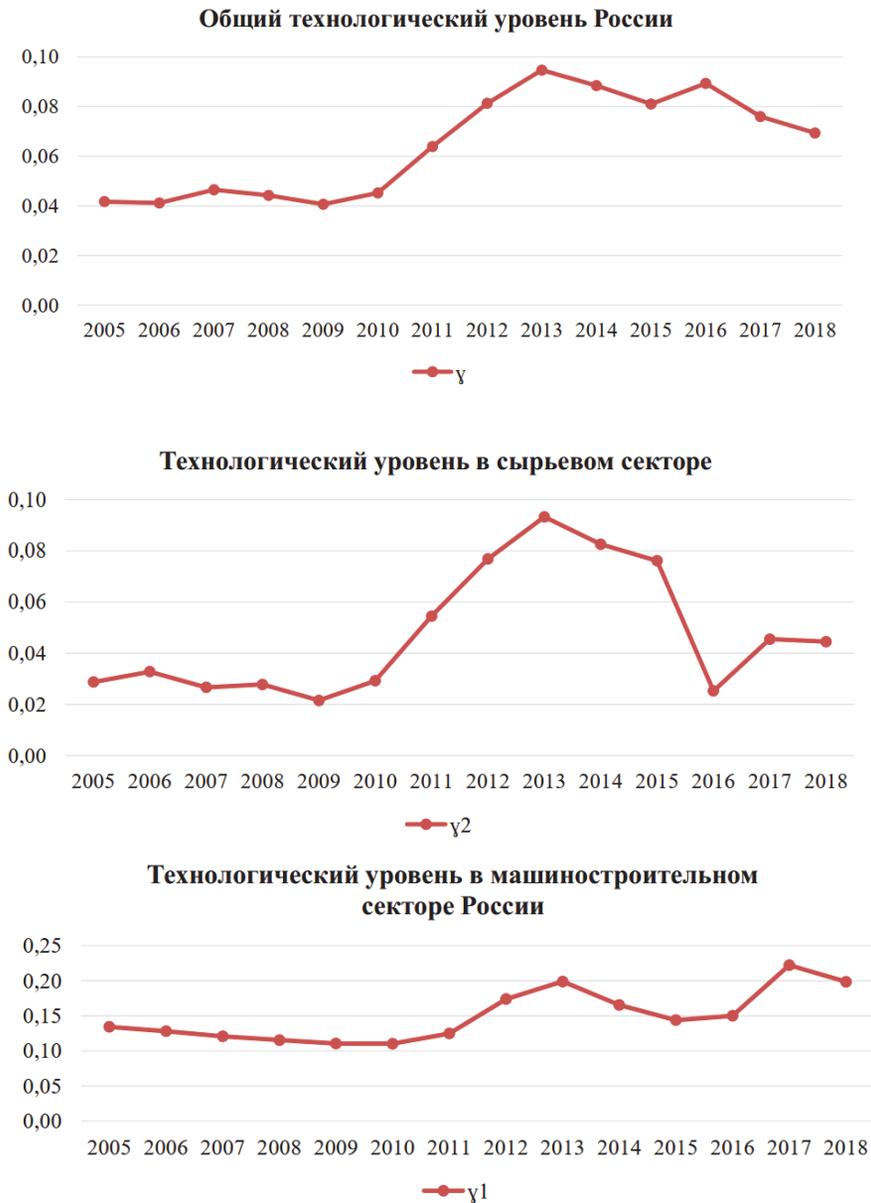


Рис. 1. Технологичность экономики России, сырьевого сектора, машиностроения, 2005–2018 гг.

Источник: www.fedstat.ru/indicator/59210, www.fedstat.ru/indicator/31278

и связь; раздел J – Финансовая деятельность; раздел K – Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг; раздел L – Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение; раздел M – Образование; раздел N – Здравоохранение и предоставление социальных услуг; раздел O – Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг.

Как видим (на рис. 1), в период 2005–2011 гг. уровень технологичности российской экономики не растёт, в машиностроении даже понижается, как и в сырьевом секторе. Нужно отметить, что в сырьевом секторе в этот период технологичность в 3–5 раз ниже, чем в машиностроении. С 2010–2011 гг. начинается существенный рост технологичности, который продолжился примерно три года до 2013 года. С 2014 года наблюдается снижение технологического уровня как для российской экономики в целом, так и для машиностроения и сырьевого сектора. Только в 2017 году наблюдается существенный рост этого показателя, который в 2018 году опять не обнаруживает существенного роста. Таким образом, на довольно длительном интервале времени показатель общей технологичности для российской экономики не превосходит величину в 0,1, в то время как отдельные страны Европейского союза показывают этот показатель в 0,3–0,4, а ряд стран – ещё выше.

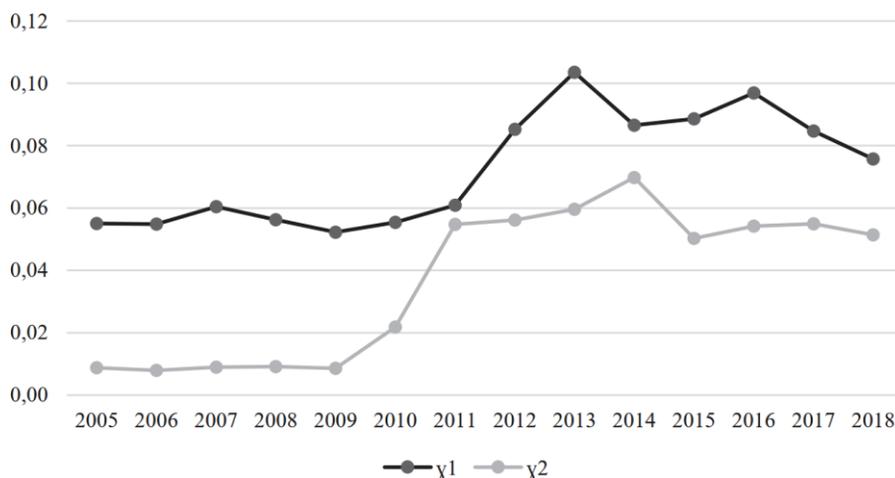


Рис. 2. Технологичность обрабатывающего (γ_1) и транзакционно-сырьевого (γ_2) секторов России, 2005–2018 гг.

Источник: данные для расчёта: www.fedstat.ru/indicator/59210, www.fedstat.ru/indicator/31278

На рисунке 2 видно, что уровень технологичности возрастает только в 2010–2013 гг. для обрабатывающего и в 2010–2014 гг. для транзакционно-сырьевого сектора. Этот рост происходит на довольно невысоких значениях технологичности, существенно ниже 0,1. К 2018 году этот уровень снижается до величины 2011 года в обработке и в транзакционно-сырьевом секторе. Тем самым можно сделать предварительный вывод о том, что российская экономика и её базисные секторы имеют значительные проблемы технологического развития, причём положительная динамика охватывает весьма малый промежуток времени, и сменяется понижением уровня технологичности. По этому показателю экономика возвращается примерно к 2011 году. Следовательно, можно вести речь

о неустойчивой динамике инновационного развития, когда экономика не может поддержать некоторый свой уровень технологичности²⁵.

Более того, предпринимаемые усилия по повышению этого уровня не дают ожидаемого или планируемого результата, поскольку если и приводят сначала к повышению уровня технологичности и улучшению инновационной динамики, то затем эти показатели возвращаются к прежним значениям. Инвестиции в старые технологии значительно превосходят инвестиции в новые технологии для российской экономики. Чувствительность технологического уровня к доле инвестиций в новые технологии такова, что с ростом доли этих инвестиций технологический уровень повышается, а при повышении доли инвестиции в старые технологии — понижается²⁶. На менее продолжительных периодах такая чувствительность была обратной, что позволяло говорить о невосприимчивости российской экономики к инновационному обновлению. В рамках данного анализа получено условие, которое выступает позитивной предпосылкой для проведения политики технологического обновления и повышения технологического уровня в России. Остаётся вопрос распределения инвестиций под новые и старые производства, так, чтобы новые получали нарастающую величину инвестиций. Такой исход зависит от соотношения спроса, а также рисков осуществления производства на новых и старых технологиях, что выдвигает задачу демпфирования рисков при инвестировании новых технологий.

На рисунке 3 отражена доля фирм-новаторов в общем числе фирм (вверху) и относительно фирм-консерваторов (внизу), весьма низкая в российской экономике и в среднем сокращающаяся с 2011 по 2018 год.

Из рисунка 4 следует, что темп роста ВВП России определяется долей числа фирм-новаторов в общем числе фирм в отличие, например, от Китая, где темп роста был выше для меньшей доли числа фирм-новаторов, и стал ниже при более высокой доле таких фирм. Это говорит о том, что инновационная модель поведения фирм может в целом тормозить общую экономическую динамику (темп ВВП). Такой исход имеет основания, так как фирмам-новаторам нужна большая ликвидность, в конкуренции за которую темп роста может несколько понизиться, с ростом числа фирм-новаторов. Бóльшее число фирм-новаторов нуждаются в бóльшем объёме ресурсов, конкуренция за которые может действовать в направлении понижения темпа роста.

Можно отметить, что снижение числа новаторов и фирм-новаторов может сопровождаться ростом технологичности экономики. Однако,

²⁵ Причём данная оценка справедлива не только при оценке технологического уровня по объёму производства на новых и старых технологиях, но и по соотношению числа введённых новых и используемых старых технологий. Ввод вновь созданных передовых технологий согласно данным Росстата исчисляется несколькими сотнями штук в год, рост этого показателя также весьма скромный.

²⁶ Этот результат теоретически обоснован и эмпирически подтверждён в ряде работ автора, в частности см.: Сухарев О.С. Экономическая динамика. Институциональные и структурные факторы // М.: Ленанд, 2015. С.217–221; Теория реструктуризации экономики // М.: Ленанд, 2016. С. 104–107.

фактически это означает, что рост технологичности сопровождается понижением инновационной активности и представляет собой консервативную модель развития, поскольку с ростом числа консерваторов технологичность увеличивается.

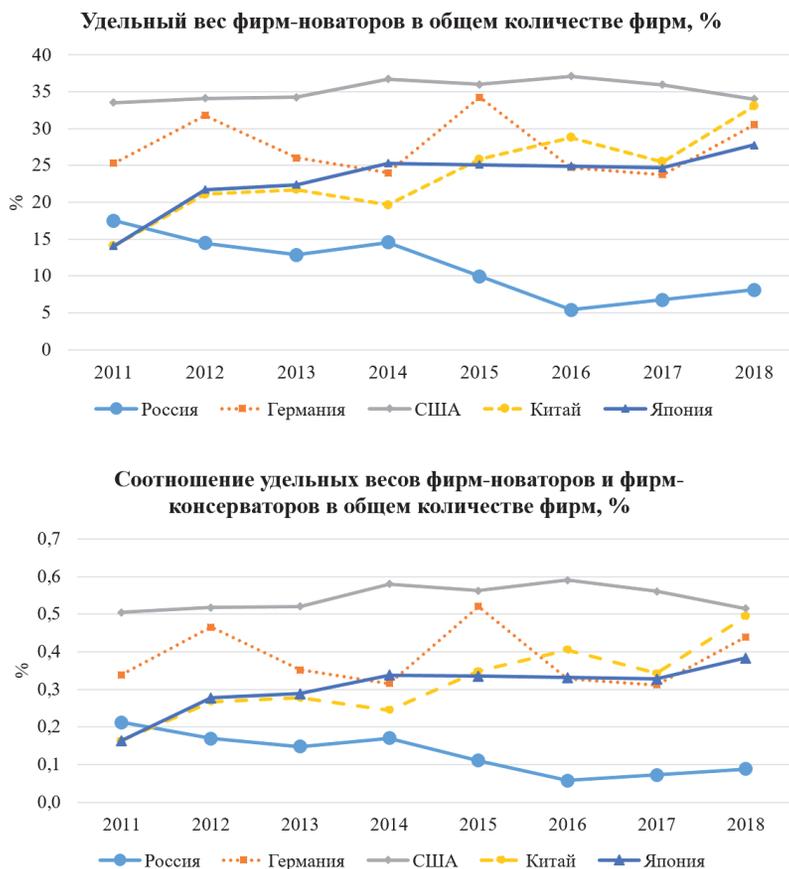


Рис. 3. Вес фирм-новаторов в экономике некоторых стран, 2011–2018 гг.

Источник: Мировой атлас данных: <https://knoema.ru/GEMAP2019/global-entrepreneurial-behaviour-monitor?country=1000240&indicator=1000250> на основе данных Глобального мониторинга предпринимательства (Global Entrepreneurship Monitor), Всемирный банк: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG?view=chart>.

Те же источники и для рис. 2.

Следовательно, развитие российской экономики происходит не за счёт активности новаторов, а за счёт преобладания и ведущей роли консервативной модели поведения агентов и фирм-консерваторов. Таким образом, в российской экономике на рассматриваемом интервале времени наблюдалось уменьшение числа новаторов и увеличение числа

консерваторов. Число новых технологий возросло в штучном измерении, но действовало в направлении повышения общей технологичности экономики, число старых технологий увеличивалось десятками тысяч штук, причём с некоторой величины их увеличение тормозило рост технологичности.

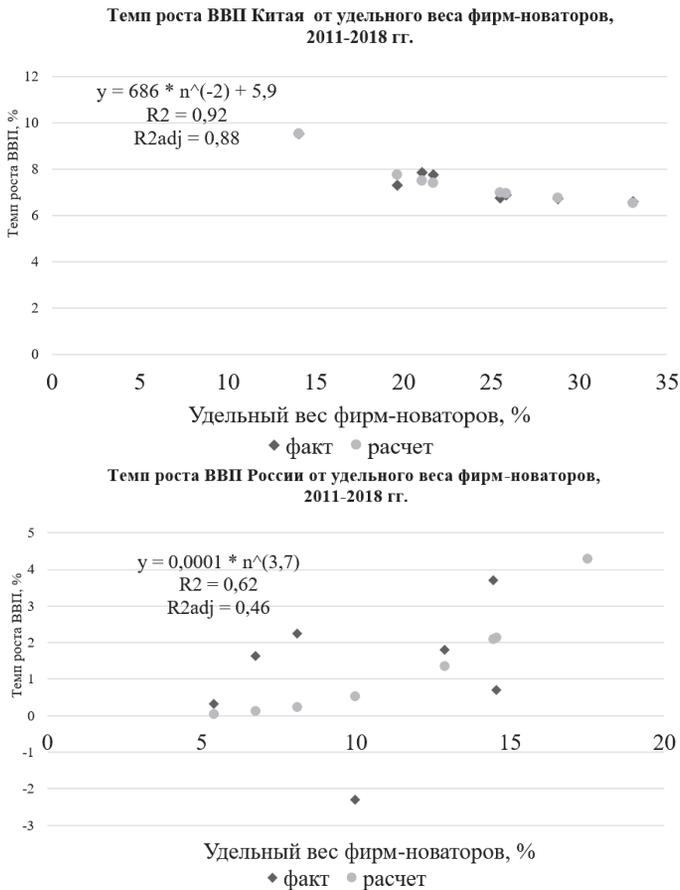


Рис. 4. Темп роста ВВП и удельный вес фирм-новаторов в общем числе фирм, России²⁷, Китая²⁸, 2011–2018 гг.

Это говорит в пользу того, что сложившаяся модель технологического развития в России отнюдь не способствует широкомасштабному обновлению технологий и технологической индустриализации (локальные изменения возможны и хорошо наблюдаются, особенно там, где невозможен эффект тиражирования, а спрос сразу задан, причём условия

²⁷ Статистики: F-критерий = 6,8, D-Wрасчет. = 1,97 € [1,91; 2,20], Тест Уайта: χ^2 расчет. = 3,79, χ^2 крит. = 3,84

²⁸ Статистики: F-критерий = 59,8, D-Wрасчет. = 2,05 € [1,91; 2,20], Тест Уайта: χ^2 расчет. = 2,58, χ^2 крит. = 3,84

выживания существуют в военно-оборонной сфере). Таким образом, необходимо создание системных условий для организации новой модели экономического роста и внедрения новых технологий в России. Взаимозависимые шаги в этом направлении предполагают, на взгляд автора, координацию различных видов политики в направлении технологической индустриализации, на первом этапе которой, по всей видимости, в России придётся восстанавливать и отдельные высокотехнологичные гражданские секторы или производства двойного назначения (в области специальной технологии для микроэлектроники). Одновременно понадобится искать возможности создания серийных производств «электронного ширпотреба» (компьютеры, мобильные телефоны и т.д.), так как, не замкнув производственную цепочку, вряд ли удастся добиться больших успехов в развитии микроэлектронных и нанотехнологий.

Подводя итог проведенному исследованию, сформулируем некоторые выводы:

Во-первых, российская экономика имеет ряд весьма сильных структурных и институциональных ограничений (исходное состояние фондов, диспропорции в структуре спроса и рынков средств производства, зависимость от импорта и многие иные), препятствующих интенсивному технологическому обновлению²⁹ и проведению целенаправленной политики «технологической индустриализации». Хотя элементы такой политики очевидны, судя по программе ввода цифровых технологий и заявленным национальным проектам.

Во-вторых, число новаторов неуклонно сокращается, консерваторов возрастает, как по агентам, так и по фирмам, причём это происходило при увеличении ВВП. Увеличение темпа роста ВВП зависело от доли фирм-новаторов положительно, чем выше эта доля, тем выше темп роста. Технологичность повышалась при сокращении числа новаторов и росте числа консерваторов, что говорит о консервативной (не инновационной) модели развития российской экономики.

В-третьих, страны, реализующие доктрину «Индустрия 4.0.», в частности Китай (а также Германия и США), не только имеют программы ввода цифровых технологий (такую программу имеет и Россия), но создают согласованные с ними программы развёртывания новых средств производства. Именно такая, широкая трактовка технологического обновления индустрии приводит к серьёзному обновлению производственно-аппаратной базы промышленности и использованию создаваемых новых технологий, дающих значительную экономию ресурсов и низкий уровень загрязнения окружающей среды. Цифровые технологии позволяют изменить систему управления многими техническими устройствами и производства, применить роботизированные комплексы и т.д.

²⁹ Они же фактически фиксируют довольно низкий технологический уровень экономики, если и увеличивающийся, то в диапазоне низких значений, и возвращающийся к прежней величине. Тем самым поддержать определённый уровень внедрения и использования новых технологий и объёма производства на них не удаётся, несмотря на увеличение вновь созданных передовых технологий, правда, буквально в штучном выражении.

Следовательно, так называемая технологическая индустриализация, которая связана не с увеличением доли индустрии в ВВП, а с масштабным внедрением новых технологий в обрабатывающих секторах, возможна исключительно за счёт системных изменений, охватывающих макроуровень управления, институты, регулирующие инновационный процесс, секторальные и отраслевые воздействия. Причём она возможна соразмерно формируемой потребности и наличию потенциальных возможностей перехода на новые технологии. По этой причине логику «технологического рывка» без подготовки на уровне спроса и соответствующих рыночных структур, учёта исходного состояния фондов и качества трудовых отношений, реализовать будет весьма проблематично. В развитии технологий имеет очень сильные позиции комбинаторный эффект, когда наращение в области технологического знания кумулятивно выливается в значительный экономический эффект от внедрения новых технологий. Таким образом, необходимо, применительно к российской экономике двигаться по трём основным направлениям:

во-первых, обеспечить переобучение кадров, работающих на старых технологиях, под новые вводимые технологии (разумеется, соразмерно вводу новых технологий) и одновременно готовить новые кадры под создаваемую новую технику и технологии, тем самым сочетая реализацию принципа «созидательного разрушения» и «комбинаторного наращивания»;

во-вторых, различными видами воздействий понижать риски ввода новых технологий и стимулировать возникновение спроса на обновление производства, следовательно, поощрять развитие различных видов производства как такового, как базы для технологической индустриализации, ликвидируя производственно-технологические разрывы, имеющие место в российской экономике;

в-третьих, осуществить согласованное развёртывание программ развития новых технологий (не только цифровых) по различным приоритетным направлениям индустриального развития, с восстановлением отдельных видов производственной деятельности в области высоких технологий, ранее утерянных.

Движение по этим трём направлениям, на сегодня отсутствующим, по крайней мере, в явном виде, в плановых документах разработчиков экономической политики и стратегии развития России, позволит существенно продвинуться в реализации доктрины «Индустрия 4.0.», целью которой во многих странах является переход на новый в технологическом отношении базис развития.

O. Sukharev (e-mail: o_sukharev@list.ru)

Grand Ph.D. in Economics, Full Professor,
Chief Researcher, Institute of Economics
Russian Academy of Sciences

TECHNOLOGICAL INDUSTRIALIZATION: MODERN AND NEW OPPORTUNITIES

The article provides a comparative analysis of the implementation features of the "Industry 4.0" doctrine in the countries which are now leading the way in technological development. The author identifies the unique characteristic features as well as those that are common for these countries, which allows him to highlight the technological component of changes in modern industry and economy, the latter being the focal point of the changes.

This experience and the ongoing research within the framework of "Industry 4.0." are useful for the Russian economy, where the problem of overcoming technological lag and creating a new regime of innovative dynamics, providing economic growth of a new quality, is acute. Using comparative methods according to the introduced criteria, as well as the analysis of preliminary results of numerous studies devoted to the deployment of "industry 4.0.", together with some elements of econometric modeling and regression analysis, the author draws the conclusion that technological changes in Russian economy occurred while reducing the number of innovative agents and firms, characterized by a relatively low and unstable level of manufacturability in the basic sectors of the economy.

Keywords: manufacturability, industrialization, new and old technologies, economic growth, innovators, conservatives, innovative dynamics.

DOI: 10.31857/S020736760010587-4

© 2020

Нигора Талипова

кандидат экономических наук, доцент филиала РЭУ им. Плеханова
(г. Ташкент)
(e-mail: nigoratal@gmail.com)

Жасур Ниязалиев

соискатель Ташкентского государственного университета востоковедения
(e-mail: jasur.niyazaliev@gmail.com)

МОДЕЛИРОВАНИЕ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

С помощью матричного анализа рассмотрены предпосылки и тенденции внешнеэкономической деятельности стран Центральной Азии, объёмы их экспорта и импорта. Ранжированные ряды попарных внешнеторговых взаимодействий в системе стран ЦА позволили сделать прогноз развития внешнеэкономической деятельности стран региона с помощью гравитационной модели международной торговли.

Ключевые слова: импорт, экспорт, внешнеторговый оборот, матричный анализ, взаимная торговля, гравитационная модель.

DOI: 10.31857/S020736760010588-5

Начиная с 2017 года, между странами Центральной Азии наблюдается процесс нормализации отношений. Множество нерешенных межгосударственных проблем нашли свое решение. Изменения геополитической ситуации в Центрально-Азиатском регионе эксперты связывают со сменой руководства Узбекистана.

Нормализация отношений не только трансформирует конфигурацию в регионе, но также придает Центральной Азии бóльший геополитический вес на международной арене.

В Узбекистане разработана новая модель развития и Стратегия действий по дальнейшему развитию Узбекистана¹. Эта стратегия охватывает пять основных приоритетных направлений: совершенствование государственного строительства и судебной-правовой системы, либерализацию экономики, ускоренное развитие социальной сферы и осуществление активной внешней политики.

Особенно важно отметить развитие отношений с соседними странами. «В качестве примера можно привести такие результаты деятельности, как выход Узбекистана через туркменские порты в Каспийское море, рост на 37% торгового оборота с Казахстаном, открытие автодорожных пунктов пропуска «Околтин» и «Малик» через узбекско-казахстанскую государственную границу, создание предпринимательских сообществ между приграничными районами стран Центральной Азии,

¹ Указ Президента Республики Узбекистан «О Стратегии действий по дальнейшему развитию Республики Узбекистан» № УП-4947 от 7 февраля 2017 года.

а также достижение договоренности по демаркации и делимитации границ»².

По оценкам Всемирного банка, в Центральной Азии экономический рост в среднем составит более 3,5%. Средние темпы экономического роста в Казахстане составят около 2–3%, в Кыргызстане 3–3,5%, Таджикистане 5–6%, а в Узбекистане и Туркменистане – около 6%.

Укрепление добрососедства, учет взаимных интересов, недопущение конфликтов являются главными приоритетами в отношениях между странами Центрально-Азиатского региона.

Центральная Азия (Средняя Азия) сегодня – это пять республик: Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан, Туркменистан и Таджикистан. Страны региона имеют общность исторического развития и культурного разнообразия, языка и религии, светскую форму государственного управления, взаимосвязанные коммуникационные системы. Эти страны обладают большими ресурсами (табл. 1).

Таблица 1

Ресурсный потенциал стран Центральной Азии

	Нефть (млн т)	Газ (млрд куб. м)	Золото (т)	Уголь (млрд т)	Уран (т)	Гидроэнергоресурсы (млрд кВт.-ч/год)
Казахстан	4 000	6 800	18,9	35,8	1 690 000	40,2
Кыргызстан	5	6	24	–	–	142,5
Таджикистан	2	–	–	–	460 000	527
Туркменистан	300	23 000	–	–	–	2
Узбекистан	250	5 900	90	4	185 800	15
Всего по ЦА	4 557	35 706		40	645 800	726,7
Место в мире	11	2	9	8	2	6–8

Источник: Талипова Н.Т. Экономическое сотрудничество Республики Корея и стран Центральной Азии // Москва, журнал «Проблемы теории и практики управления», 2013. № 7. Стр. 54–63.

В Центральной Азии существует ряд факторов, осложняющих взаимоотношения стран региона между собой.

Отношения между Казахстаном и Узбекистаном часто выдавались как «борьба за лидерство в регионе»³. Взаимоотношения между ними последние четверть века складывались непросто, каждая из названных республик является лидером по тем или иным отдельным параметрам, лишь отчасти пересекающимся. Если Казахстан входит в первую десятку крупнейших по территории государств мира, занимая девятое место, то Узбекистан лидирует в регионе по численности населения – более 32,5 млн человек на начало 2018 г., в мире страна занимает 42 место. По уровню ВВП обе страны намного опережают своих соседей по региону (табл. 2).

² Информационный обзор исполнения стратегии действий. Центр «Стратегия развития». 2017. Стр. 77.

³Рахимов М. Взаимоотношения Узбекистана и Казахстана: основные тенденции. 2016 г. <https://caa-network.org/archives/6994>

Сложные территориальные отношения стран-лидеров региона сложились еще в период, когда они входили в состав единой страны. Проблемы отсутствия маркировки границ влекли за собой пограничные инциденты (из-за нарушения жителями приграничных районов правил пересечения границ). Сейчас идет процесс делимитации и демаркации границ с соседями — между Узбекистаном и Казахстаном, Узбекистаном и Туркменистаном.

Таблица 2

Население и территория стран Центральной Азии

Страна	Территория, (кв. км)	Место в мире по территории	Население (чел.)	Место в мире по населению
Казахстан	2724902	9	18 608 470	65
Кыргызстан	198500	86	6 399 945	111
Таджикистан	142100	93	9 166 841	94
Туркменистан	451200	53	5 617 512	116
Узбекистан	447400	56	33 720 500	42

Источник: по данным <https://ru.wikipedia.org> на 2019 г.

Долгие годы оставались нерешенные вопросы между Узбекистаном и его соседями Таджикистаном и Киргизией. Основные проблемы — вода и электроэнергия.

Водные ресурсы превратились в источник потенциальных социально-политических, этнонациональных и межгосударственных конфликтов. Это связано с расхождением политики стран, расположенных в верхней и нижней части течения трансграничных рек — Амударьи и Сырдарьи. Таджикистан и Кыргызстан контролируют почти 80% всех запасов поверхностных трансграничных вод в регионе. Желая использовать водные ресурсы в целях выработки энергии и строительства гидроэлектростанций, Таджикистан и Киргизия сильно ущемляли Узбекистан в водных ресурсах. В связи с этим продолжительные конфликтные отношения руководителей стран привели некогда родственные страны к закрытию границ и созданию визового режима.

С мая 2009 г. Узбекистан начал строить стену на границе с Киргизией для того, чтобы со стороны Киргизии не проникали на территорию Узбекистана не только вооруженные группы, но и контрабандные китайские товары.

Охлаждению отношений между Душанбе и Ташкентом способствовало принятое Таджикистаном в 2008 г. решение о строительстве Рогунской ГЭС, что сказалось на экономическом взаимодействии двух стран. Игнорирование диалога по этому вопросу двух стран привело не только к остановке с узбекской стороны поставок электричества и газа, но и к ограничению железнодорожного транзита таджикских грузов по территории Узбекистана.

Узбекистан на современном этапе определил отношения с соседними странами в качестве приоритетов своей внешней политики. В течение

2017–2019 гг. постепенно были решены многие сложные вопросы с Туркменистаном, Кыргызстаном, Казахстаном и Таджикистаном.

За небольшой отрезок времени центральноазиатским странам удалось решить неразрешимые ранее региональные споры и проблемы, в числе которых вопрос государственных границ, водопользования, транспортные и логистические вопросы, энергетика и другие.

Для стран региона открылась новая страница в отношениях, во главу которых поставлен всеобъемлющий учёт взаимных интересов, укрепление мира и безопасности, принцип открытости во внешней политике, дальнейшее развитие двухсторонних и многосторонних связей.

Страны Центральной Азии сильно зависят от торговли, поскольку одним из наиболее важных факторов экономического развития является успешная внешнеэкономическая деятельность. Из-за трудностей с доступом к мировым рынкам, в том числе отсутствия морских путей, торговля между странами региона может быть особенно важной. Однако тенденции развития торговли стран Центральной Азии (ЦА) в целом и внутрирегиональной торговли недостаточно освещены в литературе.

Для анализа взаимной торговли и внешнеторгового потенциала стран Центральной Азии мы решили использовать матричный анализ. Идеальным инструментом для количественного анализа внешнеторговой активности в любых регионах мира является база данных Центра международной торговли (ИТС, Trade statistics for international business development). Она позволяет изучать двухстороннюю торговлю (экспорт, импорт) практически между любыми странами мира по всем товарным группам, входящим в товарную номенклатуру внешнеэкономической деятельности (ТН ВЭД, в международно-принятой терминологии – HS codes).

В математической форме рассматриваемая матрица в общем виде имеет вид:

$$(V_{ij}) = \begin{vmatrix} 0 & V_{12\dots} & V_{1j\dots} & V_{1n} \\ V_{12} & 0 & V_{2j\dots} & V_{2n} \\ V_{i1} & V_{i2\dots} & 0 & V_{in} \\ V_{n1} & V_{n2\dots} & V_{nj\dots} & 0 \end{vmatrix} \quad (1)$$

где V_{ij} – внешнеторговый оборот между i и j -й страной (тыс. долл. США).

Эта матрица имеет нулевую диагональ, так как страны не могут торговать сами с собой. Теоретически, очевидно, что $V_{ij} = V_{ji}$ (значения парного внешнеторгового оборота симметричны относительно нулевой диагонали матрицы (1)), но практически имеет место достаточно большая невязка между этими значениями внешнеторгового оборота, так как в торговых отчетах двух торгующих стран часто по-разному учитывается их экспорт и импорт.

Для удобства дальнейшего анализа матрицу (1) целесообразно привести к относительному виду. Для этого вычисляется суммарный внешнеторговый оборот в системе n -стран для верхнего и нижнего треугольных фрагментов этой матрицы, и ее элементы (V_{ij}) переводятся в процентные величины от суммарного внешнеторгового оборота в системе n -стран:

$$\bar{V}_{ij} = \left\{ \frac{V_{ij}}{V} \right\} \times 100\% \quad (2)$$

где, например, $V = \sum_{i>j} V_{ij}$ суммарный внешнеторговый оборот в системе n -стран для нижнего треугольного фрагмента матрицы (1).

На основе матрицы относительных значений попарного внешнеторгового оборота в системе n -стран \bar{V}_{ij} строится ранжированный ряд попарных внешнеторговых взаимодействий, который ограничивается снизу приблизительно однопроцентным вкладом пары стран в суммарный внешнеторговый оборот в рассматриваемой системе стран. В общем случае для n -стран общее количество пар (N) равняется:

$$N = \frac{N(n-1)}{2} \quad (3)$$

На основе построенного ранжированного ряда попарных внешнеторговых взаимодействий выделяются трёх- или четырёхмерные ядра стран, на которые приходится максимальный объём взаимной торговли в рассматриваемой системе стран.

Предложенную методологию иллюстрируем на примере пяти стран Центральной Азии ($n=5$). Для этой системы стран нами построены матрицы абсолютных и относительных значений попарного внешнеторгового оборота на уровне 2008 и 2018 гг. (табл. 3, 4). На основе матриц относительных значений попарного внешнеторгового оборота на уровне 2008 и 2018 гг. построены ранжированные ряды попарных внешнеторговых взаимодействий в системе стран Центральной Азии (табл. 3). В нашем случае ($n=5$), согласно формуле (3), имеем $N=10$.

Таблица 3

Матрица попарного внешнеторгового оборота в системе стран Центральной Азии, 2008–2018 гг. (тыс. долл. США)⁴

А. Матрица попарного внешнеторгового оборота в системе стран ЦА, 2008 гг. (тыс. долл. США)

Страна	Казах-стан	Киргиз-стан	Таджики-стан	Туркме-нистан	Узбеки-стан	Объем импорта	%
Казахстан	0	607978	277156	437920	1788126	3111180	41,51
Киргизстан	560565	0	30467	6521	392184	989737	13,20
Таджикистан	277156	30467	0	60900	168600	537123	7,17
Туркменистан	437920	6521	60900	0	133300	638641	8,52
Узбекистан	1657300	266200	168600	133300	0	2225400	29,69
Объем экспорта	2932941	911166	537123	638641	2482210	7495560	100%
%	39,13	12,16	7,17	8,52	33,12	100,00%	

⁴ Статистические материалы [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <https://stat.uz/uz/>; <https://stat.gov.kz>; <https://stat.kg>; <https://stat.tj>; <https://stat.gov.tm>.

Б. Матрица попарного внешнеторгового оборота в системе стран ЦА, 2018 г. (тыс. долл. США)

Страна	Казахстан	Киргизстан	Таджикистан	Туркменистан	Узбекистан	Объем импорта	%
Казахстан	0	865258	845896	99542	2488087	4298783	39,38
Киргизстан	873002	0	59904	4772	336488	1274166	11,67
Таджикистан	836568	62809	0	47166	281532	1228075	11,25
Туркменистан	99542	4772	47166	0	273029	424509	3,89
Узбекистан	2757419	378107	281376	273029	0	3689931	33,80
Объем экспорта	4566531	1310946	1234342	424509	3379136	10915464	100%
%	41,84	12,01	11,31	3,89	30,96	100,00%	

Источник: составлено авторами на основе данных ИТС, Trade statistics for international business development (Available at: <https://www.trademap.org>).

В таблице 3 видно, что процентный объем экспорта Узбекистана и Казахстана в 2008 г. занимал лидирующие позиции среди всех стран Центральной Азии и равнялся 33,12% и 39,13% от торгового оборота ЦА, соответственно. В 2018 году ситуация в основном осталась прежней, если не учитывать снижение объема экспорта Узбекистана до 30,96% от торгового оборота ЦА, в то время как Казахстан увеличил до 41,84%.

Таблица 4

Матрица относительных значений (%) попарного внешнеторгового оборота в системе стран ЦА, 2008–2018 г.

Матрица относительных значений (%) попарного внешнеторгового оборота в системе стран ЦА, 2008 г.

Страна	Казахстан	Киргизстан	Таджикистан	Туркменистан	Узбекистан
Казахстан	0	8,11	3,70	5,84	23,86
Киргизстан	7,48	0	0,41	0,09	5,23
Таджикистан	3,70	0,41	0	0,81	2,25
Туркменистан	5,84	0,09	0,81	0	1,78
Узбекистан	22,11	3,55	2,25	1,78	0

Матрица относительных значений (%) попарного внешнеторгового оборота в системе стран ЦА, 2018 г.

Страна	Казахстан	Киргизстан	Таджикистан	Туркменистан	Узбекистан
Казахстан	0	7,93	7,75	0,91	22,79
Киргизстан	8,00	0	0,55	0,04	3,08
Таджикистан	7,66	0,58	0	0,43	2,58
Туркменистан	0,91	0,04	0,43	0	2,50
Узбекистан	25,26	3,46	2,58	2,50	0

В таблице 5 мы можем увидеть, что концентрация взаимной торговли между Узбекистаном и Казахстаном существенно не изменилась за период

между 2008 и 2018 годами. В то же время, анализ ранжированных рядов попарных внешнеторговых взаимодействий выявил некие структурные изменения. Так, к примеру, внешнеторговый оборот между Туркменистаном и Таджикистаном за 10 лет сократился вдвое, или же внешнеэкономические акценты Казахстана сместились с Туркменистана в сторону Таджикистана.

Таблица 5

Ранжированные ряды попарных внешнеторговых взаимодействий в системе стран ЦА, 2008–2018 гг.

Ранжированные ряды попарных внешнеторговых взаимодействий в системе стран ЦА, 2008 г.					
Верхний треугольник матрицы взаимной торговли для стран ЦА			Нижний треугольник матрицы взаимной торговли для стран ЦА		
NN	Пара стран	%	NN	Пара стран	%
1.	Узбекистан – Казахстан	22,11	1.	Казахстан – Узбекистан	23,86
2.	Казахстан – Кыргызстан	8,11	2.	Кыргызстан – Казахстан	7,48
3.	Казахстан – Туркменистан	5,84	3.	Туркменистан – Казахстан	5,84
4.	Казахстан – Таджикистан	3,70	4.	Кыргызстан – Узбекистан	5,23
5.	Узбекистан – Кыргызстан	3,55	5.	Таджикистан – Казахстан	3,70
6.	Узбекистан – Таджикистан	2,25	6.	Таджикистан – Узбекистан	2,25
7.	Узбекистан – Туркменистан	1,78	7.	Туркменистан – Узбекистан	1,78
8.	Туркменистан – Таджикистан	0,81	8.	Таджикистан – Туркменистан	0,81
9.	Кыргызстан – Таджикистан	0,41	9.	Таджикистан – Кыргызстан	0,41
10.	Кыргызстан – Туркменистан	0,09	10.	Туркменистан – Кыргызстан	0,09
Ранжированные ряды попарных внешнеторговых взаимодействий в системе стран ЦА, 2018 г.					
Верхний треугольник матрицы взаимной торговли для стран ЦА			Нижний треугольник матрицы взаимной торговли для стран ЦА		
NN	Пара стран	%	NN	Пара стран	%
1.	Узбекистан – Казахстан	25,26	1.	Казахстан – Узбекистан	22,79
2.	Казахстан – Кыргызстан	7,93	2.	Кыргызстан – Казахстан	8,00
3.	Казахстан – Таджикистан	7,75	3.	Таджикистан – Казахстан	7,66
4.	Узбекистан – Кыргызстан	3,46	4.	Кыргызстан – Узбекистан	3,08
5.	Узбекистан – Таджикистан	2,58	5.	Таджикистан – Узбекистан	2,58
6.	Узбекистан – Туркменистан	2,50	6.	Туркменистан – Узбекистан	2,50
7.	Казахстан – Туркменистан	0,91	7.	Туркменистан – Казахстан	0,91
8.	Кыргызстан – Таджикистан	0,55	8.	Таджикистан – Кыргызстан	0,58
9.	Туркменистан – Таджикистан	0,43	9.	Таджикистан – Туркменистан	0,43
10.	Кыргызстан – Туркменистан	0,04	10.	Туркменистан – Кыргызстан	0,04

Внешнеторговая деятельность является результатом межгосударственной, межрегиональной и внутрирегиональной кооперации, что приводит к повышению эффективности региональной экономики. Поэтому всегда актуально прогнозирование и определение эффективности интеграционного процесса как с научной, так и с практической точки зрения.

Для прогнозирования товарооборота между странами ЦА воспользуемся гравитационной моделью Я. Тинбергена⁵, которая выглядит следующим образом:

$$V_{ij} = A * \frac{Y_i^{\alpha_1} * Y_j^{\alpha_2}}{D^{\alpha_3}} * e, \quad (4)$$

где, V_{ij} – торговый поток;

$Y_i^{\alpha_1}$ – ВВП i-ой страны;

$Y_j^{\alpha_2}$ – ВВП j-ой страны;

D^{α_3} – расстояние между столицами стран;

e – нормальное распределение ошибки;

A – свободный член уравнения;

$\alpha_1, \alpha_2, \alpha_3$ – коэффициенты эластичности товарооборота от регрессоров.

Обычно данная модель представляется либо в степенной, либо в логарифмической форме. Следовательно, гравитационная модель принимает простейшую мультипликативную форму выражения следующего вида:

$$V_{ij} = \bar{\sigma}_0 * (Y_i)^{\alpha_1} * (Y_j)^{\alpha_2} (D_{ij})^{\alpha_3} + e \quad (5)$$

Главной идеей модели является наличие прямой пропорциональности ВВП экспортирующей страны как индикатор производственных возможностей и ВВП импортирующей страны как индикатор ёмкости рынка. В то же время, данная зависимость обратно пропорциональна расстоянию между двумя странами, объясняемая издержками на транспортировку товаров.

Информационно-эмпирическую базу исследования составляет статистический материал за 2008–2018 годы, опубликованный на официальном сайте Центра международной торговли (ИТС, Trade statistics for international business development), база данных Всемирного банка.

Нами построены модели товарооборотов между странами Центральной Азии. Для упрощения гравитационной модели в качестве показателя размера экономики использованы реальные объёмы ВВП (в долларах США), а в качестве расстояния между странами – расстояние между столицами, при этом учитывается не фактическая протяженность железнодорожных или автомобильных дорог, а некоторое абстрактное расстояние. При этом выдвигается гипотеза, что товарооборот положительно зависит от ВВП торгующих между собой стран,

⁵ Tinbergen. Shaping The World Economy// The International Executive. Volume 5. Issue 1. 1963.

т.е. коэффициент к ВВП, полученный в результате проведения регрессионного анализа, должен быть положительным и отрицательно зависит от расстояния между странами, влияющего на потенциальные транспортные издержки.

В результате расчетов получены уравнения гравитационной модели Я. Тинбергена, характеризующие динамику внешнеторгового оборота между странами ЦА за 2008–2018 годы.

Гравитационная модель товарооборота Казахстана со странами ЦА:

$$V_{ij} = 1108515884 * (Y_i)^{0,41} * (Y_j)^{0,112} * (D_{ij})^{-2,829} + e \quad R^2 = 0,693$$

Гравитационная модель товарооборота Киргизстана со странами ЦА:

$$V_{ij} = 8635790,41 * (Y_i)^{1,223} * (Y_j)^{-1,029} * (D_{ij})^{-2,305} + e \quad R^2 = 0,797$$

Гравитационная модель товарооборота Таджикистана со странами ЦА:

$$V_{ij} = 0,00174 * (Y_i)^{0,586} * (Y_j)^{-0,232} * (D_{ij})^{1,01} + e \quad R^2 = 0,65$$

Гравитационная модель товарооборота Туркменистана со странами ЦА:

$$V_{ij} = 49023221773 * (Y_i)^{1,127} * (Y_j)^{-0,745} * (D_{ij})^{-3,43} + e \quad R^2 = 0,857$$

Гравитационная модель товарооборота Узбекистана со странами ЦА:

$$V_{ij} = 34,6 * (Y_i)^{1,064} * (Y_j)^{-0,405} * (D_{ij})^{-0,679} + e \quad R^2 = 0,873$$

Стоит отметить, что модели имеют умеренную точность, так как коэффициенты детерминации варьируются от 0,693 до 0,873, что в свою очередь, свидетельствует о достаточно сильной регрессионной зависимости зависимой от переменных.

Для оценки параметров уравнений множественной регрессии применяются различные эконометрические методы. В частности, в данной работе были проведены проверки на присутствие мультиколлинеарности, на статистическую значимость коэффициентов, на присутствие автокорреляции остатков по статистике Дарбина-Уотсона и на явление гетероскедатичности.

В качестве примера проведем оценку параметров уравнения гравитационной модели товарооборота Республики Узбекистан со странами ЦА. Согласно регрессионному анализу уравнения, принятие нулевой гипотезы по константе U и переменной X_2 равняется более 25%, что выходит за рамки допустимости (допустимо до 5%). Следовательно, константа U и переменная X_2 в данном случае статистически не значимы.

Далее по статистике Дарбина-Уотсона выявим явление автокорреляции остатков. Значение статистики Дарбина-Уотсона в исследуемом уравнении равняется 1,77, что характеризует отсутствие автокорреляции. Следующим этапом оценки уравнения регрессии является выявление наличия гетероскедатичности, используя тест Вайта. Явление гетероскедатичности мы отвергаем, так как при 5% уровне значимости $F_{\text{факт.}} < F_{\text{табл.}}$ и P -вероятность принятия гипотезы о гетероскедатичности равна 0,13, что больше 0,05. Аналогичные оценки уравнений проведены со всеми уравнениями гравитационной модели.

Выявленные модели позволяют сопоставить фактические и прогнозные данные товарооборота стран ЦА, а также выявить теоретически, какие должны быть объемы торговли в 2020 году в системе стран Центральной Азии (рис. 1). Для прогноза объема товарооборота каждой страны на 2020 год мы воспользовались прогнозными данными темпов роста ВВП стран Центральной Азии Азиатского банка развития⁶ [3].

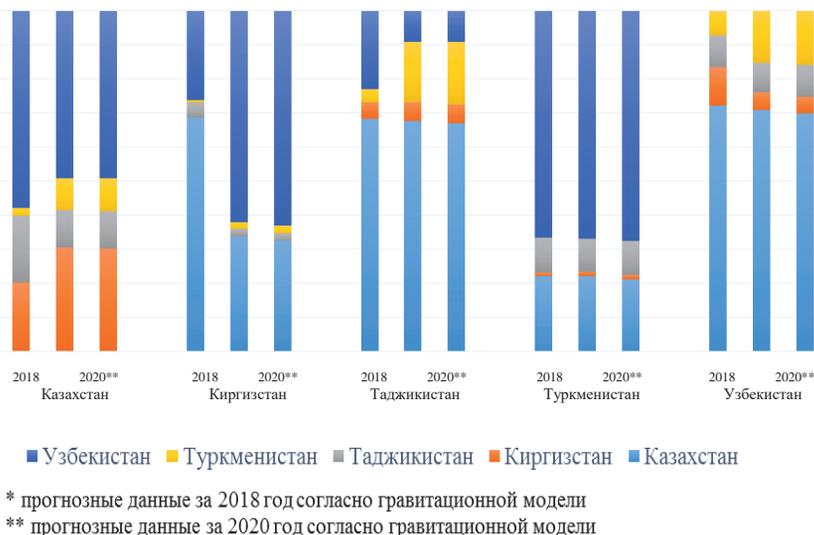


Рис. 1. Сопоставления фактических и прогнозных данных товарооборота в системе стран Центральной Азии

Как видно на рисунке, апробация гравитационной модели при прогнозировании товарооборота между странами ЦА за период 2008–2018 гг. показывает слабую близость прогнозного и фактического уровней, поэтому прогнозные данные на 2020 год являются сугубо теоретическими. Некоторые расхождения прогнозных значений с реальными объясняются отсутствием ряда других факторов (членство в ВТО, различные формы преференциальных торговых соглашений и др.), оказывающих влияние на модель.

Несмотря на некоторые отклонения, гравитационные модели позволяют получить новую информацию о взаимодействии стран Центральной Азии, прежде всего о том, что, несмотря на предполагаемую схожесть экономик, культур и языка, закономерности товарооборота отличаются друг от друга.

Проведенный анализ точности гравитационной модели позволяет сделать следующее заключение:

— в абсолютном смысле за весь изучаемый период 2008–2018 гг. наиболее точна гравитационная модель для экспорта и импорта

⁶ Статистические материалы [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <https://www.adb.org/countries/uzbekistan/economy>

Туркменистана и Узбекистана (медианный $R^2 \geq 0,857$ и $0,873$ соответственно) и для них точность составляет около $\pm 75\%$;

– в целом наименее точна модель для Таджикистана. Стоит отметить, что в ходе исследования произошел сдвиг от “гравитационного” к “антигравитационному” закону – объём товарооборота Таджикистана положительно зависел от удаленности стран-контрагентов.

– модели для Кыргызстана и Казахстана занимают промежуточное положение по точности (медианный $R^2 \geq 0,797$ и $0,693$ соответственно) или погрешность ГМ товарооборота данных стран изменяется по схеме рост – снижение – рост.

Данная ситуация указывает на то, что разброс значений логарифмов торговли с их контрагентами очень высок для каждой страны, и модели хорошо воспроизводят его в относительном смысле, т.е. изменение оценочных значений логарифма внешнеэкономической деятельности тоже довольно высока. Это свидетельствует о том, что построенные модели весьма ценны в познавательном смысле. Вместе с тем некоторую практическую полезность имеют, по-видимому, лишь модели для товарооборота стран с высокой степенью R^2 .

По смыслу гравитационной модели с ростом ВВП страны-контрагента потоки товарооборота должны возрастать, а с ростом удаленности страны-контрагента – снижаться⁷. Следовательно, в перспективе рост товарооборота между странами Центральной Азии возможен с учетом роста ВВП стран-контрагентов, что доказывается положительными показателями степени (эластичности) переменной Y_i .

Еще одна альтернатива заключается в формальной оценке модели по объединенным данным с дополнительными предположениями о постоянстве коэффициентов; такой подход позволил бы улучшить соотношение между числом наблюдений и числом параметров модели, но, принимая в расчет неоднородность гравитационных закономерностей для отдельных стран, полученные оценки коэффициентов было бы очень сложно интерпретировать. Полагаем, что, с учетом результатов использования гравитационной модели, в последующие годы у стран Центральной Азии есть значительный потенциал для увеличения взаимных товаропотоков и дальнейшей интеграции в мировую торговлю.

Литература

1. Указ Президента Республики Узбекистан «О Стратегии действий по дальнейшему развитию Республики Узбекистан» № УП-4947 от 7 февраля 2017 года.
2. Информационный обзор исполнения стратегии действий. Центр «Стратегия развития». 2017. Стр. 77.
3. *Рахимов М.* Взаимоотношения Узбекистана и Казахстана: основные тенденции. 2016г. <https://caa-network.org/archives/6994>

⁷ *Шайтанова Н.А.* Гравитационные модели и возможность их применения при прогнозировании внешней торговли Российской Федерации и Республики Беларусь / Н.А. Шайтанова, В.Я. Асанович // Информационные технологии управления в экономике. 2006; Мат. респ. науч.-практ. конф., г. Брест, 25–26 апреля 2006 г. / БрГУ им. А.С. Пушкина; под общ. ред. С.А. Тузика // Брест: Изд-во БрГУ, 2006. 96 с.

4. *Талипова Н.Т.* Экономическое сотрудничество Республики Корея и стран Центральной Азии. Журнал «Проблемы теории и практики управления». М.: 2013. № 7. Стр. 54–63.
5. *Шайтанова Н.А.* Гравитационные модели и возможность их применения при прогнозировании внешней торговли Российской Федерации и Республики Беларусь / Н.А. Шайтанова, В.Я. Асанович // Информационные технологии управления в экономике. 2006: мат. респ. науч.-практ. конф., г. Брест, 25–26 апреля 2006 г. / БрГУ им. А.С. Пушкина; под общ. ред. С.А. Тузика // Брест: Изд-во БрГУ, 2006. 96 с.
6. Статистические материалы [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <https://stat.uz/uz/>; <https://stat.gov.kz>; <https://stat.kg>; <https://stat.tj>; <https://stat.gov.tm>.
7. Статистические материалы [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <https://www.adb.org/countries/uzbekistan/economy>
8. Расчеты по статистическим показателям стран СНГ. www.cisstat.com
9. *Tinbergen.* Shaping the World Economy // The International Executive Volume 5. Issue 1. 1963.

N. Talipova (e-mail: nigoratal@gmail.com)

PhD, associate professor of the branch of REU named after Plekhanov (Tashkent)

Ja. Niyazaliev (e-mail: jasur.niyazaliev@gmail.com)

postgraduate student at Tashkent State University of Oriental Studies

THE MODELING OF TRANSBORDER ECONOMIC PROCESSES IN CENTRAL ASIA

Using a matrix analysis, the prerequisites and trends of the external economic activity of Central Asian countries, the volumes of their exports and imports are examined. The ranked series of pairwise foreign trade interactions in the system of Central Asian countries made it possible to forecast the development of external economic activity of the countries of the region using the gravitational model of international trade.

Keywords: import, export, foreign trade turnover, matrix analysis, mutual trade, gravity model.

DOI: 10.31857/S020736760010588-5

© 2020

Владимир Третьяк

доктор экономических наук, профессор,
профессор Российского университета транспорта (МИИТ), Москва
(e-mail: v_tretyak@inbox.ru)

БЕЗУСЛОВНЫЙ ОСНОВНОЙ ДОХОД КАК ЗАРОДЫШЕВАЯ ФОРМА ОЦЕНКИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СВОБОДНОЕ ВРЕМЯ

Экспериментальное проведение выплат в качестве безусловного основного дохода (БОД) свидетельствует о том, что перезревшая товарная организация производства рождает формы оценки творческой деятельности людей посредством не только рабочего, но и свободного времени в процессе хозяйствования. В данной статье предпринимается попытка обосновать тезис о том, что в выплатах безусловного основного дохода (БОД) содержится зародыш или «слабый сигнал»¹ одного из инструментов, позволяющих оценивать используемый творческий труд с помощью свободного времени общества.

Ключевые слова: товарное производство, слабые сигналы, свободное время, рабочее время, безусловный основной доход (БОД), Форсайт .

DOI: 10.31857/S020736760010590-8

В советское время небольшая, но достаточно активная часть обществоведов высказывала мнение, что в обществе будущего будет господствовать творческий труд и главным богатством будет не рабочее, а свободное время. Особенно обострилась дискуссия в период обнародования к тому времени неопубликованных рукописей К. Маркса 1857–1859 годов: «Труд перестал охватывать процесс производства в качестве господствующего над ним единого начала². На смену живому труду приходит овеществлённый труд, осуществляемый системами машин, которые организованы как абстрактная, неживая рабочая сила с помощью науки (или знаний)»³. «Сбережение рабочего времени равносильно увеличению свободного времени, т.е. времени для того полного развития индивида, которое само, в свою очередь, как величайшая производительная сила обратно воздействует на производительную силу труда»⁴.

Экономисты и философы исследовали процессы превращения науки в непосредственную производительную силу, социологи пытались использовать методологию исследования редукции конкретного труда.

В период перестройки, когда шел процесс формирования развитых рынков, интерес к этой проблеме значительно снизился. В настоящее время вновь обратились к анализу этой проблемы. Особенностью

¹ Под слабым сигналом в Форсайт технологии понимается то зародышевое явление, которое имеет место в современных условиях, но которое в перспективе займет доминирующее положение в будущем.

² Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений / Т. 46. Ч. 2. // М.: Политиздат, 1969. С. 204–206.

³ В конце концов наступит такой этап в развитии общества, писал Маркс, когда «мерой богатства будет... отнюдь уже не рабочее время, а свободное время» (Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений / Т. 46. Ч. 2 // М.: Политиздат, 1969. С. 217).

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений / Т. 46. Ч. 2 // М.: Политиздат, 1969. С. 221

современного этапа трансформации рынка труда является появление множества форм, содержащих элементы оценки затрат творческого труда *свободным временем*. В постиндустриальную эпоху имеется немного форм оценки использования свободного времени в качестве оценочного измерителя. Но кое-что можно рассматривать в качестве прообраза или слабого сигнала. Например, конкурсы для творческих людей, гранты, премии за интеллектуальные результаты, награждения за творческую деятельность, деятельность волонтеров или добровольчество, деятельность блогеров, предложение о выплате безусловного основного дохода.

Свободное время также как и рабочее время в товарной организации производства бывает физическим или неисторическим явлением. Свободное время как неисторическое явление может характеризоваться как нерабочее время, или отличное от рабочего времени. «Свободное время (или досуг — англ. leisure) — это часть бюджета времени — суточного, недельного, годового, которая относится к нерабочему времени, но органично связана с рабочим временем. ... Это значит, что экономия рабочего времени приводит к потенциальному увеличению бюджета свободного времени, но не гарантирует его обязательного превращения в последнее. Оно может перейти в прибавочное рабочее время, не выходя за пределы производственной деятельности. Понятие свободного времени в современном обществе включает в себя элементы умственной, социальной, физической активности, развлечения и отдыха»⁵.

Говоря о свободном времени в неисторическом плане, следует различать три основных его типа⁶:

- 1) рекреационный (отдых и восстановление сил после работы);
- 2) рационально-потребительский (с материальной и духовной точки зрения);
- 3) деятельный (совмещение времяпрепровождения с каким-либо видом деятельности).

Если анализ в «Капитале» проводился *по восходящей*, начиная с противоречия товара и двигаясь в направлении развертывания основного противоречия способа производства до исторической тенденции капиталистического накопления, то исторически конкретный анализ природы свободного времени следует проводить в двух ракурсах:

— с позиции умирающего господства рабочего времени (абстрактного труда) и зарождающегося нового абстрактного измерителя в виде свободного времени в рамках увядающей товарной организации производства ;

— с позиции собственно постиндустриальной или информационной организации производства, лишенной наслоений товарной организации производства. В этом плане в силу неразвитости объекта можно утверждать лишь то, что в свободное время общества будет функционировать «абстрактная, неживая рабочая сила, организованная с помощью науки

⁵ Свободное время как экономический ресурс. // https://ozlib.com/807802/zhurnalistika/svobodnoe_vremya_ekonomicheskii_resurs

⁶ Свободное время // https://science.wikia.org/ru/wiki/%D0%A1%D0%B2%D0%BE%D0%B1%D0%BE%D0%B4%D0%BD%D0%BE%D0%B5_%D0%B2%D1%80%D0%B5%D0%BC%D1%8F?acton=edit§ion=8#cite_note-glossary.ru-0

(или знаний)», и что эта «величайшая производительная сила обратно воздействует на производительную силу труда»⁷. Это самая общая характеристика исторически конкретного анализа природы свободного времени при условии, что в общественном хозяйствовании нет переходных моментов товарной организации производства. В этой трактовке именно свободное время является истинной формой богатства общества будущего, вырастающего из информационной или постиндустриальной организации общественного производства, пространством для свободной творческой деятельности человека.

Исторически конкретная характеристика свободного времени (первый ракурс), при условии наличия моментов умирающего господства товарной организации производства, не может не ощущать на себе родимых пятен последнего. Отсюда появляются предположения о наличии рынка свободного времени⁸ в информационной организации производства, о досуге⁹, как форме использования свободного времени, о капитализации свободного времени¹⁰. На наших глазах идет процесс смены форм учета человеческих затрат через рабочее время на использование свободного времени в качестве оценочного измерителя.

И. Белл, и К. Маркс обращают внимание на то, что мерилom в современной экономике все более становится не столько рабочее время, сколько свободное время индивида и общества. В постиндустриальном обществе наблюдается переход от принуждения и учета *рабочего времени* к креативной свободе, основанной на использовании *свободного времени* индивида и общества.

Современная экономика периода осуществления промышленной революции 4.0. характеризуется некоторыми постиндустриальными чертами, которые проявляются и в том, что идет смена технологических укладов в сторону в виде выдавливания индустриальной технологической базы. О постиндустриальных преобразованиях стали писать в середине XX века. Уже в 1970-х гг. выходят работы Дж. Гелбрейта¹¹, Д. Белла¹², Э. Тоффлера¹³ и других авторов, в которых дается анализ

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений / Т. 46. Ч. 2 // М.: Политиздат, 1969. С. 221.

⁸ Рынок свободного времени – это часть экономического рынка, рассматривающая свободное время человека как ресурс. Балацкий Е. Свободное время как фактор экономического равновесия // Вестник Российской академии наук. 1999. № 11 С. 11

⁹ Досуг часть нерабочего времени, которая остается у человека после исполнения непреложных непроеизводственных обязанностей. Часто в качестве синонима свободного времени используются «дефиниции «досуг», «рекреационно-досуговая деятельность» и т. п., что призвано подчеркнуть основополагающие функции – восстановление физического и эмоционального здоровья людей, а также просвещение» (Kutuzovskaya A.S. Models of Leisure in Russia and Abroad // Social'naya politika i sociologiya. 2016-06-24. Т. 15. Вып. 3. С.175–183. ISSN 2071-3665. DOI:10.17922/2071-3665-2016-15-3-175-183.)

¹⁰ Когда человек при наличии рынка труда в свободное время устраивается на другую работу.

¹¹ Гелбрейт, Дж. К. Экономические теории и цели общества / Economics and the Public Purpose (1973) // М.: Прогресс. 1976. 408 с.

¹² Bell D. The coming of post-industrial society: A venture of social forecasting // N.Y.: Basic Books, 1973. 616 с.

¹³ Тоффлер Э. Третья волна // М.: АСТ, 2010. 784 с. (Toffler. Alvin The Third Wave. 1980.)

изменений¹⁴, происходящих в экономике и социальной сфере под влиянием научно-технического прогресса.

В ходе первой промышленной революции при помощи *пара* было механизировано производство. Главным драйвером второй промышленной революции было *электричество*, которое помогло создать *массовое производство*. В центре третьей революции находилась электроника и информационные технологии, автоматизировавшие производство. Здесь начинается *индивидуализированное массовое производство*, ориентированное на изменчивые запросы потребителей. Четвертая промышленная революция (4.0.), которую еще называют «цифровой», «информационной», «экономикой знаний», началась в середине прошлого века¹⁵. Она характеризовалась слиянием технологий и стиранием граней между физическими, цифровыми и биологическими сферами. Одно из последствий революции 4.0. – изживание и кустарных, и индустриальных технологических укладов.

Предложение о выплате безусловного основного дохода, как нам представляется, является одним из инструментов, позволяющих оценивать используемый творческий труд с помощью свободного времени общества.

Ранее, вслед за Н. Хессиным, нам приходилось отмечать¹⁶, что основополагающие моменты сути товарного производства, некогда весьма прогрессивного для своего времени механизма развития экономического бытия человеческого общества, начинают давать сбои, в силу «подрыва» изнутри своих основ¹⁷, рынок рабочей силы не является исключением, он также проявляет моменты «подрыва». Когда рабочая сила становится товаром, товарное производство выходит на наивысшую

¹⁴ Побудительным мотивом такого поиска стало желание показать иной, немарксистский путь преобразования мировой экономики.

¹⁵ Концепцию четвертой промышленной революции сформулировал в 2011 году Клаус Шваб – президент Всемирного экономического форума в Давосе. Клаус Шваб в четвертой промышленной революции увидел глобальные изменения человечества, в этой революции больше изменятся не продукты, а сами люди и соответственно весь мир. «The defeat of Davos: Are the global 'elite' in retreat?», BBC News, 16.01.2017 // <https://vys-tech.ru/2018/04/11/industriya-4-0/>

¹⁶ См. Третьяк В.П., Сагина О.А. Подрыв товарного производства и Форсайт отечественной экономики // Форсайт «Россия»: будущее технологий, экономики и человека. Том 2 / Сборник докладов V Санкт-Петербургского международного экономического конгресса (СПЭК-2019) // СПб: ИНИР, 2019. Стр. 407–417.

¹⁷ В среде исследователей сути товарного производства и отечественных, и зарубежных нет единства взглядов. Одни исходят из того, что рынок явление *общеэкономическое, неизменное, вечное*, а изменяются лишь его антуражные составляющие. Они вслед за А. Смитом, который рассматривал зарождение капиталистических отношений на *мануфактурной* стадии, настойчиво повторяют, что товарное производство явление вечно существующее, а «невидимая рука рынка» вечно будет господствовать в экономике.

Другим отчетливо видится идея эволюции, развития внутреннего содержания этого явления. Согласно мнения последних, рыночные отношения есть сторона товарной организации хозяйства, всего лишь определенный ракурс рассмотрения товарного производства. Поэтому для этой группы исследователей не вызывает сомнений положение о том, что товарное хозяйство носит *преходящий* характер, что оно эволюционирует, что оно трансформируется. Исследователи этого направления исходят из того, что товарное производство как явление вначале *зарождается*, достигает *апогея* своего развития, но при известных обстоятельствах обязательно начинает уступать место более развитой (посттоварной) форме организации производства (подобно тому, как натуральное хозяйство постепенно вытеснялось и вытесняется по сей день товарным производством или, как отмечал Даниель Белл, аграрное производство вытесняется индустриальным).

стадию своего развития. Именно в этот момент зарождается капитал и формируется рынок рабочей силы.

Рабочая сила расходуется во времени. Измеритель ее — использованное *рабочее время*. При полной ясности и конкретности измерителя следует обратить внимание на то, что рабочее время бывает физическим, *неисторическим явлением*, а может быть связанным с определенной формой организации производства, т.е. исторически конкретным феноменом. Физическим временем измеряются затраты конкретного труда. Например, физическим временем может измеряться продолжительность рабочего дня¹⁸. В цене же товара «сидит» *исторически конкретное рабочее время* в виде стоимости или времени осуществления общественно необходимых затрат труда. По мере развития капитала расширяется и интернационализируется рынок труда, набирает влияние исторически конкретное *рабочее время*.

Свободное и рабочее время исследуются в разных ракурсах. В рамках товарного производства они исследуются по-разному. В товарной экономике *рабочее время* оценивается через стоимость продукта, в основе которой лежит абстрактный труд. Эволюция товарного производства сопровождается развитием содержания абстрактного труда с учетом смены технологических укладов. Сформировавшееся постиндустриальное или информационное общество¹⁹ все отчетливее подчеркивает ускоряющийся переход от измерения исторически конкретной формы рабочего времени в виде стоимости или времени осуществления общественно необходимых затрат к оценке деятельности свободных, творческих людей с помощью *свободного времени* общества.

Результаты опроса экспертов по вопросу о том, можно ли свободным временем оценивать затраты творческого труда, таковы: 73% респондентов ответили скорее «да», чем «нет». При этом ответ «определенно да» более осознанно дали респонденты, знакомые с информационными технологиями.

В последнее время сильно оживились дискуссии по поводу идеи Томаса Мора²⁰ о всеобщем минимальном доходе²¹. Эта идея стала особенно актуальной в связи с проведением в странах Евросоюза ряда экспериментов по ее практической реализации²². Наиболее на шумевшими стали итоги

¹⁸ При производстве абсолютной прибавочной стоимости рабочий день стремится к суткам. При использовании механизма производства относительной прибавочной стоимости рабочий день сокращается и стабилизируется законодательно.

¹⁹ «В переходный период к постиндустриальному обществу или к «экономике знаний» это противоречие снимается: происходит процесс диффузии свободного и рабочего времени» (См. Рабочее и свободное время как категории экономической теории // <http://moyuniver.net/rabochee-i-svobodnoe-vremya-kak-kategorii-ekonomicheskoi-teorii/>

²⁰ Идея безусловного дохода была детализирована также в работах Томаса Пейна и маркиза де Кандорсе (См. *Sighing for paradise to come*. The Economist (4 June 2016). Дата обращения 16 января 2018.).

²¹ Всеобщий минимальный доход в России часто называют безусловным основным доходом (БОД). Порой говорят, что это гарантированный основной доход, универсальный основной доход, дивиденды свободы, доход гражданина, ресурсный доход и другие вариации реализации идеи, предполагающей регулярную выплату определённой суммы денег каждому члену определённого сообщества со стороны государства. Выплаты производятся всем членам сообщества, вне зависимости от уровня их дохода и без обязанности выполнения трудовой повинности.

²² Швейцария стала первой страной в мире, которая провела референдум по вопросу о введении гарантированного дохода. (швейцарцы отвергли идею выплаты гарантированного дохода // https://www.bbc.com/russian/international/2016/06/160605_switzerland_basic_income_referendum_rejected. дата обращения 5 июня 2016)

голосования по введению безусловного дохода, которое прошло 5 июня 2016 года в Швейцарии. Подсчёт голосов показал, что против общественной инициативы о гарантированном доходе высказалось большинство из 26 кантонов и полукантонов Швейцарии. Инициаторы предполагали, что на полученные деньги швейцарцы смогут заниматься тем, чем им действительно хочется. Один из организаторов Че Вагнер утверждает, что введение гарантированного дохода стало бы справедливым решением стоящих перед обществом проблем²³.

Первый общеевропейский опрос в апреле 2016 года показал, что 64% жителей Евросоюза поддержали бы введение безусловного основного дохода. 35% осведомлены о БОД, 23% говорят, что полностью понимают суть и задачи этой программы, четверть слышали о ней, 17% ничего не знают о БОД. Только 4% граждан после введения БОД откажутся работать. Наиболее убедительными преимуществами БОД люди считают то, что такие социальные выплаты «уменьшают тревогу о базовых финансовых потребностях» (40%) и помогают обеспечить людям равные возможности (31%)²⁴.

Известны попытки на практике испытать возможности безусловного основного дохода (БОД). «В США на Аляске житель этой северной территории получает по 1 тыс. долларов в месяц только от того, что в штате добывается золото! На Аляске создан специальный нефтяной фонд, на счету которого 30 млрд долларов. Из этого фонда ежегодно населению штата выдаются дивиденды.

В Арабских эмиратах новорожденному детство обеспечено суммой в 150 тыс. долларов отчислений от продажи нефти.

В Кувейте каждому новорожденному государство открывает банковский счет в размере 3 тыс. долларов, представляет гражданам беспроцентный кредит на сумму 220 тыс. долларов для строительства жилья. Кроме того, правительство выдает ежемесячное пособие в размере 170 долларов каждому несовершеннолетнему, и 300 долларов выплачивается каждой домохозяйке. Образование в этой стране бесплатное!

В Саудовской Аравии правительство перечисляет 10 тыс. долларов на счет каждого новорожденного, безвозмездно выдает 80 тыс. долларов на приобретение жилья, 13 тыс. долларов – каждому выпускнику вуза. Медицина и образование в этой стране являются бесплатными за счет нефтяных доходов!

В Норвегии на счет каждого гражданина с самого его рождения поступают немалые суммы от продажи нефти. В стране давно законодательно введено бесплатное образование, практически бесплатная медицина, высочайший уровень социального обеспечения с доплатами, премиями, поощрениями по любому случаю. Профицит бюджета, учитывая средства нефтяного фонда, держится на уровне 10% ВВП»²⁵.

²³ Там же.

²⁴ Nico Jaspers. What do Europeans think about basic income? BIEN (April 2016). Дата обращения 16 января 2018., и Chohan, Usman W. Universal Basic Income: A Review // Social Science Research Network (SSRN). 2017. 4 August. DOI:10.2139/ssrn.3013634

²⁵ Социальные гарантии и выплаты в самых богатых природных ресурсами странах // <https://ok.ru/group52897891221742/topic/65376165137390>

Кроме такой практики использования элементов безусловного основного дохода (БОД), имеет место ряд сравнительно недавних экспериментов по его внедрению. Так, немецкий предприниматель Михаэль Бохмэйер (Michael Bohmeyer) в 2014 году провел экспериментальную программу «Мой базовый доход» (Mein Grundeinkommen), в рамках которой нескольким десяткам случайно выбранных людей в течение года ежемесячно выплачивалась сумма в 1000 евро. Проект финансировался с помощью краудфандинга. По словам организатора, эксперимент был призван убедить политиков в том, что *расходы государства окупятся оздоровлением общества*, так как получатели выплат чувствуют себя более свободными и защищёнными и могут значительно увеличить свою креативность»²⁶.

Филиппо Ногарин — мэр Ливорно, Италия, («Движение пяти звёзд») в 2016 году объявил о запуске программы базового дохода в размере 537 долларов. Первоначально для неё были отобраны 100 бедных семей, с 2017 года их число увеличилось до 200. С 1 марта 2019 года система «гражданских выплат» открыта для всех граждан Италии²⁷.

В 2017 году ряд муниципалитетов Нидерландов получил разрешение правительства на проведение экспериментальной программы безусловного дохода²⁸.

Об опыте системы социальных выплат в Саудовской Аравии²⁹, где используются элементы безусловного основного дохода (БОД), ходят легенды.

В Финляндии «уже давно обсуждали — еще в 1980-е годы — концепцию базового дохода. В 1980-е годы дискуссии стали более интенсивными»³⁰. С января 2017 по декабрь 2018 годов проведен двухлетний эксперимент по выплате основного дохода. Организатор — Kela, отвечает за оценку эксперимента³¹. Финский эксперимент с основным доходом — это уникальный проект, и полученные данные могут быть использованы при реформировании существующих систем социального обеспечения. Несмотря на свои недостатки финский эксперимент является исключительным с международной точки зрения. Основная цель эксперимента в Финляндии — изучить влияние основного дохода на занятость и доход граждан.

²⁶ См. Елистратов Вадим. 26 немцам в течение года платили по тысяче евро в месяц, чтобы проверить, будут ли они при этом работать. TJournal (Дата обращения 28 декабря 2015). Киршбаум Эрик. If you were handed \$1,100 a month, would you amount to anything? Los Angeles Times (Дата обращения 27 декабря 2015). Mein Grundeinkommen. Сайт проекта «Mein Grundeinkommen». Архивировано. Дата обращения 15 февраля 2017 года.

²⁷ Шевченко Лев. В итальянском Ливорно введут безусловный базовый доход для 200 беднейших семей. Reed (7 декабря 2016). Дата обращения 30 апреля 2017. (ссылка недоступна)

²⁸ Dutch Government authorizes social assistance experiments in five municipalities, *BIEN* (11 July 2017). Дата обращения 8 августа 2017.

²⁹ Щетько Н., Шаманская А. Саудовская Аравия: десять вещей, которые вы не знали об одном из самых могущественных королевств мира // <https://www.currenttime.tv/a/saudi-arabia-top-10-things/28571217.html> Дата обращения 28 июня 2017 года

³⁰ Миска Симанайнен. Стенограмма международная научно-практическая конференция «Базовый доход: пролог к социальной политике XXI века?» 14.11. 2918 // М., ВШЭ. С. 32.

³¹ Финляндия: эксперимент 2017–2018 гг. по выплате основного дохода (Basic Income). Основной доход России ЗАВТРА. (Дата обращения 4 февраля 2020). Basic income experiment. Kela. // http://julkaisut.valtioneuvosto.fi/bitstream/handle/10024/161361/Report_The%20Basic%20Income%20Experiment%2020172018%20in%20Finland.pdf

В феврале 2019 года опубликован первый предварительный отчет по эксперименту³². Отчеты о результатах различных исследований будут представлены поэтапно в ходе исследовательского проекта в 2019–2020 годах. Полный отчет будет опубликован в 2020 году.

По мере продвижения идеи сформировались различные представления о назначении и целях базового дохода (БОД).

Первая точка зрения. Базовый доход — это способ согласования задачи *преодоления бедности* и обеспечения *полной занятости*.

Вторая точка зрения. Базовый доход — это способ обеспечения доступности *социальной защиты*, повышения ее экономичности, в том числе с позиции администрирования.

Третья точка зрения. Базовый доход — это *способ увеличения свободы членов общества*, предоставляющий возможность одним работать меньше и *посвящать себя творческой деятельности*, другим заниматься предпринимательством в том случае, если они хотят.

Четвертая точка зрения. Базовый доход — это способ воздействия на социальное и физиологическое *благополучие населения* через достойное питание, *свободное время* и так далее»³³.

Проанализируем целеполагание концепций, базирующихся на использовании элементов безусловного основного дохода (БОД) или, как формулирует Г. Юдин, безусловного базового дохода (ББД). «Возникает вопрос, насколько эта подачка на самом деле будет эффективной. На каких основаниях люди будут получать такой доход, что это вообще такое по своему смыслу? Это помощь бедным? Или это благотворительность? Именно таким образом еще в XVI веке видел это Людовикус Вивес, первым высказавший идею базового дохода. Или это то, на что *каждый имеет право как гражданин*, как думал Томас Пейн? Или это какая-то возможность для *раскрытия индивидуальных возможностей*? Или это мера смягчения рынка труда для прекариата, как Гай Стэндинг нам говорит?»³⁴.

Представляется, что у этого инструмента (БОД) нет потенциала *преодоления бедности*. С помощью него бедность не изжить по многим причинам, в том числе и потому, что бедность — явление историческое, присущее товарной организации производства. И потому, что бедность — явление относительное. В рамках товарной организации производства бедность непреодолима. Ее можно лишь кое-как и кое-где сгладить.

Также безусловный основной доход (БОД) не гарантирует обеспечения *полной занятости*, пока не рухнет рынок труда. А последний предполагает наличие резервной армии труда.

В явлении безусловного основного дохода (БОД) нет также потенциала, способного обеспечить доступность *социальной защиты*. При применении

³² The basic income experiment 2017-2018 in Finland: Preliminary results. Reports and Memorandums of the Ministry of Social Affairs and Health 2019:9. Scott Santens. What is There to Learn From Finland's Basic Income Experiment? Did It Succeed or Fail? // Medium. 2019-02-14.

³³ Трубин В. Стенограмма международная научно-практическая конференция «Базовый доход: пролог к социальной политике XXI века?» 14 11 2018. // М., ВШЭ. С. 53.

³⁴ Юдин Г. Стенограмма международная научно-практическая конференция «Базовый доход: пролог к социальной политике XXI века?» 14 11 2018. // М., ВШЭ. С. 17.

такого инструмента имеет место видимость повышения социальной защиты граждан, поскольку люди получают средства, и в каждом конкретном случае им оказывается социальная поддержка. Однако собственно формой социальной защиты БОД можно считать только в обществе, базирующемся на товарной организации производства, при условии использования наемного труда, черпаемого с рынка труда. Осуществляемая в этих условиях деятельность измеряется рабочим временем работников.

При наличии высокой степени дифференциации доходов и имущества никакого *благополучия населения* с помощью безусловного основного дохода (БОД) достичь невозможно. Можно только снизить социальную напряженность, но не разрешить основное противоречие капиталистического товарного производства.

Отвечая на вопрос Г. Юдина: «Собственно БОД, что это вообще такое по своему смыслу?», следует сказать: это не помощь бедным и, тем более, не благотворительность. Это не мера смягчения рынка труда. Нам представляется, что эта зародышевая форма (безусловный основной доход) может рассматриваться как *способ увеличения свободы членов общества* путем предоставления им возможности *посвящать себя творческой деятельности*, которая оценивается не *рабочим, а свободным временем* общества, затрачиваемом для творческих усилий.

Результаты опроса экспертов по вопросу о том, можно ли безусловный основной доход (БОД) рассматривать как форму оценки затрат творческого труда, 84 % респондентов ответили скорее «да», чем «нет». При этом ответ «да» чаще звучал от респондентов из сектора, в котором широко используются информационные технологии.

Представляется, что *подрыв* товарного производства и формирование постиндустриальной или информационной экономики (или экономики знаний) позволяет констатировать конец индустриальной эпохи. Это означает, что наметится переход к оценкам *свободного времени* креативного труда работников *без расчета на вознаграждения*. На фазе информационной экономики происходит процесс *раздвоения рынка труда* и трансформации реальной стоимости наемной рабочей силы³⁵. Положено начало возникновения форм, в которых мерой креативного труда работника является свободное время.

Литература

1. Балацкий Е. Свободное время как фактор экономического равновесия // Вестник Российской академии наук. 1999. № 11. Т. 69. С. 11.
2. Bell D. The coming of post-industrial society: A venture of social forecasting // N.Y.: Basic Books, 1973.
3. Dutch Government authorizes social assistance experiments in five municipalities, BIEN (11 July 2017). Дата обращения 8 августа 2017.

³⁵ Третьяк В.П. Третья волна Тоффлера и подрывы товарного производства // Материалы международной конференции "Механизмы устойчивого развития экономики" Академия труда и социальных отношений, 2018. С. 436.

4. *Гэлбрейт Дж. К.* Экономические теории и цели общества // *Economics and the Public Purpose* (1973) // М.: Прогресс, 1976. 408 с.
5. *Киришбаум Эрик.* If you were handed \$1,100 a month, would you amount to anything? Los Angeles Times (Дата обращения 27 декабря 2015). Mein Grundeinkommen. Сайт проекта «Mein Grundeinkommen». Архивировано Дата обращения 15 февраля 2017 года.
6. *Kutuzovskaya A.S.* Models of Leisure in Russia and Abroad // *Social'naya politika i sociologiya*. 2016-06-24. Т. 15. Вып. 3. С. 175-183. ISSN 2071-3665. DOI:10.17922/2071-3665-2016-15-3-175-183.
7. *Маркс К., Энгельс Ф.* Собрание сочинений. [Т. 46. Ч. 2. // М.: Политиздат, 1969.
8. *Nico Jaspers.* What do Europeans think about basic income? BIEN (April 2016). Дата обращения 16 января 2018., и *Chohan, Usman W.* Universal Basic Income: A Review // Social Science Research Network (SSRN). 2017. 4 August. DOI:10.2139/ssrn.3013634.
9. Рабочее и свободное время как категории экономической теории // <http://moyniver.net/rabochee-i-svobodnoe-vremya-kak-kategorii-ekonomicheskoy-teorii/>
10. *Scott Santens.* What is There to Learn From Finland's Basic Income Experiment? Did It Succeed or Fail? // Medium. 2019-02-14.
11. Стенограмма международная научно-практическая конференция «Базовый доход: пролог к социальной политике XXI века?» 14.11.2018. // М., ВШЭ.
12. Sighing for paradise to come. *The Economist* (4 June 2016). Дата обращения 16 января 2018.)
13. Социальные гарантии и выплаты в самых богатых природными ресурсами странах // <https://ok.ru/group52897891221742/topic/65376165137390>
14. *Тоффлер Э.* Третья волна // М.: АСТ, 2010. 784 с. (Toffler Alvin *The Third Wave*. 1980.)
15. *Третьяк В.П.* Третья волна Тоффлера и подрывы товарного производства // Материалы международной конференции "Механизмы устойчивого развития экономики", Академия труда и социальных отношений. 2018. С. 436.
16. «The defeat of Davos: Are the global 'elite' in retreat?», BBC News, 16.01.2017 // <https://vys-tech.ru/2018/04/11/industriya-4-0/>
17. Финляндия: эксперимент 2017–2018 гг. по выплате основного дохода (Basic Income). Основной доход Россия ЗАВТРА. (Дата обращения 4 февраля 2020). Basic income experiment. Kela.//http://julkaisut.valtioneuvosto.fi/bitstream/handle/10024/161361/Report_The%20Basic%20Income%20Experiment%2020172018%20in%20Finland.pdf

V. Tretyak (e-mail: v_tretyak@inbox.ru)

Grand Ph.D. in Economics,

Full Professor, Head of the Economics and Transport Management Department,
Russian Transport University, Institute of Economics & Finance, Moscow

BASIC INCOME AS A GERM FORM OF THE ASSESSMENT OF FREE-TIME ACTIVITIES

Experimental implementation of government allowances as an unconditional basic income (UBI) indicates that in the process of economic activity, the vanishing form of organization of society for the sake of commodity production gives rise to the forms of people's creative activities' assessment through not only working hours, but also free time.

The article attempts to substantiate the thesis that paying unconditional basic income (UBI) contains the germ or a "weak signal" highlighting one of the tools that allow evaluating creative work done through the use of leisure.

Keywords: commodity production, weak signals, free time, working time, unconditional basic income (UBI), foresight.

DOI: 10.31857/S020736760010590-8

© 2020

Алишер Расулев

доктор экономических наук, профессор Ташкентского государственного экономического университет (г. Ташкент)
(e-mail: arasulev@yandex.ru)

Сергей Воронин

доктор экономических наук, главный специалист Института бюджетно-налоговых исследований при Министерстве финансов Республики Узбекистан (г. Ташкент)
(e-mail: s.voronin63@umail.uz)

Зиёдулла Мухитдинов

соискатель Академии государственного управления при Президенте Республики Узбекистан (г. Ташкент)
(e-mail: zmuhitdinov@gmail.com)

РЕФОРМА НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ УЗБЕКИСТАН: ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ ПОДХОДЫ И ИХ СООТВЕТСТВИЕ ПОЛОЖЕНИЯМ ВЕДУЩИХ НАУЧНЫХ ШКОЛ

В статье рассматриваются методологические подходы налогообложения, использованные в процессе реформы налоговой системы Республики Узбекистан. Проведена их оценка с точки зрения соответствия критериям ведущих научных школ. Разработаны предложения по улучшению классификации налогов и обязательных платежей, а также отдельных действующих в республике налоговых инструментов.

Ключевые слова: ведущие научные школы, концепции налогообложения, налоговое бремя, налоговая система, классификация налогов, инструменты налогообложения.

DOI: 10.31857/S020736760010591-9

Ключевой задачей реформы налогообложения, проводимой в Республике Узбекистан, является обеспечение экономической стабильности в стране, создание благоприятных условий для предпринимательства и наращивания доходов государственного бюджета.

Президент Узбекистана Шавкат Мирзиёев, выступая 8 января 2020 г. на видеоселекторном совещании, отметил, что главная цель налоговой реформы состоит в том, чтобы обеспечить экономическую стабильность в этом и последующих годах. Для этого необходимо поддерживать предпринимательство и поступательно наращивать доходы бюджета¹.

Внесенные за последние годы изменения в налоговом законодательстве оказывают существенное влияние как на деятельность юридических и физических лиц, так и на формирования средств Государственного бюджета. Оценить эффективность реализованных мер в полной мере можно будет только через достаточно длительный период времени, не менее 2–3 года. В краткосрочной перспективе целесообразно сопоставить

¹ Мирзиёев Ш: Наш единственный путь – увеличивать число предпринимателей, реализовать деловой потенциал людей. Источник: <https://www.gov.uz/ru/news/view/25840>

базовые принципы проведенной реформы налогообложения и критерии ведущих научных школ в этой сфере деятельности. Это позволит устранить имеющиеся недостатки в создаваемой новой налоговой системе, произвести «отладку» и «настройку» инструментов налогообложения, нацелить их на решение ключевых задач и достижение установленных приоритетов развития национальной экономики в долгосрочной перспективе.

Опыт развития мировой экономики в условиях распространения новой коронавирусной инфекции COVID-19 показал, что фискальные механизмы многих стран оказались совершенно непригодными к действию в условиях чрезвычайной ситуации, требующей принятия оперативных и действенных мер реагирования со стороны государства. Правительствам ряда стран приходилось многократно вмешиваться в систему государственного регулирования экономики, вводя налоговые льготы, отменяя или снижая ставки налогов, списывая долги по налогам, страховым взносам и штрафным санкциям хозяйствующих субъектов. Период постепенного снятия вынужденных ограничений и посткоронавирусный этап экономического развития должен сопровождаться созданием гибких, эффективных фискальных стимулов, которые должны нацеливать всех хозяйствующих субъектов на переход к новому типу экономики, *характеризующейся ресурсосбережением, высокой конкурентоспособностью, экологичностью, безопасностью для человека, а самое главное — достойной оплатой труда занятых работников.*

Процесс совершенствования налоговых отношений непрерывен. Успех налоговых преобразований определяется научной обоснованностью системных преобразований. Исторический промежуток времени между различными этапами налоговых преобразований «зависит от степени соответствия экономическому базису используемой системы налогообложения на момент проведения реформы налогообложения».

На наш взгляд, методические и практические положения любой налоговой системы должны исходить из установленных научно-методологических основ и принципов налогообложения, а также целей экономической политики страны на соответствующем этапе своего развития. От выбора обоснованных методологических основ налогообложения и соответствующих *налоговых механизмов во многом зависит эффективность мер по совершенствованию системы налогообложения в целом.*

Исследование развития научных основ налогообложения показало, что за последние столетия в этой сфере использовались такие концепции ведущих экономистов, как «теория обмена», «теория обмена эквивалентов», «теория удовлетворения коллективных потребностей», «теория удовлетворения общественных потребностей». Их объединяло одно общее утверждение о том, что налоги — это плата налогоплательщиков за услуги государства (суммарная величина налогов должна быть эквивалентной ценности услуг государства)².

² Смит А. Исследования о природе и причинах богатства народов. // Антология экономической классики. В 2-х томах. Т.1. // М: МП «ЭКОНОВ», 1993; Нитти Ф. Основные начала финансовой науки // М.: 1994; Эрхард Л. Благополучие для всех // М.: Начала-Пресс: 1991 и др.

В то же время, в теории налогообложения сложилось и другое направление, в котором «налоги» и «государственное фискальное регулирование» является «злом», которое должно быть максимально сокращено³. К этому направлению относится современная теория «экономики предложения», инструменты которой использовались в период после ослабления действия кейнсианских подходов.

Перед тем, как сделать обоснованный выбор научной теории и соответствующих механизмов налогообложения, для начала налогоплательщикам и государству (обществу) нужно определиться и найти компромисс по такому важному, стратегическому вопросу: что страна хочет получить в результате реформы налогово-бюджетной политики — *страну «тружеников» или преимущественно «изждивенцев»*⁴?

Если «принимается первый путь, то нужно серьезно работать над созданием наиболее благоприятных условий для работников коммерческого сектора (в особенности — производственных отраслей, транспорта, связи). В этом случае через стимулирующие налоговые и иные механизмы необходимо направить энергию трудоспособных граждан именно в эту сферу экономики. Если выбирается второй путь, то в этом случае идеи обычно нацелены на то, как можно больше взять дохода у коммерческого сектора и перераспределить его в пользу граждан, получающих доходы из бюджета и государственных целевых фондов, нередко забывая об эффективности использования средств».

Выбор крайности при осуществлении любого из этих двух направлений может привести к негативным тенденциям в социально-экономическом развитии общества (либо чрезмерное доминирование рыночных отношений во всех сферах жизни, потеря взаимовыгодных отношений между поколениями людей, либо — централизованное распределение дефицитных ресурсов, что было в условиях плановой экономики).

Оптимальный путь, на наш взгляд, может заключаться в следующем: создавая максимально благоприятные условия для развития коммерческого сектора экономики не забывать о долге бизнеса перед обществом, выполнение которого заключается в формировании ресурсов, необходимых для выполнения рациональных функций государства, достойной жизни пенсионеров, инвалидов, детей, а также других получателей бюджетных средств. Это сложная, но вполне выполнимая задача. В зависимости от состояния и развития экономики данная задача должна решаться поэтапно в зависимости от установленного компромисса в обществе между различными слоями граждан, между бизнесом и государством.

Если мы выбираем оптимальный путь совершенствования налогообложения («стимулирование тружеников коммерческого сектора»), то преимущественно нужно использовать принципы и механизмы,

³ Рикардо Д. Начала политической экономии и налогового обложения / Избранное.; (пер. с англ.; предисл. П.Н. Ключкина) // М.: Эксмо, 2007. (Антология экономической мысли)

⁴ Воронин С. Методы сокращения бедности в Узбекистане // М: Общество и экономика. 2020. № 4. С.104–105.

вытекающие из «теории обмена» и ее более поздних направлений («теория эквивалентов» и т.д.). Ключевое утверждение этой теории состоит в том, что сумма всех налогов, оплаченных налогоплательщиками, должна быть эквивалентная суммарной ценности услуг государства для налогоплательщиков — не вызывает сомнений⁵. При соблюдении этого принципа подавляющая часть налогоплательщиков будет оплачивать причитающиеся налоги и сборы.

Исследование научных основ налогообложения и их использование при проведении налоговых реформ в Узбекистане позволило обнаружить следующие закономерности.

*Селигмен Б.*⁶, представитель «теории обмена» в поздних ее вариантах, предлагал в начале развития экономики использовать пропорциональную систему налога на доходы физических лиц, а после этого — внедрять прогрессивную шкалу. В Узбекистане с 1 января 2019 г. осуществлен переход к плоской шкале НДФЛ при ставке 12%, что, на наш взгляд, *вполне обоснованно*. Преждевременное использование прогрессивной шкалы привело к росту неофициальной деятельности и потере значительных бюджетных средств.

*Рикардо Д.*⁷, представитель классической школы, отмечал, что налогами должны облагаться в первую очередь предметы роскоши и выдвинул идею необлагаемого минимума. В Узбекистане в ходе реформы налогообложения с 1 октября 2019 г. были отменены льготы по НДС на 9 видов продовольственной продукции первой необходимости. Кроме того, с 1 января 2019 г. отменен необлагаемый минимум при исчислении НДФЛ. Можно предположить, что повышение цен на продовольственные товары первой необходимости, которое имеет место в результате реформы НДС, будет скомпенсировано снижением ставки НДФЛ до 12% и отменой страховых взносов граждан с заработной платой в размере 8%.

На наш взгляд, налоговая система Узбекистана после принятия Концепции совершенствования налоговой политики, введенной с 1 января 2019 г. в сфере налогообложения требует кардинальных мер в этой сфере, а также их реализации с 1 января 2020 г. Налогового кодекса в новой редакции находится на этапе трансформации используемых механизмов налогообложения.

По мнению специалистов Министерства финансов Республики Узбекистан, проводимая в 2018–2019 гг. в экономике страны налогово-бюджетная политика характеризуется как экспансионистская фискальная политика с нарастающим дефицитом консолидированного бюджета в размере около 1,4% к ВВП — в 2019 г. и 0,5% — в 2018 году, который покрывается внешними заимствованиями и выпуском государственных

⁵ Эрхард Л. Благосостояние для всех // М.: Начала-Пресс: 1991.

⁶ Селигмен Б. Основные течения современной экономической мысли / Пер. с англ., Общ. ред. и вступ. статья акад. А. М. Румянцева [и др.] // Москва, Прогресс, 1968.

⁷ Рикардо Д. Начала политической экономии и налогового обложения / Избранное, (пер. с англ.; предисл. П.Н. Ключкина) // М.: Эксмо, 2007. (Антология экономической мысли).

ценных бумаг (без учета периода развития страны в условиях распространения коронавирусной пандемии)⁸.

Методологические подходы, используемые в Узбекистане, постепенно склоняются в сторону либерального направления. В результате реализации данной стратегии по итогам 2019 г. в стране имеет место опережающий рост расходов Госбюджета над его доходами, а также – растет внешний долг. *В связи с этим, можно согласиться с мнением, что действующую в настоящее время в республике фискальную политику можно охарактеризовать как экспансионистскую.*

В то же время, целесообразность проведения экспансионистской фискальной политики в условиях нарастающей инфляции (свыше 10% ежегодно) вызывает большое сомнение. Более обоснованным было бы использовать механизмы рестриктивной (сдерживающей) фискальной политики, предполагающей *сокращение государственных расходов и повышение налоговой нагрузки на крупные предприятия, которая за последние годы была чрезмерно сокращена.*

Современная система налогообложения включает в себя различные положения и элементы различных научных школ (неоклассической, кейнсианской и др.). *В то же время, ныне в большей степени стали использоваться налоговые инструменты, которые соответствуют либеральным неоклассическим подходам.*

На экономику страны негативное влияние оказывает ежегодная индексация ресурсных налогов, рост арендной платы за нежилые помещения для предпринимателей, повышение цен на электроэнергию и другие базовые товары и услуги. Широкое распространение на отрасли экономики и сферы деятельности механизма начисления НДС (от производства сырья до реализации конечной продукции) обернулось ростом цен на товары народного потребления и услуги населению, что сократило платежеспособный спрос на потребительском рынке и стало сдерживающим фактором для расширения производства. Это также усилило диспаритет цен между продукцией сельского хозяйства и промышленности, между потребительскими ценами и размером среднемесячной заработной платой. В настоящее время правительство республики поэтапно отменяет государственные закупки на хлопок-сырец и другие виды сельскохозяйственной продукции, осуществляет либерализацию ценообразования на продукцию сельского хозяйства, надеясь достигнуть паритетного, справедливого обмена между городом и селом. На наш взгляд, реализация этой меры не позволит в полной мере достичь ожидаемых результатов.

Действие фискальной политики в краткосрочной перспективе должно быть направлено на сдерживание уровня инфляции, сокращение давления на рост потребительских цен, снижение сферы теневой экономики и расширение занятости, расширение доступа занятых работников и лиц, получающих доходы из бюджета, к товарам

⁸ Ожидаемые макроэкономические показатели на конец 2019 года. <https://www.mf.uz/home/o-ministerstve/press-sluzhba/minfin-news/4699.html>

и услугам, включенным в потребительскую корзину, медицинским и образовательным услугам (увеличиваясь поэтапно по мере роста реальных доходов населения).

Для реализации этих целей в среднесрочной и долгосрочной перспективе целесообразно внести определенные корректировки в действующие инструменты налогообложения, вытекающие из научно-методологических положений и практического опыта стран, использующих социально-ориентированную концепцию развития. В частности, отдельные подходы, вытекающие из теории общественных (коллективных) потребностей (теории обмена), можно использовать при совершенствовании классификации налоговых платежей.

Необходимо отметить, что в налоговом законодательстве до настоящего времени недостаточное внимание уделяется вопросам *улучшения классификации налоговых платежей и их учета при ценообразовании, что искажает расчеты уровня налоговой нагрузки на деятельность предприятий и отраслей экономики. В Налоговом кодексе в новой редакции классификация налогов и сборов представлена слишком в обобщающем виде (представлено всего лишь две группы: налоги и сборы).*

В целях повышения качества расчетов налоговой нагрузки на деятельность хозяйствующих субъектов большое значение имеет группировка налогов и обязательных отчислений по признакам *«регулярности» выплаты налогов и «делимости» предоставляемых государством общественных услуг.* Среди экономистов до настоящего времени пока еще нет единого мнения о том, какие налоги и платежи можно отнести к вышеперечисленным группам.

На наш взгляд, в целях изучения уровня налогообложения по отраслям экономики и отдельным предприятиям целесообразно осуществлять группировку налоговых и других обязательных платежей по следующим укрупненным группам: *Налоги; Отчисления и взносы; Сборы и государственные пошлины.* По каждой из этих групп следует четко определить их экономическую сущность (Табл. 2). При этом название налога, отчисления, взноса или сбора должно вытекать из его специфической функции.

Учитывая, что все расходы консолидированного Госбюджета в цивилизованной экономике должны осуществляться ради налогоплательщиков, отдельных категорий иждивенцев, а также в целях реализации утвержденных приоритетов социально-экономического развития страны, то правительству целесообразно определиться: какие расходы юридических и физических лиц должны возмещаться за счет их доходов (прибыль, зарплата, дивиденды), а какие — за счет затрат предприятий, или иных средств. Это позволит создать условия для обоснованного определения уровня налоговой нагрузки на коммерческую деятельность предприятий и отраслей экономики.

В зависимости от того, в какой группе находится соответствующий налог или обязательный платеж, должно меняться и его место при ценообразовании. По каждой из этих налоговых групп предлагается устанавливать предельный уровень налоговой нагрузки по виду деятельности

или по отрасли экономики. В этом случае, можно будет на практике применить идею известного экономиста А. Лаффера⁹, представителя «теории экономики предложения», о необходимости установления предельно допустимого уровня налогообложения на предприятие и отрасль. Введение данной меры будет способствовать сокращению сферы теневой экономики.

Таблица 1

Группировка налогов и других платежей по признакам «регулярности» выплаты и «делимости» услуг, предоставляемых государством

№ группы	Наименование	Характеристика
1	Налоги	– это регулярные обязательные платежи за общественные «неделимые» блага или услуги, предоставляемые государством всем гражданам страны без учета их вклада в создание национального богатства. Граждане на безвозмездной основе пользуются этими услугами либо сразу при рождении, либо по мере наступления определенных обстоятельств, установленных государством. При ценообразовании эти расходы налогоплательщиков предлагается учитывать в валовой прибыли.
2	Отчисления и взносы	– это регулярные платежи за использование в коммерческих и некоммерческих целях человеческих, земельно-водных и других общественных благ. При ценообразовании данные расходы налогоплательщиков предлагается учитывать в себестоимости продукции.
3	Сборы и государственные пошлины	– это единовременные платежи за услуги государства индивидуального характера, предоставленные физическим и юридическим лицам, уплата которых является одним из условий совершения в отношении плательщиков юридически значимых действий со стороны представителей государственных интересов в качестве компенсации за оказание данных услуг (например, платежи при оформлении документов и выдачу разрешений и др.). Расходы предприятий по этим услугам предлагается учитывать в себестоимости продукции.

Источник: подготовлено авторами.

Если обязательный платеж (налог) вносится за предоставление государством «неделимых» услуг, то расходы хозяйствующего субъекта на его уплату должны возмещаться за счет валовой прибыли. Если платеж осуществляется за конкретный предоставленный налогоплательщику общественный ресурс (недра, земельно-водные ресурсы, человеческий потенциал и др.), то эти расходы должны возмещаться за счет себестоимости производимой продукции или оказываемых услуг. Расходы налогоплательщика по оплате

⁹ Лаффер А., Сеймур Дж. Экономическая теория уклонения от налогов. 1979.

финансовых санкций должны осуществляться только за счет его прибыли. Эти положения необходимо включить в правила ценообразования при учете оплаты услуг государства, а также в Налоговый кодекс в новой редакции, действующий с 1 января 2020 года.

Нахождение и поддержание баланса в доходах и расходах государственного бюджета, юридических и физических лиц позволит создать благоприятные условия для достижения целей социально-экономического развития страны в долгосрочной перспективе (в том числе – повышение энергоэффективности и сокращение материалоемкости выпускаемой продукции, снижение выбросов загрязняющих веществ в окружающую среду, улучшение климата, стимулирование инновационного развития, расширение экспорта продукции с высокой степенью обработки и др.).

В условиях действия предлагаемой классификации появится возможность использовать дифференцированные ставки налогов и обязательных платежей в зависимости от сроков их действия, что позволит повысить эффективность действующих налоговых инструментов.

Ставки налогов за предоставление налогоплательщикам **неделимых услуг** предлагается устанавливать на срок **10–20 лет**, а ставки обязательных отчислений и взносов, сборов и государственных пошлин, а также таможенных пошлин – устанавливать **ежегодно или на 3 года**. При использовании данного подхода у государства появится возможность оперативно влиять на финансовое состояние тех предприятий и отраслей экономики, деятельность которых во многом зависит от динамики мировых цен на экспортируемое сырье, импортируемые материалы и комплектующие изделия (т.е. – от действия внешних и форс-мажорных факторов).

Так, данная группировка налогов и обязательных платежей, а также предлагаемый механизм установления ставок, позволит использовать плавающие инструменты налогообложения для компенсации дополнительных расходов крупных налогоплательщиков, что важно в условиях распространения коронавирусной пандемии и ее повторных вспышек (например, корректировка ставок отчислений и взносов за использование земельно-водных ресурсов и недр).

Предлагаемую группировку налоговых платежей целесообразно использовать при определении пороговых (предельных) показателей налоговой нагрузки в разрезе отраслей экономики (корректировки ставок), разработки мер по повышению эффективности налогово-бюджетной политики и усилению стимулирующей роли налогообложения в структурных преобразованиях, регулировании ценообразования на продукцию субъектов естественных монополий и предприятий-монополистов, анализе уровня рентабельности на микро- и мезоуровнях.

Внедрение предлагаемой группировки налогов, обязательных отчислений, сборов и пошлин вытекает из положений «теории обмена эквивалентов» и направлена на нахождение «компромисса» между налогоплательщиками и государством в условиях рыночной экономики.

В краткосрочной перспективе необходимо продолжить работу по сокращению барьеров, имеющих в налоговом законодательстве

и сдерживающих развитие малого, среднего и крупного предпринимательства, в особенности тех предприятий, которые функционируют в сфере материального производства.

Ядром коммерческой сферы является реальный сектор, в частности – промышленность и ее базовые отрасли, транспортная сфера, сельское хозяйство. В сфере промышленности наибольшую важность для экономики имеет развитие сырьевых отраслей, энергетики, химической и нефтехимической сферы. Их устойчивое развитие создает предпосылки для развития других отраслей экономики, создающих налоговый потенциал для Государственного бюджета.

В целях расширения базы налогообложения, создания новых источников для формирования бюджетных средств, предлагаются следующие меры:

1. Для сокращения теневой занятости необходимо создать условия для повышения стимулирующей роли оплаты труда в коммерческом секторе экономики. Это можно сделать при помощи внедрения эффективного механизма обязательного медицинского страхования (ОМС). Правительством уже предусматривается внедрение данного механизма в 2021 году. На начальном этапе источниками средств ОМС могут являться поступления от части акцизного налога, НДСЛ и ЕСП. В дальнейшем с 2022 года следует ввести специальные страховые отчисления от заработной платы занятых работников (по аналогии функционирования принципа солидарности при страховании физических лиц, как это работает в Германии).

2. Активизировать учебный процесс, направленный на привитие практических навыков расчета и уплаты НДС как налоговыми инспекторами, так и бухгалтерами, обслуживающими малые и средние предприятия. В особенности это касается хозяйствующих субъектов, занятых в сельскохозяйственном производстве, в сфере услуг, туризма, транспорта и других секторов (при помощи технических средств – интернет, телевидение и другие интерактивные методы обучения).

3. Пересмотреть ставки налога на имущество юридических лиц в связи с переходом на налогообложение от кадастровой стоимости на рыночную стоимость имущества.

4. В связи с проводимой в настоящее время приватизацией земельных участков пересмотреть механизмы обложения юридических и физических лиц земельным налогом.

5. Осуществить гармонизацию ставок акцизного налога на отечественную и импортируемую продукцию в связи с усилением интеграционных процессов.

6. Предусмотреть проведение поэтапной отмены таможенных пошлин и льгот по ним в связи с либерализацией внешнеэкономической деятельности.

7. Оптимизировать размер годового «порога» предприятий при выборе режима налогообложения с учетом уровня инфляции.

8. Предусмотреть разработку мер, обеспечивающих устойчивость формирования бюджетных средств в условиях распространения в мире

коронавируса и нестабильности мирового рынка энергоресурсов (поддержка добросовестных налогоплательщиков, выявление надежных источников финансирования мер, направленных на недопущение возникновения эпидемий, возмещения ущерба от стихийных бедствий и др.).

Принятие вышеперечисленных мер позволит создать дополнительные возможности для активизации инвестиционной деятельности, расширения занятости в сферах малого, среднего и крупного бизнеса, противодействия внешним шокам и вызовам, и на этой основе, обеспечить устойчивые темпы роста поступлений средств в Государственный бюджет.

В среднесрочной перспективе в условиях посткоронавирусного развития целесообразно создавать налоговые условия, способствующие сокращению темпов роста поступлений по прямым налогам, повышению темпов – по ресурсным налогам и налогу на имущество. Перемещение части налоговой нагрузки с производственного сектора на сферу потребления (например, через налог на имущество физических лиц и акцизного налога) будет способствовать сокращению влияния налогов на рост оптово-отпускных цен в промежуточных отраслях, что скажется на сокращении «инфляции затрат». Для этого целесообразно осуществить реформу механизма исчисления ресурсных налогов и налога на имущество, направленную на повышение его справедливости, эффективности и усиления значимости для формирования бюджетных средств.

Литература

1. *Лаффер А., Сеймур Дж.* Экономическая теория уклонения от налогов. 1979.
2. *Мирзиёев Ш.* Наш единственный путь – увеличивать число предпринимателей, реализовать деловой потенциал людей. Источник: <https://www.gov.uz/ru/news/view/25840>
3. *Нитти Ф.* Основные начала финансовой науки // М.: 1904; *Эрхард Л.* Благосостояние для всех // М.: Начала-Пресс: 1991 и др.
4. *Рикардо Д.* Начала политической экономии и налогового обложения / Избранное. (пер. с англ.; предисл. П.Н. Клюкина) // М.: Эксмо, 2007. (Антология экономической мысли)
5. *Смит А.* Исследования о природе и причинах богатства народов / Антология экономической классики. В 2-х томах. Т.1 // М: МП «ЭКОНОВ». 1993.
6. *Селигмен Б.* Основные течения современной экономической мысли [Текст] : Пер. с англ. / Общ. ред. и вступ. статья акад. А. М. Румянцева [и др.]. // М.: Прогресс, 1968.
7. *Эрхард Л.* Благосостояние для всех // М.: Начала-Пресс: 1991.
8. Ожидаемые макроэкономические показатели на конец 2019 года. <https://www.mf.uz/home/o-ministerstve/press-sluzhba/minfin-news/4699.html>.

A. Rasulev (e-mail: arasulev@yandex.ru)

Grand Ph.D. in economics, Full professor, Tashkent State University of Economics

S. Voronin (e-mail: s.voronin63@umail.uz)

Grand Ph.D. in Economics, Head specialist, Institute for fiscal studies under the Ministry of finance of the Republic of Uzbekistan

Z. Mukhitdinov (e-mail: zmuhitdinov@gmail.com)

Postgraduate student at the Academy of public administration under the President of the Republic of Uzbekistan

TAX REFORM IN THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN: THE APPROACHES USED AND THEIR COMPLIANCE WITH THE CRITERIA DEVELOPED BY LEADING SCHOOLS OF ECONOMIC THOUGHT

The article discusses the methodological approaches to taxation used in the process of reforming the tax system of the Republic of Uzbekistan. The approaches have been evaluated in terms of meeting the criteria developed by leading schools of economic thought. A number of proposals have been worked out to improve the classification of taxes and mandatory payments, as well as of some fiscal instruments being applied within the republic.

Keywords: leading schools of economic thought, taxation concepts, tax burden, tax system, tax classification, taxation tools.

DOI: 10.31857/S020736760010591-9

© 2020

Борис Хейфец

доктор экономических наук, главный научный сотрудник
Института экономики Российской академии наук,
профессор Финансового университета при Правительстве РФ (Москва)
(e-mail: bah412@rambler.ru)

Вероника Чернова

кандидат экономических наук, старший преподаватель Российского университета дружбы народов, доцент Института маркетинга (Государственный университет управления) (Москва)
(e-mail: veronika_urieva@mail.ru)

ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ COVID-19 НА ГЛОБАЛЬНУЮ ПРОДОВОЛЬСТВЕННУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ

В статье анализируются прогнозы влияния COVID-19 на глобальную продовольственную безопасность и устойчивость мировой продовольственной системы. Отмечено, что сложность глобальной продовольственной системы порождает множество потенциально “узких” мест. Однако, хотя состояние продовольственной безопасности в мире вызвало тревогу и до наступления вспышки пандемии COVID-19, сокращение производства и мировой торговли пищевыми продуктами и сельскохозяйственным сырьем по итогам 2020 г. окажется ниже, чем по другим товарам и услугам, а ситуация с продовольственной безопасностью усугубится на национальном уровне для отдельных стран, а также во всех странах для уязвимых групп населения.

Ключевые слова: продовольственная безопасность, сельское хозяйство, глобальная продовольственная система, продукты питания, агропродовольственные рынки, импорт продовольствия.

DOI: 10.31857/S020736760010592-0

По мере распространения COVID-19 все более очевидным становится существенное воздействие нового кризиса на глобальную продовольственную безопасность. И, хотя исходные условия для предотвращения глобального продовольственного кризиса являются более благоприятными, а мировые продовольственные рынки более устойчивы в сравнении с финансовым кризисом 2008–2009 гг., глобальная продовольственная безопасность и национальная продовольственная безопасность отдельных стран вызывают серьезную обеспокоенность.

Проблема продовольственной безопасности значительно обострилась в последние годы. На конец 2019 г. 135 млн человек в 55 странах и территориях страдали от острой формы отсутствия продовольственной безопасности. Более половины из них (73 млн) проживают в Африке, 43 млн – на Ближнем Востоке и в Азии и 18,5 млн – в Латинской Америке и Карибском бассейне. Кроме того, в этих 55 странах, затронутых продовольственным кризисом, 75 млн детей имели задержку роста и 17 млн – страдали от истощения [8]. Ситуация может ухудшиться в 2020–2021 гг. в связи с новым экономическим кризисом, вызванным пандемией COVID-19.

Вместе с тем, общие прогнозы мирового сельскохозяйственного производства на начало 2020 г. были позитивными, они исходили из того, что запасы продовольственных товаров были достаточными, а мировые цены на основные продовольственные товары – на низком уровне, затраты на транспортировку и сельскохозяйственные удобрения снизились, а цены на энергоносители просто рухнули вниз. Однако по мере развития нового кризиса сбои в цепочках поставок продовольствия и другие нарушения, влияющие на производство продуктов питания, а также падение доходов населения создали серьезную напряженность и новые риски для обеспечения продовольственной безопасности во многих государствах.

Глобальная продовольственная система. Наряду с общей глобализацией мировых рынков продовольствия, национальные продовольственные системы становятся все более интегрированными, взаимосвязанными и взаимозависимыми [21]. В настоящее время $\frac{4}{5}$ населения Земли (6,4 млрд человек) ежедневно полностью или частично питаются за счет импорта продовольствия.

К примеру, Великобритания полагается на международные поставки продовольствия из 160 стран мира [12], а продовольственная импортная зависимость от импорта Германии, которая в достаточной степени обеспечена земельными ресурсами и является одним из крупнейших производителей продуктов питания в ЕС, лишь немного ниже, чем у Японии (19,2% и 28,5% соответственно). В США более $\frac{1}{2}$ свежих фруктов и почти $\frac{1}{3}$ свежих овощей поступают из других стран, в частности из стран Латинской Америки, а рост импорта продуктов питания (+6% в 2018 г.) в последние годы опережал рост экспорта (+1% в 2018 г.). Максимальной зависимостью от импортных поставок продовольствия обладают страны, слабо обеспеченные земельными ресурсами, пригодными для сельскохозяйственного производства. Так, импортная зависимость Сингапура по продовольственным товарам превышает 95% [6].

О возрастающей роли импорта в целом говорит увеличение его объемов в развитых странах. Так, к примеру, за период с 1990 г. по 2018 г. доля импорта в ВВП в странах ОЭСР выросла с 18,63% до 28,25% (в 1,5 раза), в странах ЕС – в 1,7 раза, в Германии – в 2 раза .

Темп роста импорта продовольствия хотя и замедлился в последнее десятилетие в сравнении с предыдущим, по-прежнему значительно превышает темп роста производства продуктов питания, а также темп роста населения Земли (рис. 1).

Глобальная связанность национальных агропродовольственных систем является одной из характерных черт современного мирового агропродовольственного сектора. Другими важными его характеристиками являются сложность и рост концентрации.

В настоящее время миллионы грузовых автомобилей и целые флота судов соединяют десятки миллионов агроферм с сотнями миллионов магазинов по всему миру. И хотя фермы по своей природе являются национальными, большая часть остальных звеньев цепочки создания

добавленной стоимости в агропродовольственном секторе является глобальными. Это касается, прежде всего поставок семян, удобрений, средств защиты растений, новейших технологий и современной техники. К примеру, поставки семян в мире осуществляют четыре-пять крупнейших компаний развитых стран, таких, как Corteva Agriscience (DowDuPont) (США), Bayer (Германия), Limagrain (Франция) и другие. Оборудование и технику для нужд сельского хозяйства поставляют такие крупные компании как John Deere (США), AGCO (США), Claas (Германия), Grimme (Германия), Horsch (Германия); современные технологии – Farmers Edge (Канада), Big Dutchman (Германия), удобрения и химикаты – Syngenta (Швейцария), BASF (Германия), ChemChina (госкорпорация) (Китай). Гигантские компании-посредники – Bunge, Cargill (США), Louis Dreyfus (Франция), Olam International (Сингапур), Glencore (США, Швейцария) связывают всю систему, поставляя сельскохозяйственное сырье пищевым гигантам-переработчикам – Unilever (Великобритания), Heinz (США) и др.

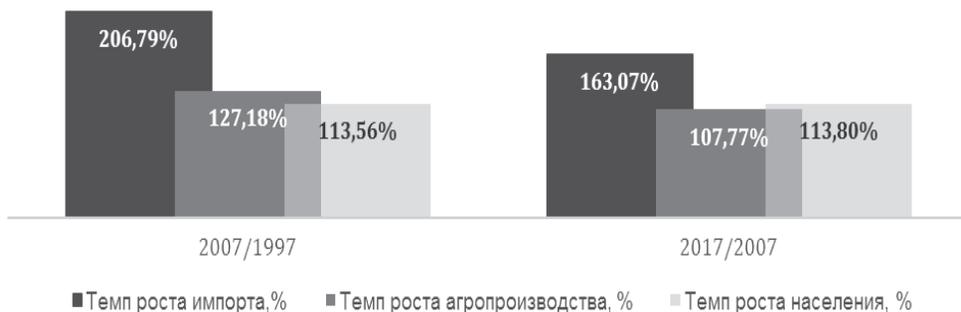


Рис. 1. Темпы роста производства агропродукции, импорта продовольственных товаров и темпы роста населения (в %)

Источник: рассчитано авторами по данным ФАО

<http://www.fao.org/faostat/en/#country>

Более сложным и капиталоемким стало и само производство сельскохозяйственного сырья и пищевых продуктов в целом. Тракторы-роботы и беспилотные летательные аппараты уже давно стали обычным явлением на сельскохозяйственных полях, системы спутникового мониторинга через объектив искусственного интеллекта собирают, обрабатывают информацию и выдают решения, позволяющие оптимальным образом расходовать воду, удобрения, горючее, корма, подсказывают агротехнические решения, прогнозируют урожайность.

За последние 20 лет усилилась роль крупных игроков на мировом агропродовольственном рынке. Выручка 10 крупнейших компаний-производителей продуктов питания и напитков (Nestlé, PepsiCo, Inc., Anheuser-Busch InBev, JBS, Tyson Foods, Archer Daniels Midland

Company, Mars, Cargill, The Coca-Cola Company, Kraft Heinz Company) в 2019 г. в совокупности составила около 450 млрд долл., что превышает совокупные доходы следующих 31 компаний из списка 100 крупнейших производителей продуктов питания [10]. Процессы концентрации на мировом агропродовольственном рынке имеют как положительные, так и негативные последствия для продовольственной безопасности в условиях распространения COVID-19.

Всего в мире негативное воздействие COVID-19 испытают более половины глобальных производственных цепочек, что приводит к переоценке многонациональными корпорациями цепочек создания стоимости с точки зрения надежности поставок со сменой стратегии «сокращение издержек» на стратегию «обеспечения стабильности поставок» и возможности переноса их производственной деятельности ближе к рынкам сбыта. Следует отметить, что в ситуации с коронавирусом размещение всей цепочки создания стоимости на территории страны не гарантирует стабильности поставок и бесперебойной работы. Так, в конце апреля 2020 г., по данным The Washington Post [22], по крайней мере 20 заводов по упаковке мяса в США, в том числе такие гиганты как Tyson Foods, Smithfield Foods и JBS USA, были закрыты из-за вспышки COVID-19 и массового заражения работников этих предприятий. В результате разрыва в цепи поставок пострадавшими оказались не только потребители (объемы переработки свинины и говядины упали на 25–30% [14], что сопровождается значительным ростом цен), но фермеры по всей стране, которым некуда продавать свой скот для переработки.

Пандемия оказала серьезное негативное влияние на сектор услуг, связанных с обеспечением населения продовольствием. Борьба с COVID-19 в Китае сопровождалась решительными мерами в отношении общественного питания (закрытие MacDo, KFC, Starbucks и др.) и торговли (закрытие Uniqlo, Muji, Ikea) [11]. С другой стороны, получили импульс к бурному росту интернет-торговля и доставка продуктов и еды. По прогнозам, даже в случае реального уменьшения опасности заражения, многие потребители сохраняют свои предпочтения в использовании данных услуг после пандемии.

Влияние нового глобального кризиса. Существенная зависимость большей части населения земли от импорта продовольствия вызывает обеспокоенность, что новый глобальный кризис, вызванный распространением COVID-19, спровоцирует продовольственный кризис наподобие продовольственного кризиса 2007–2008 гг. (когда резкий рост цен и несогласованные действия правительств привели к тому, что 75 млн человек оказались за чертой голода), приведет к серьезным нарушениям всей агропродовольственной системы и снижению продовольственной безопасности, спровоцирует социальную напряженность и политические беспорядки, наподобие беспорядков в Бангладеш, Мексике и других странах в ходе продовольственного кризиса 2007–2008 гг. [24].

Согласно июньскому прогнозу МВФ [16], в 2020 г. глобальный ВВП может снизиться на 4,9%, при этом наиболее сильно кризис ударит по

странам с высоким уровнем дохода (-8% в 2020 г.), в то время как в странах с низким уровнем дохода ожидается снижение ВВП на 3% . Прогнозируется, что снижения ВВП и замедления роста экономики не избежит ни одна страна. В целом кризис, вызванный распространением COVID-19, как ожидается, приведет к гораздо более глубокому спаду как на уровне экономик отдельных стран, так и на глобальном уровне, чем в период финансового кризиса 2008–2009 гг., получившего названием Великой рецессии. И, если товарный бум, связанный с Великой рецессией, оказался выгодным для экспортеров сырьевых товаров из развивающихся стран, особенно из стран Латинской Америки [19], то последствия глобального локдауна в виде глубокого экономического спада могут оказаться для них наиболее серьезными.

Высокая вероятность существенного снижения продовольственной безопасности угрожает малым островным государствам. Ожидается, что из-за их высокой зависимости от импорта продовольствия и других предметов первой необходимости уязвимость этих стран, зависимых от туристического сектора и связанных с ним отраслей экономики и денежных переводов, резко возрастет в условиях нынешнего глобального кризиса. По некоторым оценкам [17; 25], падение производства в туристическом секторе составит 70% , существенные потери несут и другие отрасли, связанные с высоким социальным взаимодействием, включая гостиничный бизнес, индустрию развлечений и др. [20]. По оценкам Всемирного банка, в 2020 г. ожидается сокращение межгосударственных денежных переводов на $19,7\%$ в сравнении с предшествующим годом (с 714 млрд долл. в 2019 г. до 572 млрд долл. в 2020 г.), основная часть этого сокращения придется на государства с низким и средним уровнем дохода — с 554 млрд долл. до 445 млрд долл. соответственно [18].

Показатели зависимости от импорта продовольствия [9], показывают, что многие страны с низким уровнем дохода тратят значительную долю своих валютных доходов на импорт продуктов питания. Резкое снижение доходов туристического сектора в этих странах ставит под угрозу импорт продуктов питания.

Сложность глобальной продовольственной системы порождает множество потенциально “узких” мест:

1. Нарушение цепочек поставок.

Кризис, вызванный распространением COVID-19, по-разному отразился на видах транспортировки продуктов питания и сельскохозяйственного сырья. Так, в первом квартале 2020 г. из-за ограничений судоходства и ослабления спроса на перевозки сухогрузными судами произошло значительное снижение стоимости перевозок, о чем свидетельствует падение индекса BDI (Baltic Dry index), который снизился на 40% и достиг самого низкого уровня за 25 лет в феврале 2020 г. и после небольшого укрепления в апреле на фоне возобновления деловой активности в Китае, снова упал в мае 2020 г. до еще более низких значений [4] (рис. 2).

Наибольшее снижение стоимости агропродовольственных перевозок судами в конце мая 2020 г. произошло в транспортировке продуктов

питания с ограниченным сроком хранения – молока и сыра (на 25,7% и на 22,87% соответственно в сравнении с аналогичным периодом 2019 г.). В целом, за исключением закрытия отдельных портов (таких, как речной порт в Росарио, Аргентина) на непродолжительный срок, судоходство работает так хорошо, что прибрежные штаты Индии стали закупать часть продуктов в Аргентине, а не перевозить их из внутренних районов страны [24].

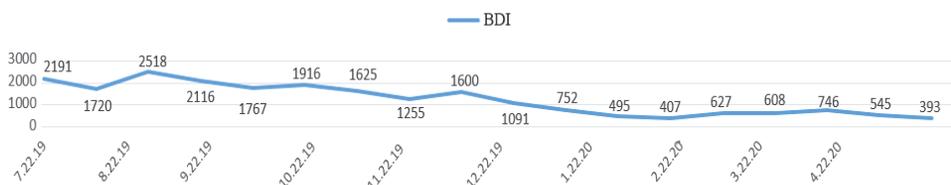


Рис. 2. Динамика индекса BDI во второй половине 2019 г. – начале 2020 г.

Источник: составлено авторами по Baltic Exchange Dry Index. 1985–2020 Data <https://tradingeconomics.com/commodity/baltic>

Более серьезные нарушения в поставках произошли в контейнерных и автомобильных перевозках. К примеру, поставки тропических фруктов из Юго-Восточной Азии в апреле–мае были нарушены из-за заторов в портах Шанхая и Тяньцзинь по причине острой нехватки рефрижераторных контейнеров [13].

Часть проблем нарушения поставок продуктов питания, возникших в связи с карантинными мероприятиями во многих странах, удалось устранить достаточно быстро. Так, огромные очереди из грузовых автомобилей в Центральной Европе в марте 2020 г. были устранены с помощью ускоренного контроля. Устранение других проблем, таких как нехватка мощностей в американском мясоперерабатывающем секторе в связи со вспышкой коронавирусной инфекции у работников мясоперерабатывающих предприятий и закрытием их на карантин, требуют гораздо более длительного времени.

Транспортировка скоропортящихся продуктов питания пассажирскими самолетами составляют небольшую, но важную часть трансграничной торговли во всем мире. Из-за сокращения пассажирских авиаперевозок и повышения их стоимости цены на авиаперевозки скоропортящихся продуктов питания выросли на 20–30%, а на некоторых маршрутах – на 50% [19].

2. Нехватка рабочей силы.

Многие виды сельскохозяйственного производства, несмотря на распространение цифровых технологий, роботизированных и автоматизированных систем, остаются весьма трудоемкими. Так, ежегодно американские фермеры привлекают на сезонные работы более 250 тыс. мексиканских рабочих, Великобритания привлекает около 90 тыс. сборщиков фруктов [15]. Ограничения на передвижения людей, требования

к социальному дистанционированию, вызванные мерами борьбы с распространением коронавируса, уже привели к ослаблению потока трудовых мигрантов и вызывают нехватку рабочих рук в сельском хозяйстве, что сказывается на производительности всей цепочки создания стоимости от производителей агропродукции, перерабатывающих и логистических компаний до торговых организаций.

3. Сокращение спроса (падение доходов).

По оценкам МОТ, восстановительный период после пандемии будет сопровождаться высокой безработицей и неполной занятостью населения. Снижение роста мирового ВВП на 2–8% приведет к потере 5,3–24,7 млн рабочих мест, что, в свою очередь, вызовет потери доходов населения, оцениваемые в сумму от 860 тыс. долл. до 3,44 млрд долл. [15]. Потеря дохода снижает способность людей покупать продукты питания и к концу 2020 г. около 265 млн человек могут столкнуться с острой нехваткой продовольствия по сравнению со 135 млн человек в 2019 г. [26].

4. Изменение структуры спроса.

Всплеск спроса на продукты питания в начале распространения пандемии и введения политики ограничения передвижения и социального дистанционирования, наблюдаемый во многих странах, позднее сменился его снижением из-за снижения покупательной способности населения, вызванной как временным снижением деловой активности во многих секторах экономики, так и полной потерей дохода.

Меры предотвращения с распространением пандемии, в частности политика «оставайся дома», вызвали значительное сокращение спроса на услуги ресторанов, кафе и привели к изменению структуры спроса. Многие люди отдадут предпочтение полуфабрикатам, покупают продукты в гораздо более мелкой фасовке, чем кухни ресторанов, кафе, школ и прочих заведений. В результате поставщики продовольственных товаров испытывают сложности по перепрофилированию своей деятельности, не могут встроиться в цепочки поставок в розничные магазины, что ведет к потере продукции. По предварительным оценкам, доля пищевых отходов в США в 2020 г. вырастет с 30% до 40%.

Для решения проблем, связанных со сбытом готовой продукции, китайская компания JD.com, занимающаяся интернет-торговлей и электронной коммерцией, запустила «зеленый канал», чтобы помочь производителям свежих фруктов и овощей продавать свою продукцию через специальное приложение. Другая китайская компания, работающая в сфере электронной коммерции – Alibaba открыла для аграриев бесплатный доступ к своей платформе Taobao Live и внедрила такой инструмент продажи свежих фруктов и овощей как «прямая трансляция из сада», благодаря которому в первые три дня было продано 15 тыс. тонн свежих продуктов [13].

Прогноз торговли продовольственными товарами. Прогнозируется, что сокращение мировой торговли пищевыми продуктами и сельскохозяйственным сырьем по итогам 2020 г. окажется ниже, чем мировая торговля в целом. Во-первых, продукты питания являются жизненно необходимыми и спрос на них менее эластичен по доходу, чем спрос на другие

товары и услуги. Во-вторых, торговля многими видами сельскохозяйственной продукции автоматизирована и происходит при минимальном участии человека, что снижает вероятность длительных сбоев в поставках. В-третьих, хотя глобальные цепочки создания стоимости в агропродовольственном секторе становятся более сложными, международное разделение труда в этой отрасли применяется гораздо в меньшей степени, чем в других отраслях, таких как автомобильная промышленность и электроника. В-четвертых, мировые цены на продовольственные товары в первые четыре месяца 2020 г. снижались, о чем свидетельствуют индексы цен на продовольственные товары ФАО (рис. 3), что, в свою очередь ограничивает широкое распространение мер, ограничивающих торговлю и является одним из ключевых отличий от мирового продовольственного кризиса 2007–2008 гг., хотя отдельные страны, в частности некоторые страны СНГ (Россия, Беларусь, Украина, Казахстан, Кыргызстан), ввели такие меры в целях обеспечения достаточных внутренних поставок и предотвращения роста цен на основные продукты питания. Страны ЕАЭС ввели временный запрет на экспорт некоторых основных продуктов питания до 30 июня 2020 г. [3].

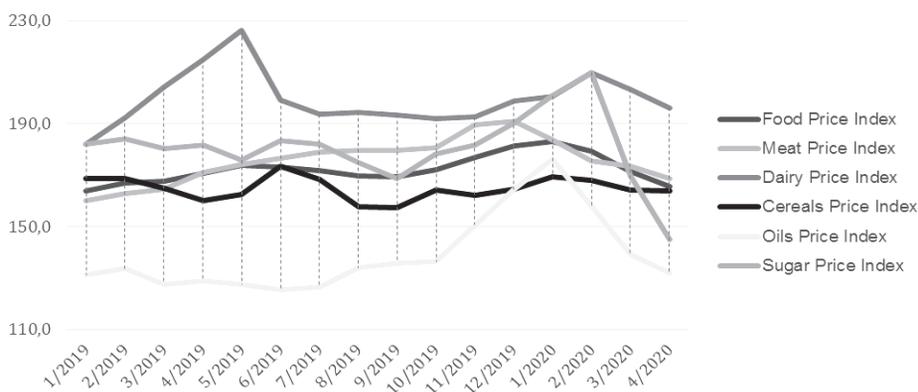


Рис. 3. Динамика индексов цен на продовольственные товары ФАО в 2019–2020 гг.

Источник: составлено авторами по FAO Food Price Index 2020.

<http://www.fao.org/worldfoodsituation/foodpricesindex/en/>

Ожидается, что снижение цен на мировых продовольственных рынках смягчит проблемы глобальной продовольственной безопасности, но не может гарантировать отсутствие роста цен в отдельных странах в национальных валютах из-за их обесценивания по отношению к доллару США, и не может предотвратить некоторые национальные и даже глобальные сбои в поставках продуктов питания.

Кроме того, дополнительную устойчивость глобальной продовольственной системе в условиях кризиса 2020 г. придает диверсификация экспорта и импорта. Высокая концентрация экспортеров делает рынки чувствительными к ограничениям или политическим вмешательствам,

навязанным крупными игроками, что может поставить под угрозу доступ к продовольствию для импортеров. И наоборот, высокая концентрация на стороне импорта может означать, что резкое сокращение спроса на импорт одного или двух основных импортеров может поставить под угрозу потоки доходов для экспортеров, зависящих от этого сельскохозяйственного экспорта.

Оценка степени концентрации основных продовольственных рынков накануне продовольственного кризиса 2007–2008 гг. и накануне пандемии 2020 г. с использованием индекса Херфиндаля-Хиршмана (НИ) показала, что концентрация торговли сельскохозяйственной продукцией снизилась по многим продуктам как со стороны экспорта, так и со стороны импорта, за исключением торговли соей, где имеется доминирующий импортер Китай и несколько крупных экспортеров – США, Бразилия, Аргентина, Парагвай [19]. Участие большого количества игроков в мировой торговле агропродукцией предполагает, что система мировой торговли агропродовольственными товарами становится более устойчивой в глобальном масштабе.

Важную роль в сглаживании проблем продовольственной безопасности играют продовольственные запасы. В отличие от глобального продовольственного кризиса 2007–2008 гг., когда продовольственные запасы находились на минимальном уровне с 1973 г., в начале кризиса, вызванного распространением COVID-19, запасы зерновых находились на уровне многолетнего максимума (около 850 млн тонн), что в два раза выше, чем в начале кризиса 2007–2008 гг. Этот высокий уровень запасов не может полностью гарантировать защиту от продовольственного кризиса во всех странах, но может обеспечить защиту от последствий возможных неблагоприятных погодных условий в сельскохозяйственный сезон 2020–2021 гг. Более того, по предварительному прогнозу ФАО, в 2020 г. мировой объем производства зерновых составит 762,6 млн т., что примерно соответствует уровню 2019 г., при этом чуть меньший урожай, ожидаемый в одних странах (ЕС, Украине, США) будет уравновешен более высоким урожаем в других странах (в России, в Австралии, в Казахстане, в Индии) [1].

Продовольственная безопасность в новых условиях. Состояние продовольственной безопасности в мире вызвало тревогу и до наступления вспышки пандемии COVID-19. По оценкам ФАО, в 2016–2018 гг. в мире недоедали 821 млн человек [9].

Глобальными трендами в продовольственной сфере являются: быстрый рост населения Земли, особенно в странах азиатско-тихоокеанского региона, Индии, Африке, в результате которого к 2050 г. ожидается дополнительное увеличение потребности в продуктах питания от 49% до 60%; урбанизация, в результате которой численность сельского населения сократится на 11% к 2050 г. в сравнении с 2019 г.; повышение благосостояния и рост спроса на качественные продукты; изменение структуры потребления как следствие урбанизации, роста благосостояния и глобализации; изменение климата и участвовавшие случаи возникновения

экстремальных климатических явлений; замедление роста экономики; политические конфликты. Часть перечисленных трендов носят позитивный характер для развития агропродовольственного сектора, другая часть становится испытанием для мирового сельского хозяйства и факторами риска снижения продовольственной безопасности.

Особую обеспокоенность вызывают бедность и неравенство доходов населения, рост безработицы, которые ограничивают доступ к продовольствию и препятствуют достижению целей продовольственной безопасности. В то же время сельскохозяйственное производство ограничено растущей нехваткой и снижением качества земли и водных ресурсов, а также недостаточным объемом инвестиций в развитие устойчивого сельского хозяйства [23].

Ожидается, что в результате пандемии COVID-19 ситуация с продовольственной безопасностью усугубится на национальном уровне для отдельных стран, а также во всех странах для уязвимых групп населения. Можно ожидать активизации политики укрепления суверенитета на национальном и региональном уровнях. Например, в ЕАЭС для лучшего обеспечения населения в связи с возможным ухудшением ситуации был временно запрещен вывоз за пределы союза гречки, риса и репчатого лука, и временно ограничен вывоз чеснока, репы, ржи, проса, крупы, муки грубого помола и гранул из зерна злаков, обрубленного гречневого зерна, готовых пищевых продуктов из гречки, дробленых и недробленых соевых бобов и семян подсолнечника.

На национальном уровне меры укрепления продовольственной безопасности, как правило, сосредоточены на поддержке национального агропродовольственного сектора.

Так, в Канаде для поддержки агропродовольственного сектора и обеспечения безопасности работников сектора по всей цепочке поставок продуктов питания выделено 50 млн долл. США для соблюдения обязательного 14-дневного карантина работниками, прибывающими из-за границы, выплачивается по 1500 долл. США на каждого прибывающего временного иностранного работника, ограничения на въезд в страну для которых отменены; для поддержки финансовой устойчивости предприятий дополнительно выделено 5 млрд долл. США кредитных средств предприятиям агросектора и 62,5 млн долл. США – сектору переработки рыбы и морепродуктов; для обеспечения предприятий сектора средствами индивидуальной защиты, модернизации и автоматизации производственных процессов с целью их адаптации к новым медицинским требованиям создан Чрезвычайный фонд в размере 77,5 млн долл. США; для помощи производителям, столкнувшимся с дополнительными расходами, связанными с COVID-19, запущена национальная инициатива AgriRecovery на сумму до 125 млн долл. США; для покрытия расходов, связанных с увеличением сроков хранения сыра и масла выделено 200 млн долл. США; для закупки излишков продуктов питания запущена Программа с первоначальным фондом в 50 млн долл. США и другие меры [5].

В Китае для поддержки малого и среднего сельскохозяйственного бизнеса выделено 500 млрд юаней кредитных средств под низкие процентные ставки; в некоторых провинциях выделяются субсидии в 300 юаней временным сельскохозяйственным работникам [7].

В плане глобальных усилий международного сообщества необходимо обеспечить доступ к продовольствию для наиболее уязвимых групп населения, особенно в условиях возможного продовольственного кризиса, расширить масштаб гуманитарных мероприятий по обеспечению продовольственной безопасности [2].

Основными мерами поддержки национальной продовольственной безопасности в условиях пандемии COVID-19 должны стать:

- совершенствование антиимпортной политики;
- содействие развитию новейших технологий, обеспечивающих рост производительности труда в агропродовольственном секторе;
- создание институциональных условий для обеспечения конкуренции и прозрачности на рынках сельскохозяйственной продукции;
- поддержка мелких фермеров, направленная на повышение их производительности и содействие сбыту их продукции, в том числе с использованием инструмента государственного заказа для поставок фермерской продукции в государственные учреждения образования, здравоохранения и др.;
- ускорение развития новых каналов продаж для производителей продуктов питания, в том числе электронной торговли сельскохозяйственной продукцией и продовольственными товарами;
- строительство и реконструкция хранилищ и перерабатывающих предприятий с учетом новых требований социального дистанционирования;
- снятие торговых ограничений и обеспечение бесперебойных поставок сырьевых товаров, промежуточных товаров и полуфабрикатов, комплектующих, участвующих в производстве готовой продукции;
- расширение международного сотрудничества с традиционными и новыми партнерами.

Таким образом, пандемия COVID-19 уже оказывает непосредственное воздействие на продовольственные системы, воздействуя на спрос и предложение, а косвенно, что не менее важно, за счет снижения покупательной способности, на возможность производить и распределять продукты питания.

Последствия влияния пандемии для продовольственной безопасности и доступности продовольствия для населения зависят от продолжительности вспышки COVID-19, в том числе от того состоится ли вторая волна пандемии, а также от эффективности мер по сдерживанию распространения пандемии.

Литература

1. Падение мировых цен на продовольственные сырьевые товары в апреле продолжилось. URL: <http://www.fao.org/news/story/ru/item/1274153/icode/> (дата обращения 19.05.2020).
2. Прогноз последствий пандемии COVID-19 в условиях гуманитарных и продовольственных кризисов. Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН. 4 апреля 2020 г. URL: <http://www.fao.org/publications/card/ru/c/CA8464RU> (дата обращения 9.05.2020).
3. Страны СНГ вводят торговые ограничения на фоне пандемии COVID-19. URL: <http://www.fao.org/gIEWS/food-prices/food-policies/detail/ru/c/1269733/> (дата обращения 9.05.2020).
4. Baltic Exchange Dry Index. 1985-2020 Data. URL: <https://tradingeconomics.com/commodity/baltic> (дата обращения 19.05.2020).
5. Canada's COVID-19 Economic Response Plan. URL: <https://www.canada.ca/en/department-finance/economic-response-plan.html> (дата обращения 22.05.2020).
6. *Chernova, V., & Noha, V.* (2019). A study of the characteristics of food import dependence of the countries // *Amazonia Investiga*, 8(24), 484-492.
7. COVID-19 and the impact on agriculture and food security. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_dialogue/---sector/documents/briefingnote/wcms_742023.pdf (дата обращения 14.05.2020).
8. FAO (2020) The Global Report on Food Crises. P. 20, 21. URL: <http://www.fao.org/resilience/resources/resources-detail/en/c/1187704/> (дата обращения 14.05.2020).
9. FAO. FAOSTAT 2020. <http://www.fao.org/faostat> (дата обращения 9.05.2020).
10. Food Engineering. 2019. Top 100 Food & Beverage Companies <https://www.foodengineeringmag.com/2019-top-100-food-beverage-companies> (дата обращения 19.05.2020).
11. *Fouquin M., Chaponniere J.-R.* Coronavirus : un grain de sable dans l'économie mondiale. Billet du 2 mars 2020. URL: <http://www.cepii.fr/BLOG/bi/post.asp?IDcommuniqu=786> (дата обращения 19.05.2020).
12. Global Food Systems: An Outlook to 2050. URL: <https://www.iris-france.org/wp-content/uploads/2019/02/Food-Systems-2019-compressed.pdf> (дата обращения 9.05.2020).
13. *Hey J.* (2020). Coronavirus: measuring the market impact. URL: <http://www.fruitnet.com/asiafruit/article/181021/coronavirus-measuring-themarket-impact> (дата обращения 16.05.2020).
14. *Hirtzer M., Skerritt J.* (2020). Americans on Cusp of Meat Shortage With Food Chain Breaking Down. April 27. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2020-04-27/americans-face-meat-shortages-while-farmers-are-forced-to-cull> (дата обращения 16.05.2020).
15. ILO (2020). Almost 25 million jobs could be lost worldwide as a result of COVID-19, says ILO. Press release. 18 March 2020. URL: https://www.ilo.org/global/about-the-ilo/newsroom/news/WCMS_738742/lang--en/index.htm (дата обращения 17.05.2020).
16. IMF 2020. World Economic Outlook Update, June 2020. A Crisis Like No Other, An Uncertain Recovery. URL: https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2020/06/24/WEOUpdateJune2020?utm_medium=email&utm_source=govdelivery (дата обращения 4.07.2020).
17. OECD (2020). OECD updates G20 summit on outlook for global economy. URL: <https://www.oecd.org/newsroom/oecd-updates-g20-summit-on-outlook-for-global-economy.htm> (дата обращения 9.05.2020).
18. *Ratha, Dilip K.; De, Supriyo; Kim, Eung Ju; Plaza, Sonia; Seshan, Ganesh Kumar; Yameogo, Nadege Desiree.* 2020. COVID-19 Crisis Through a Migration Lens (English). Migration and Development Brief; no. 32. Washington, D.C.: World Bank Group. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/989721587512418006/COVID-19-Crisis-Through-a-Migration-Lens> (дата обращения 29.04.2020).
19. *Schmidhuber Josef & Qiao, Bing.* (2020). Comparing Crises: Great Lockdown versus Great Recession Comparing crises: "Great Lockdown" vs "Great Recession" 10.4060/ca8833en.

20. *Segal S., Gerstel D.* (2020). The Global Economic Impacts of COVID-19 March 10, 2020. URL: <https://www.csis.org/analysis/global-economic-impacts-covid-19> (дата обращения 13.05.2020).
21. *Serraj, Rachid & Pingali, Prabhu.* (2019). Agriculture & Food Systems to 2050: Global Trends, Challenges and Opportunities. 10.1142/11212.
22. *Telford T., Kindy K., Bogage J.* (2020). Trump orders meat plants to stay open in pandemic. April 29, 2020. URL: <https://www.washingtonpost.com/business/2020/04/28/trump-meat-plants-dpa/> (дата обращения 19.05.2020).
23. The future of food and agriculture. Alternative pathways to 2050. URL: <http://www.fao.org/publications/fofa> (дата обращения 19.05.2020).
24. The world's food system has so far weathered the challenge of covid-19. Briefing May 9th 2020. URL: https://www.economist.com/briefing/2020/05/09/the-worlds-food-system-has-so-far-weathered-the-challenge-of-covid-19?src=newsletter&utm_campaign=the-econo-mist-today&utm_medium=newsletter&utm_source=salesforce-marketing-cloud&utm_term=2020-05-08&utm_content=article-link-1 (дата обращения 15.05.2020).
25. UNWTO, 2020. Tourism And COVID-19. Updated April 14 2020. URL: <https://www.unwto.org/tourism-covid-19> (дата обращения 14.05.2020).
26. World Bank 2020 Food Security and COVID-19 May 4, 2020. URL: <https://www.worldbank.org/en/topic/agriculture/brief/food-security-and-covid-19> (дата обращения 10.05.2020).
27. World Bank URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NE.IMP.GNFS.ZS> (дата обращения 10.05.2020).

B. Kheyfets (e-mail: bah412@rambler.ru)

Grand Ph.D. in Economics, Chief Researcher

Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences,

Full Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow

V. Chernova (e-mail: veronika_urievna@mail.ru)

PhD in Economics, Senior Lecturer, Peoples' Friendship University of Russia, Associate

Professor, Institute of Marketing (The State University of Management), Moscow

COVID-19 PANDEMIC INFLUENCE ON GLOBAL FOOD SECURITY

The article analyzes forecasts and predictions of the COVID-19 impact on global food security and the sustainability of the global food system. It is noted that the complexity of the global food system creates many potential “bottlenecks”. However, although the situation with food security throughout the world was alarming even before the outbreak of the COVID-19 pandemic, the decline in production and global trade in food and agricultural raw materials in 2020 will be lower than for other goods and services, and the food security will globally deteriorate mainly for some vulnerable population groups as well as in certain countries at the national level.

Key words: food security, agriculture, global food system, food, agri-food markets, food imports.

DOI: 10.31857/S020736760010592-0

Нина Пусенкова

кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений Российской академии наук
(e-mail: proussenkova@imemo.ru)

ОПЫТ РЕФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ НЕФТЯНЫХ КОМПАНИЙ

В статье анализируются важнейшие направления энергетических реформ, проведенных в нефтегазодобывающих странах Алжире, Анголе, Бразилии, Индонезии, Колумбии, Мексике, Нигерии, Саудовской Аравии. Исследуются ключевые аспекты этих реформ, такие как отмена субсидий на топливо, частичная приватизация национальных нефтяных компаний, демонополизация сектора, создание независимого регулятора, меры по привлечению в страну международных нефтяных компаний. Рассматриваются основные факторы, способствующие проведению реформ, причины их успехов и провалов, а также последствия для национальных нефтяных компаний этих государств.

Ключевые слова: энергетические реформы, национальные нефтяные компании, субсидии на топливо, частичная приватизация, демонополизация, лицензионная политика, иностранные инвесторы.

DOI: 10.31857/S020736760010593-1

Российская нефтяная промышленность сейчас переживает тяжелые времена. На нее обрушился настоящий «идеальный шторм»: сочетание тяжелого налогового бремени, стареющей углеводородной базы, падающего потребления нефти, низких цен, антироссийских санкций, ожидаемого в обозримом будущем пика спроса на нефть. Очевидно, в такой ситуации реформы, о которых так много и так давно говорили и эксперты, и сами нефтяники, становятся необходимыми как никогда ранее.

Однако, как показывает опыт других нефтегазодобывающих стран, реформы – дело сложное, иногда весьма болезненное, особенно если нефтяной сектор находится в сильно запущенном состоянии. Их важно провести вовремя, последовательно и продуманно, так, чтобы действительно помочь национальным нефтяным компаниям (ННК) укрепить свою конкурентоспособность и пережить трудные времена, а не навредить. Для этого многие государства стараются снять со своих национальных нефтяных компаний излишние социальные или регулятивные функции, облегчить их налоговое бремя, создать условия для демонополизации сектора, провести частичную приватизацию ННК и привлечь в отрасль международные компании.

К настоящему времени реформы прошли или проходят в Алжире, Анголе, Бразилии, Индонезии, Индии, Колумбии, Мексике, Нигерии, Норвегии, Саудовской Аравии. Эти страны различны по макроэкономическим показателям, политическому строю, углеводородным запасам и динамике добычи нефти и газа. Да и реформы в них идут по-разному: где-то успешно и последовательно, где-то по принципу «шаг вперед,

два шага назад». Иногда их результаты видны сразу, иногда приходится долго ждать положительных изменений. Но в реформах есть и общие черты, позволяющие сделать важные выводы для российской нефтянки.

Во-первых, обычно реформаторы активизируются при низких ценах на нефть; продолжительные периоды высоких цен традиционно порождают у руководства страны самоуспокоенность и, зачастую, приступы ресурсного национализма. Кроме того, важным стимулом для проведения реформ становятся сложности, возникающие в нефтяном секторе, либо вызванные старением и истощением ресурсной базы, либо нерациональным управлением национальным углеводородным достоянием.

Во-вторых, опыт всех государств, где прошли реформы, показывает, что главным их драйвером становится политическая воля лидера страны, который чаще всего только что пришел к власти, и осознает, что «так дальше жить нельзя», и что национальную нефтяную компанию нужно поддержать и создать ей оптимальные условия для работы.

Так произошло в середине 2000-х годов в Колумбии, когда новый президент Альваро Урибе провел серию широкомасштабных реформ, понимая, что без радикальных перемен нефтедобыча в Колумбии продолжит падение, и страна может лишиться статуса экспортера нефти (со всеми вытекающими отсюда последствиями для экономики и госбюджета). Его энергетические реформы (в сочетании с жесткими мерами по обеспечению безопасности в стране и нейтрализации наркобаронов и повстанцев) оказались настолько успешны, что привели к «энергетическому возрождению» Колумбии¹.

Так происходит и в наши дни в Анголе, где Жоау Лоуренсу сменил в сентябре 2017 года Хосе Эдуардо Душ Сантуша, правившего страной 38 лет. Новый президент унаследовал нефтегазовый сектор, страдающий от коррупции, бюрократизма и неэффективности. Более того, нефтедобыча в основном ведется на ангольском шельфе, в глубоких и сверхглубоких водах, и поэтому отличается крайне высокой капиталоемкостью. Соответственно нефтянка Анголы очень сильно зависит от мировых цен на нефть, и в результате кризиса 2008–2009 годов и коллапса цен 2014 года добыча в стране, которая до этого быстро росла, начала снижаться (см. график) из-за естественного старения месторождений и отсутствия инвестиций в новые проекты². Лоуренсу стал наводить порядок в застойной нефтяной промышленности и в национальной компании Sonangol, долгое время служившей личной вотчиной семьи Душ Сантуш. Уже в октябре 2017 года правительство инициировало широкомасштабный анализ проблем нефтегазового сектора и попыталось заручиться поддержкой потенциальных инвесторов, призывая международные нефтяные компании давать свои рекомендации по проведению

¹ Working Paper Colombia's Energy Renaissance, *Lisa Viscidi*, November 30, 2010, <https://www.as-coa.org/articles/colombias-energy-rennaissance>

² <https://www.offshore-technology.com/comment/angolas-return-to-oil-growth-vulnerable-to-price-fluctuations/>

реформ. Лоуренсу также снял Изабель Душ Сантуш, которая использовала денежные потоки государственной компании в своих личных целях³, с должности главы Sonangol, заменив ее Карлосом Сатурнино⁴.

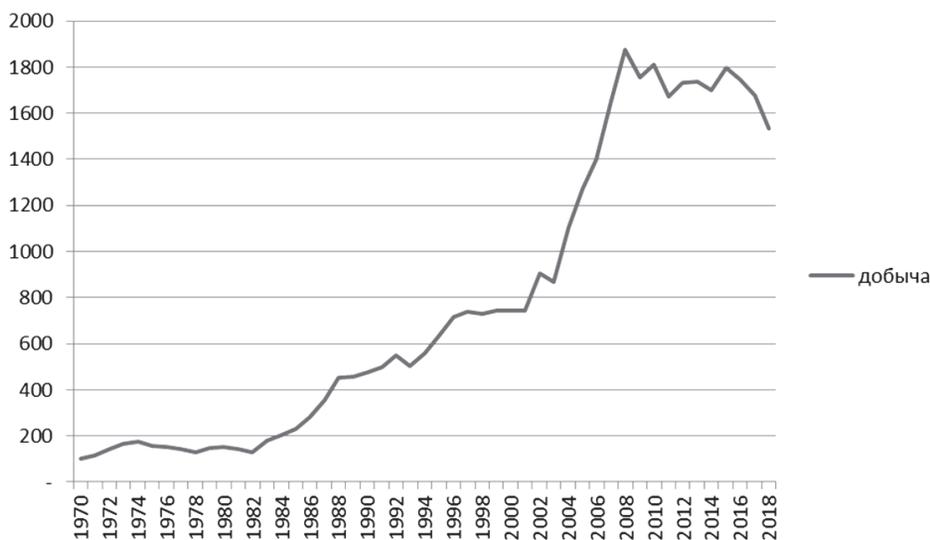


Рис. 1. Добыча нефти в Анголе, 1970–2018 (тыс. бар./д)

Источник: BP Statistical Review of World Energy. 2019.

Но при этом лидеры могут стать и «могильщиком» реформ. Иногда новый руководитель поворачивает вспять процесс преобразований, инициированных его предшественником — с соответствующими негативными последствиями для нефтяного сектора и национальной нефтяной компании страны. Так, Андреас Мануэль Лопес Обрадор, ставший президентом Мексики 1 декабря 2018 года, приостановил широкомасштабные реформы, начатые его предшественником Энрике Пенья Ньето, открывшим мексиканскую нефтянку для столь необходимых ей иностранных инвестиций. Новый президент решил, что национальная нефтяная компания Мексики Pemex сама, без помощи международных мейджоров, справится с проблемами (что у нее никак до этого не получалось), то есть фактически похоронил надежды на возрождение сектора⁵.

³ Forbes, Денежная машина для дочери президента: как создала бизнес богатейшая женщина Африки и гражданка России Изабель душ Сантуш, Юлия Котова, Андрей Злобин, 20.01.2020, <https://www.forbes.ru/milliardery/391481-denezhnaya-mashina-dlya-docheri-prezidenta-kak-sozdala-biznes-bogateyshaya>

⁴ Ian Lewis. August 23, 2018, Petroleum Economist, Angola loosens Sonangol's grip on oil sector. The new leadership in Luanda is pushing ahead with wide-ranging reforms. <https://www.petroleum-economist.com/articles/politics-economics/africa/2018/angola-loosens-sonangol-s-grip-on-oil-sector>

⁵ Foreign Policy, Mexico Tries to Turn Back the Clock on Energy. Forget the energy opening: López Obrador works to restore the primacy of Pemex, the state-owned oil giant. Keith Johnson, October 4, 2019. <https://foreignpolicy.com/2019/10/04/mexico-amlo-lopez-obrador-energy-reform-rollback-pemex/>

Итак, реформы направлены, прежде всего, на то, чтобы помочь национальным нефтяным компаниям адаптироваться к новым энергетическим реалиям. ННК – это компании нефтегазодобывающих стран, развивающихся или с переходной экономикой. Они полностью или частично принадлежат государству и являются либо единственным, либо основным игроком в нефтегазовом секторе. Будучи важным инструментом государственной политики, ННК выполняют по поручению правительства некоммерческие – социальные или политические – функции и получают за это дополнительные льготы, например, налоговые преференции или защиту от конкуренции со стороны международных нефтяных компаний.

Часть некоммерческих функций, такие как поддержка образования, не мешает реализации основной производственной задачи ННК – эффективной разведке и добыче углеводородов. Но для национальных нефтяных компаний тяжелым бременем оказывается обязательство поставлять топливо населению по субсидируемым ценам.

Во многих странах реформы, в первую очередь, нацелены на устранение топливных субсидий. Эта некоммерческая функция давит на бюджеты ННК, ведет к нерациональному и расточительному потреблению нефтепродуктов и может подорвать способность страны экспортировать «черное золото». Более того, хотя в теории предполагается, что субсидии на топливо должны помогать беднейшим слоям, на практике получается совсем иначе. Так, исследование Мирового банка “Winds of Change: East Asia’s Sustainable Energy Future”, проведенное в 2010 году в Индонезии, стране, где рост внутреннего спроса на топливо и снижение нефтедобычи уже привели к тому, что прежде крупное нефтедобывающее государство стало чистым импортёром нефти, показало: субсидии, предназначавшиеся для поддержки бедняков, в конечном итоге оказывались выгодны богатым индонезийцам⁶.

Но поскольку отмена субсидий грозит тяжкими социальными последствиями, государству приходится балансировать между двумя разными задачами – обеспечение энергетической безопасности страны и общественного спокойствия – что ему не всегда удается.

Например, из-за субсидий на топливо сложная ситуация сложилась в Нигерии. Они дорого обходятся государству и NNPC, нигерийской национальной нефтяной компании. Регулируемые цены на нефтепродукты создают благодатную почву для коррупции. Нигерийцы со связями покупают топливо у NNPC по субсидируемым ценам и перепродают по рыночным. Так возникает дефицит, и развивается черный рынок, а основную выгоду от субсидий извлекают состоятельные нигерийцы – владельцы фирм-импортеров топлива. В результате крупная нефтедобывающая страна вынуждена закрывать львиную долю внутреннего спроса на нефтепродукты за счет импорта. Ведь низкие цены не стимулируют нигерийские НПЗ увеличивать объемы переработки: NNPC выгоднее

⁶ Jakarta Globe. Indonesia’s Fuel Subsidies Help Rich, Not Poor: World Bank, April 20, 2010, <https://www.eco-business.com/news/indonesias-fuel-subsidies-help-rich-not-poor-world/>

экспортировать сырую нефть, чем поставлять ее на местные заводы. Но когда правительство в январе 2012 года отменило субсидии, в результате чего цены на топливо и плата за проезд выросли вдвое, началась всеобщая забастовка, возглавляемая профсоюзами. Правительство обещало направить те 8 млрд. долл., которые оно ежегодно выделяет на субсидии, на улучшение образования, здравоохранения и электроснабжения Нигерии. Но многие малообеспеченные нигерийцы опасались, что эти деньги осядут в карманах чиновников, и считали, что дешевое топливо – единственное благо, которое они получают от нефтяного богатства отчизны. Уже через две недели власти пошли на попятную, частично восстановив субсидии: ведь общественные протесты и массовые забастовки едва не привели к остановке нефтедобычи в стране⁷.

Ликвидация субсидий вызвала проблемы и в Бразилии. В ходе реформ 1990-х годов был установлен график либерализации цен на топливо: она завершилась к 2002 году. Но компания Petrobras, финансовое положение которой упрочилось, когда с нее сняли бремя субсидий, особо отмечала в 2010 году в своем проспекте эмиссии среди рисков, связанных с ее взаимоотношениями с бразильским федеральным правительством: «До января 2002 года бразильское федеральное правительство регулировало цены на нефть и нефтепродукты, иногда устанавливая их ниже уровня, существовавшего на тот момент на мировых нефтяных рынках. Мы не можем гарантировать, что в Бразилии не возобновится контроль над ценами»⁸.

Дурные предчувствия компанию не обманули. В январе 2011 года к власти пришла Дилма Руссефф, член левой Партии трудящихся. Новый бразильский президент рассчитывала, что доходы от запасов подсолевого горизонта помогут финансировать образовательные и социальные программы, которые выведут миллионы бразильцев из нищеты и будут способствовать дальнейшей модернизации Бразилии.

В рамках социальных программ президента Руссефф Petrobras снова пришлось продавать топливо потребителям по льготным ценам: с 2011 по 2014 год компания, по оценкам, потратила около 40 млрд долл. на субсидированные поставки дизеля и бензина. Компания из-за этого несла колоссальные убытки, которые, в сочетании с коррупционными схемами, в результате которых из нее было выведено порядка 5 млрд долл., подорвали долгосрочные перспективы ее развития. Так продолжалось до августа 2016 года, когда Дилма Руссефф была подвергнута процедуре импичмента, и многие члены правительства и представители высшего руководства Petrobras были отправлены в отставку – или в тюрьму. Например, уволилась Мария дас Грасас Силва Фостер, президент Petrobras, обвиненная в причастности к коррупционным схемам. Президентом Бразилии стал Мишель Темер, а президентом Petrobras –

⁷ BBC. Nigeria fuel subsidy strike: protests suspended. January 13, 2012, <https://www.bbc.com/news/world-africa-16544533>

⁸ Petrobras. Preliminary Prospectus Supplement. Dated September 3, 2010 Prospectus Supplement (To Prospectus dated December 11, 2009). https://docplayer.net/21767257-Petroleo-brasileiro-s-a-petrobras.html#show_full_text

Педро Паренте, бывший министр энергетики, который кардинально изменил ее стратегию. Все субсидии были ликвидированы, и цены на топливо в стране теперь менялись в соответствии с мировыми ценами. Финансовое положение компании улучшилось, но потребители топлива, в первую очередь водители грузовиков, испытали тяжелый шок, когда мировые цены на нефть начали быстро повышаться — за это время они выросли почти вдвое. В Бразилии вспыхнули забастовки дальнобойщиков, которые перекрывали крупные магистрали, полностью парализовав движение автотранспорта. Правительство пошло навстречу протестующим, восстановив субсидии. Летом 2018 года Педро Паренте подал в отставку: в своем письме президенту Темеру он написал, что забастовка водителей и последовавшая за ней смена правительственного курса поставила под вопрос ценовую политику, которую он проводил в Petrobras. На следующий день после его ухода акции компании упали почти на 20%⁹.

Недавно похожая ситуация сложилась в Иране. В конце 2019 года манифестации против скачка цен на бензин охватили практически всю страну. На этот шаг Тегеран пошел по рекомендации МВФ. При этом аналогичные меры — повышение цен на энергоносители и хлеб в рамках реформы субсидий — правительство Ирана принимало еще в 2010 году. Однако тогда они не вызвали протестов населения, в отличие от других стран, где проводилась такая же политика. В 2010 году избежать протестов помогли возмещающие выплаты на счета иранцев. В этот раз реформу тоже тщательно готовили, однако для населения повышение цен оказалось неожиданностью. О возмещении потерь власти заговорили только после того, как вспыхнули протесты. «Цель правительства — оказать поддержку гражданам со средним и низким уровнем дохода», — заявил президент Ирана Хасан Роухани. По его словам, для поддержки малоимущих у правительства было три варианта: повысить налоги, увеличить экспорт нефти или уменьшить субсидии. Он подчеркнул, что из-за санкций рост экспорта невозможен, увеличение налогов также ударило бы по населению. Повышение цен на бензин показалось властям самым безобидным вариантом. Однако эксперты отмечали, что такой шаг мог спровоцировать рост цен на все товары¹⁰.

Другое направление реформ, весьма политически сложное в развивающихся нефтедобывающих странах, — частичная приватизация ННК. Хотя для многих нефтяных держав приватизация «национального достояния» — политическое табу, она все же прошла в ряде государств. Так, у правительства осталось 98,5% саудовской Saudi Aramco, 90% китайской PetroChina, 88,3% колумбийской Ecopetrol, 68,9% индийской ONGC, 67% норвежской Equinor, 60% оманской PDO, 55% китайской Sinopec, 28,6% бразильской Petrobras.

Чаще всего приватизация ННК проводится для того, чтобы пополнить бюджеты нефтегазодобывающей страны; в некоторых случаях чиновники

⁹ BBC news, Brazil Petrobras oil boss Pedro Parente resigns amid protests, June 1, 2018, <https://www.bbc.com/news/world-latin-america-44336781>

¹⁰ Иран загорелся от бензина. Протесты охватили почти всю страну. Газета "Коммерсантъ" № 212 от 19.11.2019. С. 6.

осознают, что частичная приватизация может повысить эффективность и конкурентоспособность национальной нефтяной компании. Как подчеркивают эксперты Мирового банка, «частично приватизированные ННК лучше создают ценность, поскольку попадают под воздействие рынка и менее подвержены политическому влиянию»¹¹.

Пример успешной приватизации — Колумбия. Став акционерным обществом в 2007 году и продав в первом раунде IPO 10,1% акций за 2,8 млрд долл., ее национальная нефтяная компания Esocretrol отделила свой инвестиционный бюджет от госбюджета. Второй раунд приватизации прошёл в 2011 году: тогда компания выручила 1,3 млрд. долл. за 1,6% акций. Менеджмент Esocretrol теперь самостоятельно принимает решения по капвложениям, и на него больше не распространяются государственные правила по привлечению подрядчиков. В совете директоров компании, состоящем из девяти человек, шестеро — независимые директора.

В последние годы вопрос о необходимости дальнейшей приватизации колумбийской ННК встал особенно остро. Президент Иван Дуке Маркес, столкнувшись с дефицитом государственного бюджета, усугубленного проблемой венесуэльских беженцев, устремившихся в Колумбию, подумывает о продаже дополнительного пакета (10-12%) акций Esocretrol, но аналитики признают, что этот шаг может быть чреват серьезным политическим риском и столкнется с сопротивлением Конгресса¹².

В Бразилии приватизация ее ННК оказалась довольно противоречивой. В 2000 году Petrobras разместила пакет акций на Нью-Йоркской фондовой бирже, заработав 4,1 млрд долл. Эксперты признают, что частичная приватизация и либерализация отрасли помогли Petrobras добиться выдающихся успехов. Действительно, она обеспечила Бразилии независимость от импорта нефти, страна стала мировым лидером по глубоководному бурению, совершила впечатляющие открытия на подсолевом горизонте.

Но пример Бразилии убедительно демонстрирует риски, связанные с частичной ренационализацией. Летом 2009 года правительство обнародовало планы новой реформы: оно хотело увеличить государственную долю доходов, получаемых от разработки подсолевого горизонта. В её рамках Petrobras было передано 5 млрд баррелей «подсолевых» запасов в обмен на увеличение доли государства в компании. Когда правительство объявило об этом решении, на Уолл-стрит и Фондовой бирже Сан-Паоло поднялась паника: за день капитализация компании рухнула на 7 млрд долл. Инвесторов пугало «разводнение» акций и усиление государственного вмешательства в деятельность Petrobras. В сентябре 2010 года Petrobras поставила мировой рекорд, разместив акций на 70 млрд долл. Бразильское государство приобрело ее ценные бумаги на 42,5 млрд долл.¹³.

¹¹ World Bank working paper # 218. National Oil Companies and Value Creation published on jul 14, 2011, <https://issuu.com/world.bank.publications/docs/9780821388310>

¹² National Oil Companies and Value Creation. July 14, 2011, <https://www.americasquarterly.org/article/colombias-finances-are-strained-is-privatization-the-next-step/>

¹³ Коммерсантъ, Petrobras привлек 70 млрд долл. в ходе крупнейшего IPO, 24.09.2010, <https://www.kommersant.ru/doc/1735777>

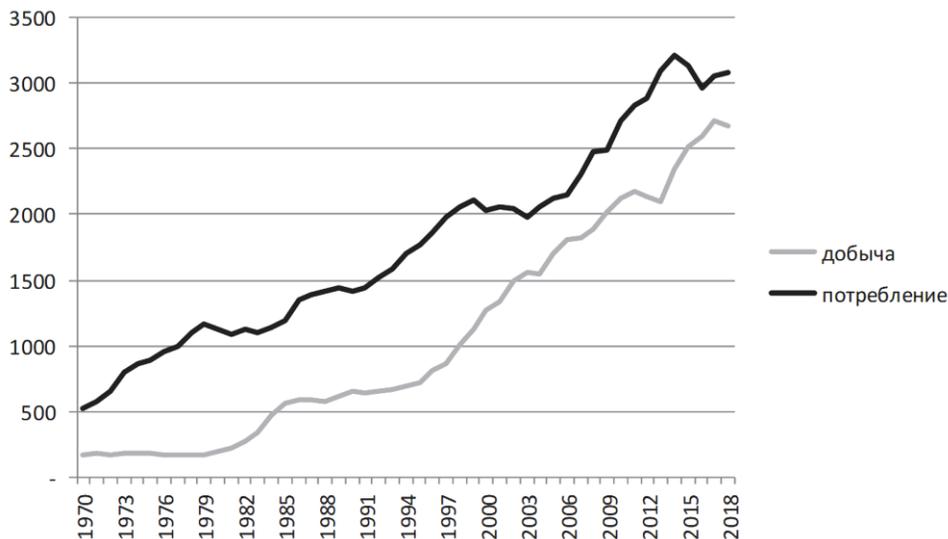


Рис. 2. Добыча и потребление нефти в Бразилии, 1970–2018 (тыс. бар./д)
 Источник: BP Statistical Review of World Energy. 2019.

Возможно, это — просто совпадение, но после реформы 2010 года начался подлинный крах Petrobras, которая до этого была признанной «звездой» мировой нефтянки. Во многом он был спровоцирован коррупцией и государственным вмешательством в ее деятельность. Компанию превратили в денежную машину для финансирования различных политических партий. После обвала нефтяных цен в 2014 году и коррупционных скандалов, арестов президентов Бразилии и президентов компании, чистый долг Petrobras вырос до 128 млрд долл. к концу 2014 года (мировой рекорд нефтянки на тот момент)¹⁴. Экономика страны также переживала не лучшие времена. Новый президент Бразилии (с 1 января 2019 года) Жаир Болсонару, сменивший Мишеля Темера, посаженно-го в тюрьму по обвинению в коррупции, унаследовал массу экономических и социальных проблем, и одним из способов их решения, очевидно, может стать дальнейшая приватизация Petrobras.

В августе 2019 года появилась информация о том, что правительство оценивает возможность продажи дополнительного пакета акций Petrobras, чтобы привлечь средства для федерального бюджета и создать более конкурентный топливный рынок, который позволил бы снизить цены на топливо. (Сейчас т.н. «контролирующей группе» принадлежит 36,75% всего капитала Petrobras (в том числе федеральному правительству — 28,67%); бразильским инвесторам — 41,21% (в том числе владельцам АДР — 18,17%); бразильским инвесторам — 22,04%)¹⁵. О неоднозначном отношении к этому процессу говорит тот факт, что бразильское министерство горнодобывающей

¹⁴ America's Quarterly. Brazil's Petrobras: Not Dead After All. Christopher Lenton, November 4, 2017. <https://www.americasquarterly.org/fulltextarticle/brazils-petrobras-not-dead-after-all/>

¹⁵ <https://www.investidorpetrobras.com.br/en/overview/shareholding-structure/>

промышленности и энергетики выступает против дальнейшей приватизации Petrobras. Жаир Болсонару намеревается осуществить свой план к концу президентского срока в 2022 году. Показательно, что сразу же после появления этой информации курс акций компании вырос на 5,5%¹⁶.

И в Анголе все активнее говорят о приватизации Sonangol. Министр минеральных ресурсов и нефти Диамантино Педро Аземедо заявил в январе 2020 года, что правительство достигло значительного прогресса в реструктуризации нефтегазового сектора. Было решено разместить на бирже до 30% акций Sonangol, причем ожидается, что этот шаг должен помочь компании не только привлечь средства для инвестиций, но и укрепить ее конкурентоспособность. Дальнейшие реформы включают планы по приватизации сервисных дочерних компаний Sonangol¹⁷.

Но основное приватизационное событие 2019 года – IPO Saudi Aramco, крупнейшей, самой влиятельной и самой прибыльной нефтяной компании мира. (В 2018 году она отчиталась о чистой прибыли в 111 млрд долл., что превышает суммарный показатель ExxonMobil, Shell, BP, Chevron и Total). Долгое время казалось, что приватизация «жемчужины в короне» Саудовской Аравии – святотатство для арабской страны. Но в королевстве, как и в ряде других нефтегазодобывающих государств, решающую роль сыграл человеческий фактор, а именно наследный принц Мухаммед бен Салман, который, поставив стратегическую задачу – диверсифицировать экономику и снизить зависимость от нефти, еще в 2016 году заговорил о частичной приватизации Saudi Aramco¹⁸.

Невзирая на все проблемы и препятствия (атаку беспилотников на НПЗ компании в сентябре 2019 года; риски, вызванные ее тесной связью с государством; политическую нестабильность на Ближнем Востоке; ожидания пика спроса на нефть; неопределенность, порождаемую климатической политикой)¹⁹, IPO все-таки состоялось. 4 декабря 2019 года самая дорогая компания мира разместила 1,5% своих акций на местной бирже. Оно стало крупнейшим за всю историю финансовых рынков как по стоимости проданных акций (25,6 млрд долл.), так и по капитализации компании (1,7 трлн долл.). Хотя ряд аналитиков полагает, что успех IPO был обманчивым, поскольку изначально ставились гораздо более амбициозные задачи: разместить 5% компании (с капитализацией в 2 трлн долл.) на международных биржах и выручить 100 млрд долл. Впрочем, с самого начала многие эксперты считали оценку, на которую ориентировался наследный принц, завышенной, и в целом диапазон оценок составлял

¹⁶ Kallanish Energy. Brazil to consider privatization of Petrobras. August 23, 2019. <https://www.kallanishenergy.com/2019/08/23/brazil-to-consider-privatization-of-petrobras/>

¹⁷ <https://africa.com/angola-set-to-attract-more-fdi-into-oil-and-gas-part-privatization-of-sonangol-by-2022-a-key-measure/>

¹⁸ Reuters. Business News. Saudi Aramco. The oil colossus. November 3, 2019 <https://www.reuters.com/article/us-saudi-aramco-ipo-factbox-idUSKBN1XD03T>

¹⁹ Подробно см. Проспект эмиссии Saudi Aramco, <https://www.saudiaramco.com/-/media/images/investors/saudi-aramco-prospectus-en-051219.pdf?la=en&hash=956359C5A7B69CB-FC6CE9E99F5DD56D590CFB99D>

от 1,2 трлн долл. до 2,3 трлн долл.²⁰. Но, невзирая на подобную критику, почин был сделан: это не только самое крупное первичное размещение акций в глобальном масштабе, но и первое среди нефтяных компаний арабского мира. Если результаты себя оправдают, возможно, частичная приватизация нефтяных активов пройдет и в других странах Ближнего Востока, ведь Saudi Aramco всегда была законодателем моды в нефтяном бизнесе.

Ещё одна некоммерческая функция ННК состоит в регулировании сектора: многие национальные компании управляют лицензионными раундами и ведут переговоры по условиям лицензий и контрактов с иностранными корпорациями. Одновременно ННК являются коммерческими организациями, участвующими в тендерах на приобретение лицензий, что создает благодатную почву для конфликта интересов. Чтобы решить эту проблему, ряд государств следуют примеру Норвегии, чья модель управления нефтянкой считается оптимальной. Она состоит из трех компонентов: выработки политики (Министерство нефтяной промышленности и энергетики), технической/регулятивной функции (Норвежский нефтяной директорат) и коммерческой составляющей (Equinor, в прошлом известная как Statoil). При этом Equinor во избежание конфликта интересов отстранена от лицензионной и регулятивной функций.

Реформы регулирования прошли в ряде нефтегазодобывающих стран во второй половине 1990-х – начале 2000-х годов с различным успехом. В целом, данное направление реформ, в отличие от ликвидации субсидий или частичной приватизации, не столь политизировано и вызывает меньше сопротивления оппозиции и населения.

Одной из первых на этот путь вступила Бразилия. В 1997 году, в ходе первого раунда реформ, Бразилия приняла закон о нефти и создала Agencia Nacional do Petroleo (ANP) и Conselho Nacional de Politica Energetica (CNPE). ANP – регулятор, отвечающий за выработку критериев для тендеров, оценку заявок и выдачу лицензий, а также за ведение национальной базы сейсмических данных (крупнейшей в мире) и предоставление газотранспортных лицензий. CNPE – совет, входящий в исполнительные органы власти, который консультирует президента по вопросам энергетической политики. А в рамках реформы 2010 года было образовано агентство Pre-Sal Petroleo SA. Оно должно заниматься административным управлением нефтедобычей на подсолевом горизонте. Если первый раунд реформ был очень благосклонно встречен мировым нефтяным сообществом, то второй их раунд (увеличение доли государства в Petrobras и создание дополнительного регулирующего ведомства) имел весьма неоднозначные последствия.

В Индии также прошли реформы регулирования. Индийская ONGC (Oil and Natural Gas Company) обладала почти полной монополией с 1955-го по 1995 год и фактически действовала как регулятор отрасли. Министерство

²⁰ Forbes, Обманчивый успех самого дорогого IPO: что скрывается за фасадом Saudi Aramco, Алексей Дебелов, 25.12.2019, <https://www.forbes.ru/finansy-i-investicii/389741-obmanchivyy-uspeh-samogo-dorogo-ipo-chto-skrivaetsya-za-fasadom-saudi>

нефтяной промышленности зависело от национальной нефтяной компании в плане координации деятельности в секторе. Но экономические приоритеты Индии постепенно менялись, и быстро рос внутренний спрос на топливо. Соответственно, эволюционировали и взаимоотношения ONGC с правительством. Проведя в середине 1990-х серию реформ, индийское руководство дистанцировалось от своей НК. В рамках New Exploration Licensing Policy (NELP), которую Индия ввела в 1998 году, лицензии стали выдаваться на открытых тендерах. ONGC должна теперь конкурировать за них наравне с другими игроками. В соответствии с NELP технический регулятор сектора upstream – Directorate General – заменил ONGC при администрировании тендеров и разведочных работ²¹.

В Колумбии президент Альваро Урибе подписал Декрет № 1760 от 26 июня 2003 года, направленный, в том числе, на освобождение Esopetrol от её регулятивных функций. Тогда был создан независимый регулятор в сфере разведки и добычи – National Hydrocarbons Agency (ANH). Министерство горнодобывающей промышленности и энергетики теперь занимается разработкой и реализацией энергетической политики и регулирует сегмент downstream²².

В Алжире 28 апреля 2005 года был принят Закон об углеводородах. Основное его достижение – разделение регулятивных и коммерческих функций Sonatrach. Регулятивные функции Sonatrach перешли к двум новым организациям: L'Agence Nationale de Controle et de Régulation des Activités dans le Domaine des Hydrocarbures (ARH) и L'Agence Nationale pour la Valorisation des Ressources en Hydrocarbures (ALNAFT). ARH берет на себя регулирование разведки и добычи углеводородов в Алжире, а также управление транспортными тарифами и доступом третьих лиц к транспортной инфраструктуре. Оно кроме того контролирует соблюдение стандартов производственной безопасности и экологических норм. ALNAFT управляет базой данных по углеводородам, оценивает конкурсные заявки, выдает лицензии на разведку и добычу, а также утверждает планы освоения месторождений.

Сейчас схожие процессы проходят в Анголе. Президент Лоуренсо в рамках проводимых им нефтяных реформ снимает с Sonangol функцию регулирования сектора. Одной из первых его мер стало решение о создании National Oil and Gas Agency (ANPG), которое будет отвечать за продажу нефтегазовых лицензий: это должно сделать инвестиции в разведку и добычу более прозрачными и привлекательными для иностранных компаний и урезать власть Sonangol. Компания передаст новому ведомству полномочия по нефтегазовым соглашениям, продаже лицензий и их управление к концу 2020 года²³.

²¹ Energy Information Administration. India. Last updated June 14, 2016. <https://www.eia.gov/international/analysis/country/IND>

²² Energy Information Administration. Colombia. Last updated: January 7, 2019. <https://www.eia.gov/international/analysis/country/COL/background>

²³ Petroleum Economist, August 23, 2018, Angola loosens Sonangol's grip on oil sector, *Ian Lewis*, <https://www.petroleum-economist.com/articles/politics-economics/africa/2018/angola-loosens-sonangol-s-grip-on-oil-sector>

Но показательно, что в некоторых странах ННК весьма успешно совмещают свою коммерческую функцию нефтегазодобывающей организации и регулятивную функцию — управление лицензионным процессом. Так, в Малайзии ее национальная компания Petronas по закону, принятому в 1985 году, во всех контрактах по разделу продукции имеет минимальную 15% долю. Кроме того, Petronas является регулятором сектора, управляя конкурсами и аукционами. Учитывая стабильно высокий уровень инвестиций и деловой активности в нефтянке Малайзии, такой подход вполне себя оправдывает.

Допуск иностранных компаний в сектор upstream — один из наиболее политически сложных аспектов реформ, вызывающий протест националистически настроенной оппозиции и населения, а иногда и самих нефтяных компаний, опасаящихся конкуренции. Но сейчас становится всё очевиднее, что ННК, пусть и сильно окрепшие финансово и технологически за период высоких цен на нефть, не могут обойтись без МНК.

Радушие ННК и их правительств к иностранным нефтяным компаниям зависит от мировых цен на нефть, сложности и дороговизны проектов, а также от политических, культурных и религиозных особенностей государства. В нефтегазовых странах наблюдается широкий диапазон отношений к присутствию мейджоров в национальном нефтяном секторе. На одном полюсе — Саудовская Аравия, где Saudi Aramco контролирует почти 100% нефтедобычи, а МНК допускаются в основном как подрядчики. На другом — Индонезия, где Pertamina даёт всего 30% нефтедобычи и крепки позиции мейджоров. Так, Chevron обеспечивает 40% производства индонезийского «черного золота»²⁴.

Образцом для подражания в этой сфере опять же можно считать Норвегию. Страна привлекала иностранные компании к становлению национальной нефтегазовой промышленности, создавала им стабильные и благоприятные условия деятельности, но при этом чётко отстаивала норвежские интересы.

К норвежскому идеалу, например, стремилась Колумбия. Показательно, что в рамках реформ, проведенных в Колумбии в середине прошлого десятилетия и сделавших ее одним из самых привлекательных в мире мест для работы в секторе upstream, МНК получили право владеть до 100% нефтедобывающих предприятий и конкурировать с Ecopetrol, которая дает 64% нефтедобычи и 62% газодобычи в стране. Также были изменены налоговый и лицензионный режимы: введена более низкая скользящая ставка роялти и продлены сроки разведочных лицензий. Благодаря кардинальным реформам 2000-х после продолжительного спада начался рост нефтедобычи (см. график); правда в последние годы опять наблюдается снижение, вызванное объективными ограничениями ресурсной базы Колумбии. Сейчас в отрасли работает более 100 компаний, в том числе зарубежных²⁵.

²⁴ Energy Information Administration. Indonesia. Last updated October 7, 2015. <https://www.eia.gov/international/analysis/country/IDN>

²⁵ Working Paper Colombia's Energy Renaissance, *Lisa Viscidi*, November 30, 2010, <https://www.as-coa.org/articles/colombias-energy-renaissance>

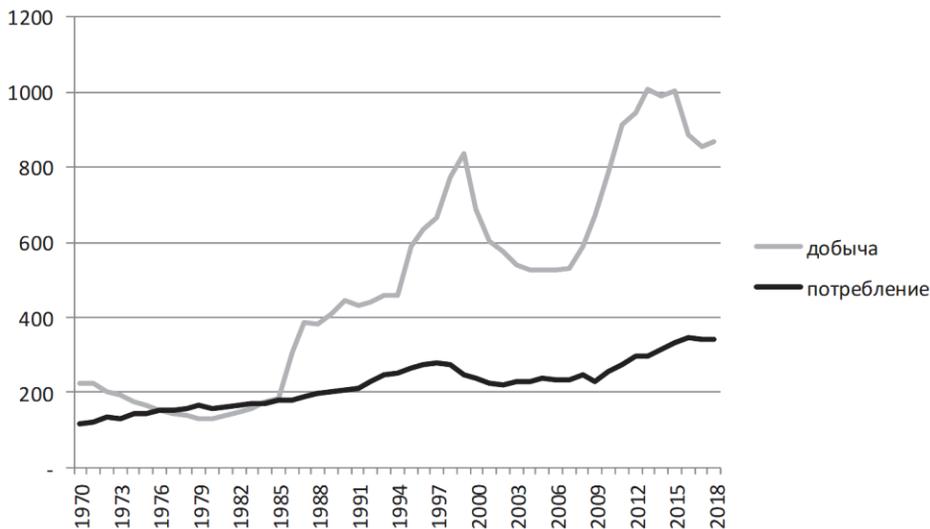


Рис. 3. Добыча и потребление нефти в Колумбии, 1970–2018 (тыс. бар./д)
 Источник: BP Statistical Review of World Energy. 2019.

Но при всем разнообразии моделей отношения нефтегазодобывающих стран к международным инвесторам можно отметить одну четкую закономерность. Когда наступают продолжительные периоды высоких цен на нефть, многие государства начинают страдать приступами ресурсного национализма, очевидно полагая, что подобная рыночная конъюнктура сохранится надолго, и иностранные компании будут готовы на все, лишь бы получить доступ к их углеводородным богатствам. Правда, и лекарство от этой болезни есть проверенное — снижение цен на нефть, в результате чего у нефтегазодобывающих стран быстро наступает отрезвление, и приходит понимание того, что без иностранных партнеров им не обойтись. Тем более, что в последние годы для ресурсного национализма условия сложились неблагоприятные: это и низкие цены на нефть, и сланцевая революция в США, и ожидания пика спроса на нефть, и возрастающая роль возобновляемых источников энергии.

Наглядный пример такой болезни ресурсного национализма и ее лечения — Алжир, который проводил весьма непоследовательную политику в отношении международных компаний. В 1990–2000 годах он пользовался большой популярностью у нефтегазовых МНК, работающих в регионе Ближнего Востока и Северной Африки. На долю Sonatrach приходилось 75% добычи углеводородов в Алжире, но при этом в стране действовали и крупные (BP, Total), и средние компании (Anadarko, Hess, Statoil, Repsol-YPF), и мелкие фирмы типа Gulf Keystone и First Calgary. Несмотря на успехи в сотрудничестве с МНК, к середине 2000-х стало ясно: необходимо повысить эффективность Sonatrach и активнее привлекать иностранные компании, поскольку добыча газа стагнирует, внутреннее потребление растет, а цели по наращиванию экспорта достичь не удастся (см. график).

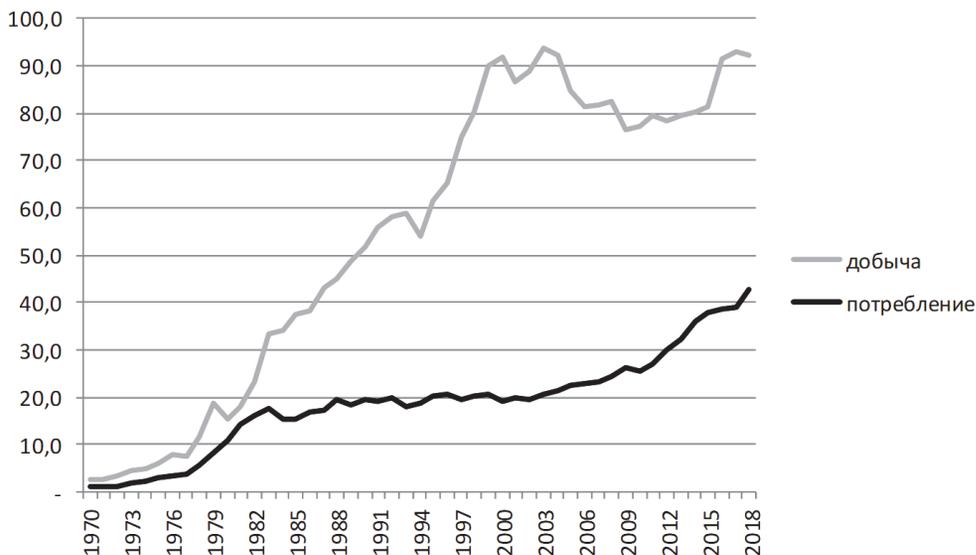


Рис. 4. Добыча и потребление газа в Алжире, 1970–2018 (млрд куб.м)

Источник: BP Statistical Review of World Energy. 2019.

28 апреля 2005 года после жесткого сопротивления оппозиции был принят нефтегазовый закон, который снял с Sonatrach регулятивные функции и постановил, что НК должна конкурировать за лицензии наравне с зарубежными инвесторами. По закону 2005 года НК больше не обязаны были образовывать партнерства с Sonatrach, их доля не ограничивалась 49%. Они получили право владеть мощностями по добыче и переработке углеводородов. Трубопроводный транспорт также перестал быть прерогативой Sonatrach. НК разрешили инвестировать в нефтепереработку, сжижение газа и сбыт нефтепродуктов. Смягчился и налоговый режим, применяемый к контрактам в секторе upstream. Закон 2005 года изначально был гораздо более благоприятным для иностранных инвесторов, чем его предшественник, закон 1986 года. Эксперты надеялись, что с его принятием для нефтегазовой промышленности Алжира начнется новая жизнь. Но дальнейшие события показали, что она не очень отличается от прежней.

Пойдя на поводу у оппозиции, президент Алжира в 2006 году внес поправки в закон 2005 года. В результате Sonatrach снова получила 51% в добычных проектах и минимум 51% в трубопроводах. Кроме того, ввели новый налог на прибыли НК, windfall tax — надбавка от 5 до 50%, когда среднемесячная цена нефти превышает 30 долл./барр. Впрочем, наступивший глобальный экономический кризис и проблемы с нефтегазодобычей быстро заставили Алжир пересмотреть отношение к иностранным инвесторам. Эту необходимость четко показали 7-й, 8-й, 9-й и 10-й лицензионные раунды, которые проводились в принципиально разных макроэкономических условиях.

Седьмой раунд состоялся в июле 2008 года, на пике мировых цен на нефть. Тогдашний министр энергетики Чакиб Хелил заявил, что кандидаты будут отбираться с учетом того, способны ли они помочь Алжиру достичь его целей по развитию upstream и их технологического потенциала. Претенденты также должны были предложить Sonatrach эквивалентные активы в других странах. В результате из 16 выставленных на тендер блоков только четыре обрели хозяев – Eni, BG Group, E.ON и Газпром, хотя изначально интерес проявили более 50 игроков. Хелил винил в провале тендера глобальную финансовую ситуацию, но на самом деле его условия просто оказались слишком жесткими.

В 2009 году, в разгар кризиса, Алжир выставил на новый раунд 10 газовых блоков и предложил более привлекательные условия для участников. Но и этот раунд, где были выданы только три лицензии, разочаровал алжирское правительство.

А в 2010 году Алжир провел девятый раунд. Из 10 участков разошлись лишь два. Эти плачевные результаты трех раундов – закономерный итог поправок к закону 2005 года. После тройного фиаско правительству пришлось частично пересмотреть свою позицию. Пытаясь привлечь в сектор международных инвесторов, в начале 2013 года правительство приняло поправки к закону об углеводородах, которые предоставляют льготы иностранным компаниям, готовым инвестировать в неконвенциональные запасы. Налоги партнеров Sonatrach будут базироваться на прибыли, а не на выручке. Но при этом НКК останется мажоритарным акционером во всех проектах.

Весной 2014 года был объявлен новый тендер на 31 блок, в том числе на участки, содержащие сланцевый газ. Заявки подали более 50 компаний, но, несмотря на новые, более благоприятные условия, были выданы лицензии всего на 4 блока. Аналитики полагают, что очередной провал тендеров связан с недостатком налоговых стимулов, которые могли бы привлечь иностранных инвесторов в новые проекты, коррупционными скандалами в Sonatrach, а также проблемами безопасности в Алжире²⁶.

Отношение к иностранным компаниям сильно менялось и в Бразилии. Монополия Petrobras сохранялась с 1953-го до 1995 год, когда отрасль была дерегулирована. С 1997 года нефтяная промышленность Бразилии окончательно открылась для иностранных компаний, которые теперь участвуют в освоении бразильских шельфовых месторождений. Petrobras должна конкурировать с другими игроками в рамках аукционов на геологические лицензии, проводимых ANP (хотя за ней остались месторождения, которые она осваивала на момент принятия закона). В июне 1999 года ANP организовало первый аукцион: лицензии на 12 блоков получили 11 компаний, в том числе Petrobras, BP, Shell и Texaco. К иностранным первопроходцам потом присоединились Chevron, Repsol, Anadarko, Devon, Statoil и BG Group. На шельфе работает и

²⁶ Energy Information Administration. Algeria. Last updated March 25, 2019, <https://www.eia.gov/international/analysis/country/DZA/background>.

частная бразильская компания OGX²⁷. Но Petrobras до сих пор доминирует в секторе, обеспечивая почти 95% нефтедобычи.

Если меры 1990 годов дали положительный результат, то реформа 2010 годов оказалась неудачной, поскольку, помимо всего прочего, ухудшила условия для работы иностранных нефтяных компаний в Бразилии. Она обуславливала, в том числе, переход от концессий к соглашениям о разделе продукции (СРП) для проектов на подсоловом горизонте и создание нового агентства Pre-Sal Petroleo SA для управления нефтедобычей на подсоловом горизонте. В рамках реформы Petrobras стала оператором каждого СРП, владея по закону 30% в любом проекте на подсоловом горизонте.

Неоднозначные последствия реформы четко проявились в первом же аукционе по гигантскому месторождению Libra, расположенному на подсоловом горизонте, и содержащему, по оценкам, от 8 до 12 млрд баррелей. Правительство рассчитывало, что для участия в торгах регистрируется минимум 40 компаний, тогда как заявки подали лишь 11. И вместо ожидаемых 6 консорциумов предложение сделал всего один. В октябре 2013 года лицензия на месторождение была выдана консорциуму во главе с Petrobras (40%), включающему Total (20%), Shell (20%), CNOOC (10%) и CNPC (10%). Аналитики считают, что проблемы на аукционе возникли из-за сложного налогового законодательства, жестких условий СРП и обременительных для иностранцев правил по локализации (local content). Недовольство международных инвесторов вызвало и создание Pre-Sal Petroleo SA. Новая реформа показала иностранным компаниям, что Бразилия жаждет получить их деньги и технологии, но возражает против усиления их позиций в секторе, и что государство слишком сильно поддерживает свою ННК, наделяя ее компетенциями, которые ей не всегда по силам.

Правда, следует отдать должное бразильскому правительству; оно умеет признавать свои ошибки и их оперативно исправлять. После неудачного аукциона по месторождению Libra в руководстве страны пошли активные дебаты: целесообразен ли специальный регуляторный режим для работы на подсоловом горизонте. Особо острые вопросы вызывали эксклюзивные права, предоставленные Petrobras в рамках СРП, и создание нового агентства.

В результате, в конце 2016 года был принят федеральный закон, вносящий изменения в закон об СРП: было устранено положение, по которому Petrobras должна быть единственным оператором на подсоловом горизонте (вместо обязательного оператора Petrobras получила статус предпочтительного оператора). Это изменение способствовало более активному участию частного и иностранного капитала в освоении подсолового горизонта.

Кроме того, в феврале 2017 года бразильское министерство энергетики представило свои предложения по изменению правил локализации в рамках контрактов на разведку и добычу углеводородов. Прежде нефтяные компании, являющиеся операторами проектов в Бразилии, должны были

²⁷ Energy Information Administration. Brazil. Last Updated April 18, 2019. <https://www.eia.gov/international/analysis/country/BRA>.

использовать до 85% оборудования и услуг местного происхождения. По сути, ставилась задача развивать индустриализацию страны – но в ущерб эффективности нефтяного сектора. Этот уровень локализации был одним из самых высоких в мире, что повышало цены безубыточности проектов, и иностранные компании воспринимали его как препятствие для инвестиций из-за ограниченной и неконкурентоспособной местной базы поставщиков и подрядчиков. Правила по локализации были изменены в начале 2018 года: новые требования составляют 50% для добычных проектов на суше и 18% для проектов в глубоких водах²⁸.

Очевидно, благодаря этим изменениям, 2 и 3 лицензионный раунд на подсольевые ресурсы в соответствии с СРП прошли в 2017 году вполне успешно. Как отмечали эксперты, «бразильское правительство, судя по всему, наконец-то разгадало код, позволяющий распечатать его подсольевые запасы и снимающий ограничения, установленные жестким и неэффективным государственным регулированием в прошлом»²⁹.

Наиболее масштабные и радикальные реформы, изменяющие условия допуска иностранных компаний в нефтегазовый сектор, происходили в последние годы в Мексике. Они были вызваны острейшим кризисом ее нефтянки: нефтедобыча в стране стремительно падает с 2004 года, тогда как потребление нефти стабильно растет (см. график), в результате чего Мексика может скоро утратить статус экспортера нефти, что приведет к тяжелым последствиям для экономики и бюджета страны.

Проблемы связаны с тем уникальным положением, которое Pemex занимает в стране. Pemex – открытая акционерная компания, на 100% принадлежащая мексиканскому правительству. Она была создана в 1938 году в результате национализации активов американских и английских корпораций, работавших тогда в Мексике. С того момента мексиканская Конституция относила нефтяную промышленность к стратегическим отраслям, закрытым для иностранного и частного капитала, в результате чего ННК была лишена доступа к технологиям и менеджменту мирового класса. Pemex была единственным оператором нефтедобычи в стране, а государство – единственным собственником углеводородных ресурсов. Более того, мексиканское правительство очень жестко регулирует деятельность Pemex. Оно облагает ее высокими прямыми налогами, и компания вынуждена выживать за счет заимствований. Зато государство защищает свою ННК от всех внешних неурядиц. Решение о ликвидации или прекращении ее деятельности принимает лишь Национальный конгресс. 75-летнее отсутствие конкуренции в секторе и закрытость Мексики для иностранных инвестиций в нефтянку – одна из основных причин производственных проблем компании.

В октябре 2008 года, в самый разгар кризиса, Конгресс вынужденно одобрил энергетическую реформу, предложенную президентом Фелипе

²⁸ Energy Information Administration. Brazil. Last Updated April 18, 2019. <https://www.eia.gov/international/analysis/country/BRA>.

²⁹ Oil in Brazil: Evolution of Exploration and Production, *Braga Luciana*. 29 Novembre 2018, <https://ideas.repec.org/p/hal/journl/hal-01940290.html>

Кальдероном. Предполагалось, что она повысит гибкость и прозрачность компании. Но ее меры были половинчатые: по-прежнему запрещались иностранная собственность на углеводороды и прямые зарубежные инвестиции в разведку, добычу и транспортировку нефти.

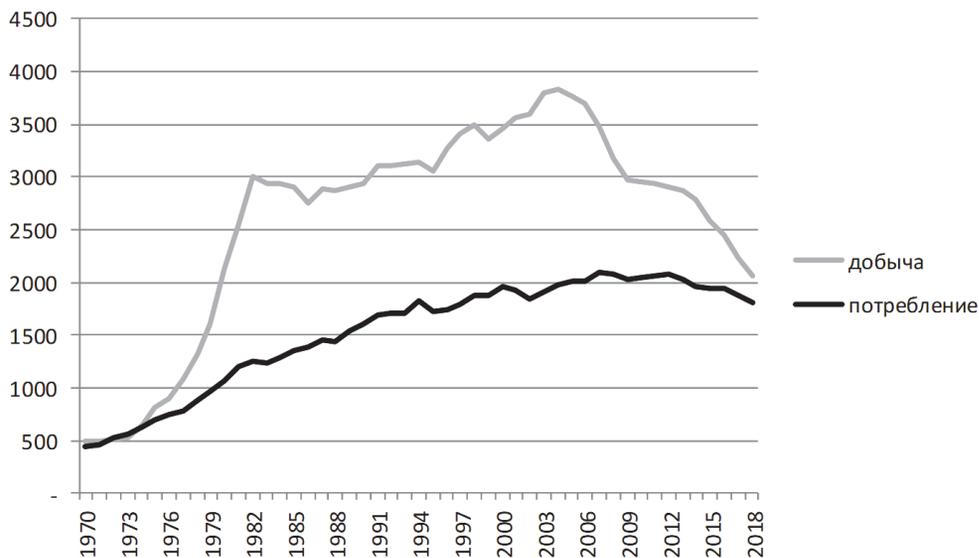


Рис. 5. Добыча и потребление нефти в Мексике, 1970–2018 (тыс. бар./д)
 Источник: BP Statistical Review of World Energy – 2019.

Поскольку положение дел в секторе продолжало неумолимо ухудшаться, новый президент Энрике Пенья Ньето, вступивший в должность 1 декабря 2012 года, приступил к радикальным реформам. Обвальное падение добычи Pemex было одним из основных факторов, который сделал возможным «Pact for Mexico», политическую коалицию, объединившую Партию институциональной революции, Партию национального действия, Партию демократической революции и Партию зеленых, и создавшую тем самым условия для энергетической реформы. Президенту Ньето удалось заручиться 2/3 голосов в палате депутатов и сенате, что дало возможность изменить Конституцию. 21 декабря 2013 года были внесены поправки в статьи 25, 27 и 29. Они были направлены на создание конкуренции в секторе, разрешив частные и зарубежные инвестиции в нефтянку. Хотя НКК и утратила свою 75-летнюю монополию, она осталась доминирующим игроком в секторе.

Реформа весьма неоднозначно воспринималась в Мексике, ведь она подрывала устои того, что многие мексиканцы считали важнейшим завоеванием мексиканской революции начала 20 века: национализацию нефтяного богатства страны в 1938 году и создание государственной компании Pemex. Недаром до сих пор 18 марта 1938 года отмечается как национальный праздник «день нефтяной экспроприации», а нефть

воспринимается как святая святых для Мексики. Чтобы успокоить оппозицию и простых мексиканцев, президент Ньето официально объявил: «Pemex не будет продана или приватизирована. Pemex будет модернизирована и усилена»³⁰.

Отвечая на жесткую критику оппозиции, Ньето отмечал: «Благодаря этой реформе мексиканское государство сохраняет собственность на углеводородные запасы, и в то же время она разрешает участие частных компаний во всей цепочке стоимости нефтегазовой промышленности, и практически во всей электроэнергетике». Показательно, что IHS CERA вручила Ньето Global Energy Lifetime Achievement Award за его деятельность по реформированию мексиканской энергетики; впервые в истории эту почетную награду получил глава государства³¹.

Процесс реформ в Мексике при Ньето шел на удивление быстро, опять же подтверждая важную роль личности в энергетической истории. Президент представил пакет законодательных новшеств в августе 2013 года, они прошли через Конгресс в декабре. Затем парламент принял подзаконные акты, которые должны управлять реализацией реформы.

Однако поначалу претворение реформы в жизнь продвигалось с трудом. Первый аукцион на мелководные участки в Мексиканском заливе, прошедший в 2015 году, закончился почти провалом: международные мейджоры не стали в нем участвовать, и были проданы лицензии только на два из 14 блоков³². В определенном смысле президенту Ньето не повезло – реформа начиналась в период относительно высоких цен на нефть, которые затем рухнули в 2014 году, что подорвало интерес международных компаний к инвестированию в нефтянку Мексики.

Правда, затем ситуация постепенно улучшилась, и мейджоры стали уделять гораздо больше внимания мексиканским аукционам; в Мексику пришел даже наш ЛУКОЙЛ. В январе 2018 года правительство выдало лицензии на 19 блоков в Мексиканском заливе международным нефтегазовым компаниям, в том числе Royal Dutch Shell. В марте 2018 года на аукцион были выставлены еще 35 мелководных нефтегазовых блоков, и был подписан ряд контрактов с такими компаниями, как Repsol, Total и Eni.

Реформа принесла свои плоды в виде новых запасов углеводородов: в сентябре 2016 года Pemex объявила, что открыла шесть месторождений в Мексиканском заливе. В марте 2017 Eni обнаружила значительные запасы нефти, пробуравив скважину Амоса-2 в заливе Кампече. В июле 2017 года совместное предприятие, в которое входили Premier (Великобритания),

³⁰ Washington Post. Mexican president proposes historic changes to state-owned Pemex oil monopoly. *Stephanie McCrummen*. August 12, 2013. https://www.washington-post.com/world/mexican-president-proposes-historic-changes-to-state-owned-pemex-oil-monopoly/2013/08/12/7f848d4c-0380-11e3-bfc5-406b928603b2_story.html

³¹ Rigzone. Pena Nieto Committed to Fully Implementing Energy Reform, *Karen Boman*, February 22, 2016, https://www.rigzone.com/news/oil_gas/a/143166/pena_nieto_committed_to_fully_implementing_energy_reform/

³² Bloomberg. Mexico Energy Reform Starts With Thud in Offshore Oil Auction. *Adam Williams, Andrea Navarro and Eric Martin*. July 15, 2015, <https://www.bloomberg.com/news/articles/2015-07-15/oil-majors-shun-mexico-offshore-auction-as-blocks-go-unsold>

Talos Energy (США) и Sierra Oil and Gas (Мексика) проинформировало о крупном открытии в южной части Мексиканского залива. Новое месторождение может содержать до 2 млрд бар. нефти, и, как сказал Тим Дункан, глава Talos, это событие знаменует «как раз то, что должно стать результатом энергетической реформы: новый капитал, новые участники, и дух изобретательности, которые будут способствовать созданию новых рабочих мест и увеличению государственных доходов в Мексике»³³. И в ноябре того же года Pemex сделала свое крупнейшее за 15 лет открытие на суше, в восточной части штата Веракрус.

С начала реализации реформы в 2014 году Мексика подписала более 100 нефтяных контрактов, которые могут обеспечить до 200 млрд долл. инвестиций от международных мейджоров и китайских нефтяных компаний. От реформы выиграла и Pemex, которая в мае 2017 году впервые с 2012 года отчиталась о прибыли: до этого она несла одни убытки³⁴.

Но эти достижения реформы по большей части были не видны простым мексиканцам. Эксперты Brookings Institution провели опрос общественного мнения в Мексике по поводу реформы, результаты которого весьма поучительны. Мексиканцы плохо себе представляли масштабы кризиса нефтяной промышленности, который сделал необходимым изменение Конституции. Они полагали, что реформа не принесла положительных результатов, и не доверяли частным инвестициям в энергетический сектор³⁵.

Кроме того, несмотря на успешные геологоразведочные работы и крупные открытия, мексиканская добыча нефти продолжала падать, что вызывало недовольство противников реформы. В 2018 году, когда проходили президентские выборы, президент Ньето, отвечая на критику оппозиции, в первую очередь левых сил, к которым относится его преемник Обрадор, справедливо отмечал, что потребуется время, прежде чем энергетическая реформа принесет свои плоды в виде роста нефтедобычи³⁶.

За короткое время правления нового президента Обрадора, пришедшего к власти 1 декабря 2018 года, энергетическая реформа была практически полностью свернута. Андреас Мануэль Лопес Обрадор всегда был ярким противником энергетической реформы 2013 года, и строил свою предвыборную кампанию во многом на ее критике. Еще в августе 2013 года, когда президент Ньето собирался обнародовать свои планы реформы, Андрес Мануэль Лопес Обрадор обратился к правящей Партии институциональной революции: «Нефть — это собственность нации. Я убежден, что приватизация нефтяного сектора (...) — предательство

³³ Energia 16. Mexico's Energy Reform: the Flight of the Eagle. *Andrés Tovar*. 06/03/2018 <https://www.energia16.com/mexicos-energy-reform-the-flight-of-the-eagle/?lang=en>

³⁴ Energy Briefing: AMLO's nationalist agenda clouds future for Mexico's energy sector. *Leo Kabouche*, November 8, 2018, <https://globalriskinsights.com/2018/11/energy-briefing-amlo-nationalist-agenda-clouds-future-mexico-energy-reform/>

³⁵ Brookings Institution. Will Mexican Energy Reform Survive Political Transition? What Mexicans Think. *Carlos Pascual, David G. Victor and Rafael Fernandez de Castro*, June 2018. <https://www.brookings.edu/research/will-mexican-energy-reform-survive-political-transition/>

³⁶ Reuters, Mexican president defends energy reform from leftist's attacks, March 23, 2018, *Adriana Barrera and Dave Graham*; <https://www.reuters.com/article/us-mexico-oil/mexican-president-defends-energy-reform-from-leftists-attacks-iduskbn1gz0du>

страны. Мы должны называть вещи своими именами. Они – предатели». Став президентом Мексики, он начал прилагать усилия к тому, чтобы «нефть снова не попала в руки иностранцам»³⁷.

Когда стало ясно, что на выборах побеждает Обрадор, который, вероятнее всего, изменит энергетический курс своего предшественника, в июле 2018 года National Hydrocarbons Commission объявила, что перенесет два назначенных аукциона и тендер по поиску партнеров для Pemex с сентября 2018 года на февраль 2019 года. Оправданно опасаясь последствий политики новой администрации для НКК, 19 октября 2018 года Fitch понизило прогнозный рейтинг Pemex со «стабильного» до «негативного».

В декабре 2018 года президент Обрадор, только что вступивший в должность, приостановил на три года новые аукционы по нефтяным лицензиям. Более того, в середине 2019 года он жестко раскритиковал энергетическую реформу, назвав ее «провалом», и заявил, что не будет проводить новые конкурсы и аукционы для иностранных нефтяных компаний, до тех пор, пока они не продемонстрируют осязаемые результаты в виде роста инвестиций и нефтедобычи³⁸. Хотя результаты в виде открытий новых месторождений они уже четко продемонстрировали. Очевидно, президент Обрадор забыл, что нефтяная промышленность отличается длинным инвестиционным циклом, и обычно проходят годы между открытием запасов и началом добычи на месторождении.

Новое правительство по-прежнему собирается использовать Pemex как инструмент экономического развития. Президент Обрадор возлагает на нее задачу самостоятельно осваивать нефтяные месторождения, которые она не способна эффективно разрабатывать, поскольку не обладает для этого ни технологическими компетенциями, ни средствами (на начало 2019 года ее финансовый долг составлял 106 млрд долл.; сейчас это самый высокий показатель среди нефтяных компаний мира)³⁹.

Стратегическая цель Обрадора – увеличить добычу нефти до 2,5 млн бар./д (с 2,0 млн бар./д в 2018 году), инвестировав 3,8 млрд долл. в разведку и буровые работы, представляется мало реалистичной. Такое увеличение добычи можно обеспечить только за счет глубоководных и неконвенциональных запасов, которые Pemex способна осваивать лишь в рамках совместных предприятий с технологически передовыми компаниями, где она будет выступать младшим партнером. Но подобный вариант кажется националистически настроенному президенту неприемлемым, и пока что в его энергетической стратегии идеологические соображения явно одерживают победу над прагматическими.

³⁷ Energy Briefing: AMLO's nationalist agenda clouds future for Mexico's energy sector. *Leo Kabouche*, November 8, 2018, <https://globalriskinsights.com/2018/11/energy-briefing-amlos-nationalist-agenda-clouds-future-mexico-energy-reform/>

³⁸ Oil Price. The End Of Mexico's Rigorous Energy Reform. *Tsvetana Paraskova*, June 22, 2019, <https://oilprice.com/Energy-General/The-End-Of-Mexicos-Rigorous-Energy-Reform.html>

³⁹ Reuters, Exclusive: Pemex plans debt refinancing, greater output as path to healthier balance sheet, *Ana Isabel Martinez*, June 21, 2019. <https://www.reuters.com/article/us-mexico-pemex-exclusive-idUSKCN1TM2BP>

Итак, опыт многих нефтегазодобывающих стран показывает, что энергетические реформы необходимы, главным образом в условиях низких цен на нефть и проблем с нефтегазодобычей. Они часто оказываются весьма болезненными, в первую очередь при отмене топливных субсидий, и вызывают острую критику оппозиции и населения, поскольку их положительные результаты бывают видны не сразу, особенно если отрасль находилась в тяжелом состоянии. Более того, реформы, в которых политические, прежде всего националистические, соображения преобладают над экономическими, могут оказаться просто вредны. Так, примеры многих стран показали, что реформы, направленные на демонополизацию и либерализацию нефтянки, частичную приватизацию НКК и создание благоприятных условий для работы иностранных компаний, ведут к возрождению сектора. Напротив, реформы, при которых возрастает доля государства в национальной нефтяной компании и ограничивается участие мейджоров в разработке месторождений, могут подорвать перспективы развития отрасли.

Справедливость этого утверждения легко будет проверить на примере Мексики. К 2024 году, концу президентского срока Андреаса Манюэля Лопеса Обрадора, который свернул либеральную реформу своего предшественника, станет четко видно, куда заведет нефтяную промышленность страны его энергетическая политика, делающая ставку на ресурсный национализм.

N. Poussenkova (e-mail: npoussenkova@imemo.ru)

Ph.D. in Economics,
Senior researcher at the Institute of World Economy and International Relations,
Russian Academy of Sciences

REFORMING NATIONAL OIL COMPANIES: SUCCESSES AND FAILURES

The article analyses the key trends in the energy sector reforms that were implemented in Algeria, Angola, Brazil, Colombia, Indonesia, Mexico, Nigeria and Saudi Arabia.

The author studies such important aspects of these reforms as elimination of fuel subsidies, partial privatization of national oil companies, demonopolization of the sector, creation of an independent regulator, and measures aimed at attracting international oil companies. The paper discusses the main drivers of these reforms, reasons for their successes and failures, as well as the implications of the reforms for the national oil companies in these countries.

Key words: energy reforms, national oil companies, fuel subsidies, partial privatization, demonopolization, licensing policy, foreign investors.

DOI: 10.31857/S020736760010593-1

Требования к рукописям, представляемым для публикации в журнале «Общество и экономика»

Содержание статьи должно соответствовать тематическим направлениям журнала, обладать научной новизной и представлять интерес для специалистов по соответствующей проблематике.

Объем рукописи не должен превышать 1,5 авторского листа (60 тыс. знаков).

Текст статьи представляется в формате Microsoft Word в соответствии со следующими параметрами: шрифт Times New Roman, размер шрифта – 14 кегль, межстрочный интервал – 1,5. Иллюстративный материал должен быть представлен в форматах **tiff**, **eps**. Отсканированные изображения должны быть с разрешением не менее 300 dpi для тоновых изображений и не менее 600 dpi для штриховых изображений (графики, таблицы, детали, выполненные чертежными инструментами).

Список литературы приводится в конце статьи в соответствии с принятыми стандартами библиографического описания.

Статью должны сопровождать аннотация (5–10 строк) и ключевые слова на русском и английском языках.

К статье должны прилагаться **сведения об авторе** (авторах) с указанием Ф.И.О. (полностью), ученой степени, ученого звания, места работы, должности, сл. и дом. телефонов, электронного адреса.

Рукописи подлежат рецензированию.

Плата за публикацию с аспирантов не взимается.

Рукописи следует присылать по адресу: socpol@mail.ru

Приглашаем авторов для быстрой и удобной подачи статей в журналы РАН воспользоваться редакционно-издательским порталом [RAS.JES.SU](https://ras.jes.su):

- 1) пройти процедуру регистрации (указать Ф.И.О., e-mail и задать пароль);
- 2) в меню **«Мои публикации»** станет активна кнопка «Заявка на публикацию», нажав на которую, Вы автоматически попадете на страницу, где будет предложено внести всю необходимую информацию о статье;
- 3) можно оставить краткий комментарий в поле **«Комментарии для редактора»**. Статья будет отправлена в редакцию сразу же после нажатия кнопки **«Отправить редактору»**.

Подробная инструкция размещена по ссылке: <https://ras.jes.su/submit-paper-ru.html>

Оформить подписку на журнал «Общество и экономика» можно следующими способами:

1. на печатную версию журнала можно подписаться на сайте ГАУГН-Пресс во вкладке Журналы РАН <https://press.gaugn.ru/journals-ras/oie/>;
2. на электронную pdf-версию журнала оформить подписку можно на сайте журнала <https://oie.jes.su/> или на редакционно-издательском портале Журналы РАН <https://ras.jes.su/oie/>;
3. через подписной каталог Почты России.

Подписано к печати 20.07.2020 г.
Тираж 150 экз. Зак. 12/7а. Цена свободная
70×100¹/₁₆. Уч.-изд. л. 17.5

Учредители: Российская академия наук,
Международная ассоциация академий наук
Адрес редакции: 101000, г. Москва, ул. Малая Лубянка, д. 16, подъезд 3.
Тел. (495)628-83-19, тел./факс: (495)624-50-98
E-mail: socpol@mail.ru

Издатель: Российская академия наук
Исполнитель по контракту № 4У-ЭА-040-19
ООО «Интеграция: Образование и Наука»
105082, г. Москва, Рубцовская наб., д. 3, стр. 1, пом. 1314
Отпечатано в ООО «Институт Информационных технологий»

ГАУГН-ПРЕСС

«ГАУГН-ПРЕСС» осуществляет свою деятельность на базе Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) и научно-исследовательских институтов Российской академии наук социогуманитарного профиля в рамках их сетевого взаимодействия.



КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

- формирование учебно-методических комплексов
- развитие научной периодики
- внедрение новых стандартов научной коммуникации



ПРИНЦИПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- интеграция науки и образования
- модульный характер актуализации гуманитарного знания
- сетевое взаимодействие научных и методических центров

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА



СЕТЕВАЯ ПЕРИОДИКА



По вопросам приобретения научной и учебной литературы, печатных изданий журналов Российской академии наук, а также оформления подписки на сетевую периодику обращаться по адресу press@gaugn.ru

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ ГАУГН

НА БАЗЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЭКОНОМИКО-МАТЕМАТИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА РАН



БАКАЛАВРИАТ

Экономика
Экономическая логистика
Менеджмент организации
Менеджмент в СМИ и рекламе



МАГИСТРАТУРА

Экономика и управление наукой,
технологиями и инновациями
Общий и стратегический
менеджмент



АСПИРАНТУРА

Экономика

ЦЭМИ РАН — крупнейший центр отечественной и мировой экономической науки, собравший под своей эгидой целое созвездие блестящих ученых с мировыми именами. Теоретические дисциплины преподают ведущие ученые, а практические занятия — специалисты бизнес-школ и консультанты по управлению, маркетингу и финансам.

Студенты факультета с первых дней могут проходить стажировки в ведущих научных институтах, принимать участие в различных проектах, международных симпозиумах и конференциях.

Выпускники факультета получают фундаментальную экономическую подготовку, умение квалифицированно разбираться во всех разделах и современных течениях экономической и управленческой науки, что дает им дополнительные преимущества для трудоустройства в органах государственного управления, коммерческих и консалтинговых компаниях, исследовательских центрах, рекламных и информационных агентствах, а также в сфере науки и высшего образования.

5 ПРИЧИН ПОСТУПИТЬ В ГАУГН



ВЫДАЮЩИЕСЯ ПРЕПОДАВАТЕЛИ

Ученые из научно-исследовательских институтов РАН, включая академиков, член-корреспондентов, докторов и кандидатов наук.



ВОСТРЕБОВАННОСТЬ ВЫПУСКНИКОВ

Выпускники востребованы на рынке труда. Контакты с будущими работодателями устанавливаются во время практики.



МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Некоторые лекции читают приглашенные специалисты из других стран. Большое внимание уделяется языковой подготовке.



УДОБСТВО

Факультеты находятся в Москве в непосредственной близости от метро. Обучение в магистратуре и аспирантуре в основном проходит в вечернее время. Подать документы можно онлайн.



СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Студенты ГАУГН могут участвовать во многочисленных студенческих клубах («Что? Где? Когда?», Клуб политического анализа, Китайский разговорный клуб и др.).